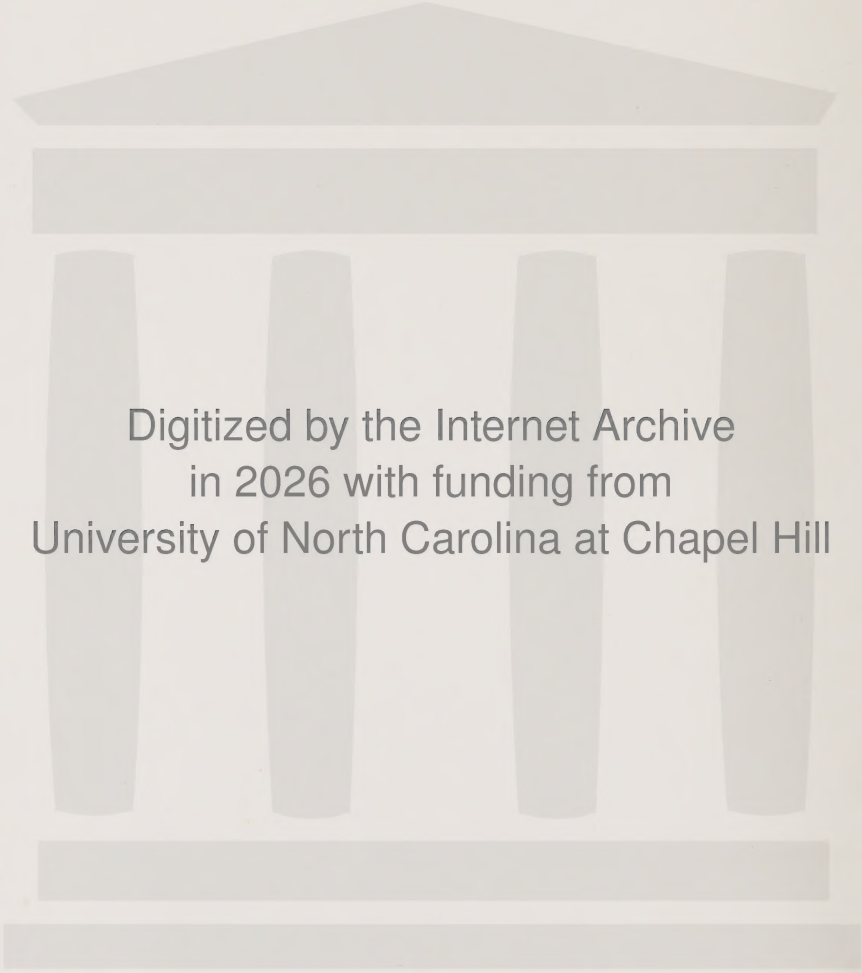
O LEONIDIE ANDREEVIE, VALERII BRUISOVIE. . .

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

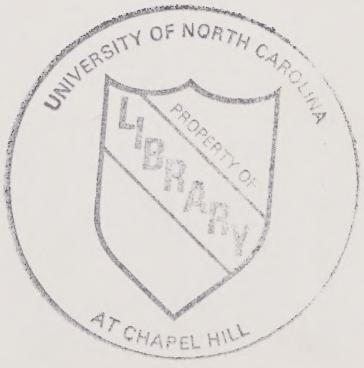
ENDOWED BY THE
DIALECTIC AND PHILANTHROPIC
SOCIETIES

PG3016
.P457
1910

00005161399


Digitized by the Internet Archive
in 2026 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

https://archive.org/details/oleonidieandreev00pils


UNIVERSITY OF NORTH CAROLINA
PROPERTY OF
LIBRARY
AT CHAPEL HILL

П 3250

Г. Ш.

Петръ Пильскій

О Леонидѣ Андреевѣ,

Валеріи Брюсовѣ,

Н. Минскомъ, Ѳед. Сологубѣ,

А. Купринѣ, М. Арцыбашевѣ.

О критикѣ, о Д. Писаревѣ,

Е. Соловьевѣ, В. Буренинѣ,

Ант. Крайнемъ и др.

С.-П.-Б. ... 1910 ... изд-во "ПРОГРЕССЪ"

ПЕТРЪ ПИЛЬСКІЙ.

220
PG3016
.P457
1910

О

ЛЕОНИДѢ АНДРЕЕВѢ, ВАЛЕРІИ БРЮСОВѢ, Н. МИНСКОМЪ, ѲЕД. СОЛОГУБѢ, А. КУПРИНѢ, М. АРЦЫБАШЕВѢ. — О КРИТИКѢ, О Д. ПИСАРЕВѢ, ЕВГ. СОЛОВЬЕВѢ, В. БУРЕНИНѢ, АНТ. КРАЙНЕМЪ И ДР.

Г. Ш.

O LEONIDIE ANDREEVIE...

СПБ.
ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРОГРЕССЪ“.
1910.

„Русская Скоропечатня“, Спб., Екатерин. кан., 94.

75224

Л. П. Б-ой

посвящаю эту книгу.

Предисловіе.

Изъ литературы уходитъ непосредственность. Почти все, что пишется сейчасъ, создано холодной мыслью, и даже такой, казалось-бы, близкій землѣ писатель, какъ Купринъ, только описываетъ, взвѣшивая, но не любя. На это превалирующее значеніе отвлеченной мысли въ новой литературѣ я указываю въ цѣломъ рядѣ моихъ очерковъ,— въ статьѣ о Леонидѣ Андреевѣ, о Брюсовѣ, о Сологубѣ, о Минскомъ и проч. Изучать это явленіе — значило бы писать новую книгу, цѣлое изслѣдованіе, и здѣсь я ограничился лишь указаніемъ на самый фактъ.

Читатель критическихъ книгъ—двухъ родовъ.

Одинъ—поучающійся, другой — несоглашающійся.

Первый—читатель-ученикъ, второй—читатель-спорщикъ, читатель-оппонентъ.

Все, что я писалъ,—писалъ для второго: это—самый цѣнный читатель-другъ, надежный, вдумчивый и страстный.

Я хотѣлъ заставить моего читателя не только понять писателя, но и чувствовать его, и хлопоча объ этомъ для другихъ, желалъ-бы, чтобъ и эта книга была не только прочтена, но и привела бы къ постиженію и разгадкѣ ея автора.

Въ иныхъ статьяхъ я пробую рисовать психологическіе портреты писателей, намѣчаю черты ихъ духовнаго лица, которыя казались мнѣ типичными и освѣщающими ихъ книги и ихъ художественную манеру. Такъ я поступилъ и въ характеристикѣ Л. Андреева, и Куприна, и Сологуба, пожалуй, даже Брюсова. Я считаю этотъ пріемъ вполнѣ законнымъ правомъ критика совершенно такъ же, какъ помѣщеніе фотографическихъ портретовъ авторовъ въ ихъ книгахъ: сложная духовная организація художника, конечно, нераздѣлима и цѣльна, но отдѣльныя черты человѣка, писателя и мыслителя поддаются отдѣльному изученію и необходимо должны стать его предметомъ.

Ни одной изъ статей, печатавшихся въ „толстыхъ“ журналахъ (Міръ Божій“, „Русская Мысль“, „Наука и жизнь“ „Вѣстникъ Знанія“ и др.), я не ввелъ въ книгу. Исключеніе составляетъ статья: „О критикѣ“ (мечты и парадоксы), напечатанная въ московскомъ журналѣ „Перевалъ“.

Нѣкоторыя изъ нихъ написаны „на случай“. „Евгеній Соловьевъ“ моя вступительная статья къ его

„Очеркамъ по исторіи русской литературы XIX вѣка“, къ которымъ мною же было написано и предисловіе; о Писаревѣ писано по случаю 40-лѣтія со дня его смерти (на что указываютъ и подзаголовныя даты: 1868—1908); по тому, или иному случаю написаны статьи о Минскомъ и Буренинѣ.

Петръ Пильскій.

С.-Петербургъ.
1909.

I.

ЛЕОНИДЪ АНДРЕЕВЪ

(личность и творчество).

I.

1.

— Какъ познакомились?

Не помню. Развѣ важно?

Впрочемъ, кажется, такъ: смотрѣло въ окна апрѣльское солнце, наступала весна, я сидѣлъ въ одной изъ московскихъ редакцій.

Отворилась дверь и вошелъ человѣкъ въ косовороткѣ, черной поддевкѣ, черной шапкѣ на черной головѣ, съ черными глазами, и я услышалъ, что это—Андреевъ.

— Газетный фельетонистъ и начинающій беллетристъ!

ПЕТРЪ ПИЛЬСКІЙ.

Мало ли ихъ, газетныхъ фельетонистовъ, которые въ то же время начинающіе беллетристы!

— Его Горькій любитъ!

А! это—дѣло другое! Если и Горькій любитъ, тогда другое дѣло. Въ то время—и вдругъ увидѣть любимца Горькаго,—шутка?

Кто то отозвалъ меня въ сторону и, приложивъ руку ко рту, шепнулъ мнѣ на ухо:

— Пьетъ!

— Ну?

— Ей Богу!

А потомъ, черезъ два года я читалъ въ одномъ изъ газетныхъ отчетовъ:

... „Лекторъ, д-ръ Ивановъ, подробно остановился на анализѣ психопатологическихъ типовъ Леонида Андреева и поставилъ ихъ въ связь съ порочной жизнью автора, такъ какъ хорошо всѣмъ извѣстно, что Леонидъ Андреевъ пьетъ, и даже лежалъ въ клиникѣ, лечась отъ этого тяжелаго недуга, сведшаго въ могилу не одинъ русскій талантъ“...

А черезъ нѣсколько дней въ той же газетѣ увидѣлъ первое (и послѣднее) „письмо въ редакцію“ самого Андреева, изъ котораго оказывалось, что Андреевъ, дѣйствительно, лечился, но... отъ желудочной болѣзни.

Въ то время мы встрѣчались рѣдко, мало говорили, но впослѣдствіи сблизились, и я узналъ отъ него, какъ и откуда пошелъ этотъ слухъ.

Конечно, „пить“—Андреевъ никогда не „пилъ“,

но вѣрно то, что пора студенчества и у него прошла не безъ тѣхъ попоекъ, какія зналъ даже тихій и болѣзненный А. П. Чеховъ.

Но потомъ, гдѣ бы ни упомянулъ Леонидъ Андреевъ о пьянствѣ и пьяницахъ, считали своимъ долгомъ разгадать:

— Это онъ про себя.

Въ „Разсказѣ о Сергѣѣ Петровичѣ“ студентъ Новиковъ лазитъ по деревьямъ, любитъ пошумѣть, много играетъ на билліардѣ, пьянствуетъ.

Довольно!

— Новиковъ,—вы знаете?—это, вѣдь, автобіографія!

— Какъ такъ?

— А такъ, вотъ. Кто же не знаетъ, что самъ Андреевъ половину своей жизни проспалъ на билліардѣ!

— Да что вы?

— Ей Богу, вотъ...

Прототипомъ для личности Новикова Леониду Андрееву послужилъ его товарищъ по университету, человѣкъ рѣдкихъ дарованій, хорошей начитанности и большого природнаго ума. Теперь онъ—одинъ изъ выдающихся русскихъ ученыхъ, и Леонидъ Андреевъ и по сейчасъ еще сохранилъ о немъ самыя радостныя и свѣтлыя воспоминанія.

Если есть что-нибудь автобіографическое въ „Разсказѣ о Сергѣѣ Петровичѣ“, то только одно: подчиненность ницшевскимъ вліяніямъ. Для Андреева

Ницше одно время сталъ учителемъ и кумиромъ. Отъ Ницше перешли къ Андрееву бодрость и сомнѣнія, широта обобщеній и крайній субъективизмъ, величавость поэтическихъ настроеній и даже многое изъ языка. Не всѣмъ извѣстно, что Андреевъ, одинъ изъ первыхъ въ Россіи, вмѣстѣ съ П—вымъ („Новиковымъ“) взялся за переводъ Ницше.

2.

И „Разсказъ о Сергѣѣ Петровичѣ“—не единственный, въ которомъ живые люди и ихъ черты послужили матеріаломъ для литературной обработки. Леонида Андреева такъ часто и такъ упорно упрекаютъ въ „сочинительствѣ“, что на этомъ стоитъ остановиться.

Его спросили:

— Вы видѣли когда-нибудь своихъ героевъ?

Андреевъ отвѣтилъ:

— По крайней мѣрѣ, большинство! Едва ли я даже могъ бы написать что-нибудь, не увидавъ моего героя въ дѣйствительности.

Не правда ли, странно? Помилуйте! Такая громадная творческая сила, такая необычайная фантазія—и нуждаться въ „натурѣ“! Леонидъ Андреевъ—недурной художникъ карандашомъ, и когда-то этотъ карандашъ былъ его единственнымъ источникомъ существованія.

При такихъ данныхъ и въ самомъ дѣлѣ было странно слышать о томъ, что ему всегда нуженъ манекенъ.

— А менекенъ мнѣ, между тѣмъ, всегда нуженъ. Мнѣ нужно живое лицо. Я долженъ запомнить его жесты, его черты, его фигуру, даже его отдѣльныя слова. Правда, начиняю его я собственной моей начинкой, но всякій разъ, когда пишу, мнѣ нуженъ тотъ, или другой „натурщикъ“.

Положимъ, разговоръ происходилъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Но и до сихъ поръ—мнѣ кажется такъ—Андреевъ не выдумываетъ, а воспроизводитъ. Толчкомъ къ „Жизни Человѣка“ послужила одна изъ картинъ Гойя. Есть намеки на подобное же происхожденіе въ „Царѣ Голодѣ“. Многіе изъ орловскихъ обывателей послужили натурой для его раннихъ разсказовъ. Пребываніе въ клиникѣ вызвало „Жили-Были“.

И т. д., и т. д., и т. д.

Левъ Толстой, Ницше и Библія—вотъ три главныхъ фактора въ умственной эволюціи и умственномъ кризисѣ Леонида Андреева.

Конечно, не обошлось безъ вліянія Эдгарда По, даже Гюго, быть можетъ, отчасти и нашего Гаршина, и, конечно, нашего Достоевскаго. Но все это второстепенно, все это—второе, третье, преходящее, отпавшее и ушедшее, и только три знака остаются и понынѣ, подъ которыми выросла и оформилась андреевская душа: Толстой, Ницше и Библія.

И по глубокому трагизму послѣдствій, и по силѣ вліяній, и по огромности переворота, произведеннаго въ душѣ Андреева, главное значеніе имѣлъ Левъ Толстой. Онъ же первый и по времени.

Л. Андреевъ рано началъ читать. Чуть ли не съ 5—6 лѣтъ. Это былъ не каталогъ, а мѣшанина изъ сказокъ и былинъ, классиковъ и макулатуры, уголовныхъ романовъ и бульварныхъ повѣстей, странная и дикая смѣсь крови, фантазма, правды, ужасовъ, романтики, вымысла и популярной науки. Андреевъ захлебывался.

До четырнадцати лѣтъ все его дѣтство проходитъ въ чтеніи и шалостяхъ. Болѣе счастливаго—безпечнаго и легкаго—дѣтства, чѣмъ свое, Андреевъ не знаетъ. Но въ четырнадцать лѣтъ въ руки, вчера цѣплявшіяся за сучья, державшія Майнъ-Рида и Понсонъ-дю-Террайля, попадаетъ Левъ Толстой:

„Въ чемъ моя вѣра“.

И здѣсь начало трагедіи.

Съ этого момента закатывается солнце юности настойчивая мысль становится постоянной гостьей, незваныя сомнѣнья поселяются въ душѣ.

— „Въ чемъ же м о я вѣра“?

Но отвѣта нѣтъ, его неоткуда добыть, вопросъ засталъ Андреева врасплохъ, какъ не разъ и не одного изъ русскихъ юношей. Андреевъ отвергъ, не принявъ, всю положительную сторону толстовской вѣры, и остался при отрицательной,—съ безвѣріемъ и невѣріемъ.

3.

Лѣтъ шесть тому назадъ, уступая настойчивой и горячей просьбѣ В. С. Миролюбова, тогда редактора „Журнала для всѣхъ“, Л. Н. рѣшился написать свою одностраничную автобіографію, за которую краснѣетъ и доселѣ,—автобіографію неполную скрытную, полуискреннюю, и въ ней, вотъ что, стыдясь и волнуясь, говорилъ онъ:

...„Въ 1894 году, въ январѣ я неудачно стрѣлялся, послѣдствіемъ неудачнаго выстрѣла было церковное покаяніе, наложенное на меня начальствомъ, и болѣзнь сердца, не опасная, но упрямая и надоѣдливая“...

И это—неправда,—не вся правда, на двѣ трети скрытая,—конечно, изъ застѣнчивости: не разъ, а три раза покушался Андреевъ на себя, не разъ, а три раза онъ пытался разстаться съ этой жизнью.

— „Разъ нельзя побѣдить, надо умереть“.

И ему, влюбленному въ Мысль, побѣдить жизнь было нужно только Мыслью.

Но...

— „Если жизнь не удастся тебѣ, если ядовитый червь пожираетъ твое сердце, знай, что удастся смерть“.

И Андреевъ трижды подходитъ къ ней, упрямо и настойчиво, мѣняя ножъ на револьверъ, бросаясь подъ поѣздъ. Почти на цѣлое десятилѣтіе юности растянулся этотъ періодъ отчаянія и безысходности.

ПЕТРЪ ПИЛЬСКІЙ.

Почти цѣлое десятилѣтіе ушло на скитанья по книгамъ и людямъ—все въ тѣхъ же поискахъ вѣры, и бога, и смысла загадочной человѣческой жизни.

— „Великая загадка—человѣкъ и его жизнь".

Но богъ не откликнулся. И уже спустя нѣсколько лѣтъ Андреевъ стоитъ, успокоенный и разочарованный, въ равнодушномъ отдаленіи отъ него, разъ навсегда схоронивъ мечты на возможность обрѣтенія вѣры.

Въ 1905 году только еще начинающій—молодой беллетристъ Д., проѣздомъ черезъ Москву, сдѣлалъ визитъ Л. Андрееву. Тогда только что появился „Ѳивейскій".

Д. долго бесѣдовалъ съ его авторомъ о странномъ священникѣ, о жаждѣ чуда и богѣ:

— Не вѣрю и не ищу его,—упорно твердилъ Андреевъ.—Не вѣрю и не ищу.

Д. смотрѣлъ съ сомнѣніемъ. Нѣсколько мистикъ, онъ говорилъ Андрееву о надземной власти и радости той таинственной Силы, которая зовется богомъ, которая манитъ и не дается, которую искали вѣка и тысячелѣтія, которую ищутъ и разгадываютъ и сейчасъ, и будутъ еще долго,—быть можетъ, всегда—искать и испытывать.

Андреевъ стоялъ на своемъ. Д. простился и уѣхалъ. Пришлось быть еще въ нѣсколькихъ мѣстахъ—и вернуться въ номеръ часа черезъ два. Когда вернулся, ему подали письмо:

...„Если богъ—издатель этого міра, я отказываюсь сотрудничать въ этомъ изданіи.

Леонидъ Андреевъ".

Но навсегда осталась для Андреева наставникомъ и радостью другая вѣщая книга.

4.

Лѣтъ шесть тому назадъ молодой авторъ написалъ разсказъ.

Въ немъ человѣкъ, истомленный жизнью, озлобленный ея неправдой и мракомъ, подъ вліяніемъ Библіи, кончаетъ съ собой. Вечеромъ, наканунѣ, вмѣстѣ съ другимъ онъ читаетъ „Книгу Іисуса сына Сирахова" и его больной и уставшій мозгъ поражаютъ стихи:

„О, смерть, отраденъ твой приговоръ для человѣка нуждающагося и изнемогающаго въ силахъ"...

„Передъ человѣкомъ жизнь и смерть, и чего онъ пожелаетъ, то и дастся ему".

На другой день, послѣ безсонной ночи, герой стрѣляется.

Разсказъ былъ посвященъ „Леониду Николаевичу Андрееву".

Вскорѣ отъ него авторъ получилъ письмо:

....."За посвященіе большое спасибо. Вотъ она наша учительница-то—Библія!....."

Какъ ни неожиданно, но послѣ Ницше, или вмѣстѣ съ нимъ, на стиль Андреева оказала больше всего вліянія, конечно, Библія.

Это слышится вездѣ, и, быть можетъ, больше всего въ „Сергѣѣ Петровичѣ", и, особенно, въ „Жизни Человѣка". Отъ этой власти Андреевъ не уходитъ и, я думаю, долго еще не уйдетъ.

И, вотъ, я вспоминаю, какъ недавно еще этого тончайшаго, типичнѣйшаго мистика, съ грустящимъ паѳосомъ, прощающимъ лиризмомъ, искателя вѣчности, влюбленнаго въ Библію, самаго яркаго индивидуалиста, друга тайны и загадочности, выросшаго подъ знакомъ ницшевскихъ вдохновеній, преданнаго надчувственному міру, родного брата Эдгара По, по духу, такъ сугубо и ретиво старались записать въ ряды россійскихъ соціалъ-демократовъ. Пробовали, во что бы то ни стало, зачислить въ ряды пѣвцовъ „пролетарскаго міровоззрѣнія", представить злободневнымъ писателемъ, враждующимъ съ вчерашнимъ днемъ, творящимъ месть въ сердцахъ, исполненнымъ гражданскаго гнѣва, чуть ли не двигающимъ какую-то неясную, незримую, но страшную силу на борьбу съ буржуазіей и режимомъ!

Леонидъ Андреевъ—„большевикъ"! Какъ вамъ это понравится?

На минуту, впрочемъ, желаніе объэсдечить Андреева чуть было не удалось.

— А вы знаете, Леонидъ Андреевъ эс-декъ!

— Ну?

— Ей Богу!

— И пьетъ?

— Нѣтъ, теперь ужъ не пьетъ.

— Ну, слава Богу!

И въ 1905 году этотъ Леонидъ Андреевъ, весь во власти мистическихъ раздумій, весь въ предчувствіи смерти, поэтъ ночныхъ страховъ, зрящій тайну, влюбленный въ вѣчность, художникъ одиночества и скорби, сталъ вдругъ, по щучьему велѣнью, слыть соціалъ-демократомъ, какимъ-то партійнымъ членомъ, у котораго общая программа и не менѣе общая тактика. Должно быть, „тактика“ творчества и „программа“ вдохновенія!

— Леонидъ Николаевичъ, Вы—с.-д.?

Удивленно взглядываетъ и потомъ спокойно отвѣчаетъ:

— Одно дѣло — Марксъ. Другое — марксисты. Третье—соціалъ-демократія.

— Все же думаю и хочу вѣрить, что ни одинъ изъ ярлычковъ ко мнѣ не пристанетъ.

Надо сказать, впрочемъ, что уже въ слѣдующемъ 1906 году кто-то пустилъ слухъ:

— Леонидъ-то Андреевъ—слышали?

— Что такое?

— Записался въ мистическіе анархисты!

— Ну?
— Ей Богу.
— А пьетъ?
— Ну, конечно, пьетъ...

5.

Разумѣется, „Л. Андреевъ—мистическій анархистъ“—такой же хорошій вздоръ, какъ и „Л. Андреевъ-соціалъ-демократъ“: онъ ни м.-а., ни с.-д.,—онъ просто Л. Н.:

— Леонидъ Николаевичъ Андреевъ,—

— которому близка демократическая идеологія только потому, что онъ уменъ и любитъ людей. Послѣдняя черта особенно ярко и особенно рѣзко бросается въ глаза, ясно чувствуется, сразу угадывается. Одинъ изъ самыхъ нѣжныхъ людей, которыхъ я когда-нибудь встрѣчалъ, съ тяготѣніемъ къ мистикѣ и любви, онъ допускалъ возможность подозрѣвать въ немъ сочувствіе къ мистикоанархизму.

— Леонидъ Николаевичъ, неужели вы сочувствуете м.-а.?

— У нихъ есть много вѣрнаго. Но, я ужъ не знаю, почему,—всѣ они говорятъ такъ, будто нарочно стараются, чтобъ остаться непонятыми.

Кстати: объ одной странности судьбы.

Однимъ изъ самыхъ ожесточенныхъ враговъ

послѣднихъ произведеній Л. Андреева стала Зинаида Гиппіусъ (Антонъ Крайній). Правда, и прежде она не была въ очень большомъ восторгѣ отъ андреевскаго творчества, но еще сравнительно недавно она находила Андреева, по крайней мѣрѣ, „самымъ яркимъ свѣтиломъ“, хотя бы только „въ созвѣздіи Большого Максима“. Все же тогда она не отправляла Андреева въ общую „братскую могилу“ съ нѣкоторыми изъ „молодыхъ“.

Андреевъ шутилъ:

— Моимъ героямъ съ героями Кузмина и въ могилѣ страшно!

Но, вотъ: когда впервые, въ давно покойномъ журналѣ „Жизнь“ появился андреевскій разсказъ „Жили-Были“, въ редакцію пришелъ Д. С. Мережковскій и взволнованно спросилъ:

— Кто скрывается подъ псевдонимомъ: „Леонидъ Андреевъ“: Чеховъ, или Горькій?

Такъ мѣняются вкусы.

— Мнѣ впрочемъ, нравится Антонъ Крайній.

О Мережковскомъ я и не говорю. Во всякомъ случаѣ,—говорилъ Андреевъ,—пока они меня даже бранятъ, я ихъ читаю съ удовольствіемъ, не сержусь и только спрашиваю себя: въ чемъ дѣло, и гдѣ причина такой неумѣренности въ порицаніяхъ? А тайно, самъ я лично больше на сторонѣ и своей „Тьмы“, и своего „Проклятія Звѣря“, чѣмъ „Разсказа о семи повѣшенныхъ“, который похвалили и вы, и Алексѣй Кирилловъ въ „Вѣсахъ“ и, ка-

жется, еще многіе. „Тьмы“ такъ и не поняли, а можетъ быть, и я самъ не сумѣлъ сказать такъ, какъ хотѣлъ,

Но при всемъ своемъ громаднѣйшемъ талантѣ, при безспорномъ умѣ и чуткости, Андреевъ долженъ проигрывать литературныя битвы. И мнѣ на память приходитъ Верхарнъ: „въ одной изъ своихъ лекцій Эдмонъ Пикаръ утверждалъ—(пишетъ онъ),—что въ эстетическихъ битвахъ важнѣе имѣть характеръ, чѣмъ талантъ“.

И, вотъ, я думаю, что у Андреева такого характера нѣтъ, — и, быть можетъ, это невыгодно для него, дурно отзывается на его успѣхахъ, но мнѣ этотъ недостатокъ дорогъ и любъ. Ахъ! такъ много развилось литературной политики и литературныхъ политикановъ, и такъ мало осталось литературы и литераторовъ!

6.

Леонидъ Андреевъ никогда не былъ въ дружбѣ со скукой. То „l'ennui de vivre“, которое заставило поэта современности и города воскликнуть:

„Хотѣлъ бы я не быть Валерій Брюсовъ“,—

—этого утомленія жизнью, чредой дней и смѣной вкусовъ Л. Андреевъ не зналъ никогда.

ЛЕОНИДЪ АНДРЕЕВЪ.

Съ вѣчно дѣятельной головой, не умѣющей успокаиваться, съ мыслью, не знающей сна, онъ можетъ не радоваться, но ему невозможно быть праздднымъ и изможденнымъ, и скука—не тотъ гость, съ которымъ Андреевъ сталъ бы кокетничать. Онъ всегда подвиженъ, а мозгъ его напряженъ и въ вѣчной работѣ.

Афоризмъ—дитя сосредоточенности. И оттого ихъ такъ много у Андреева: перелистайте его книги, всмотритесь внимательнѣй въ эти страницы. Тамъ и здѣсь блестятъ они, какъ драгоцѣнные камни, какъ весело кинутыя росныя капли на листья зеленыхъ деревъ.

Языкъ Андреева всегда напоминаетъ мнѣ его глаза. Такой же горячій онъ, яркій, мягкій и смотрящій внутрь васъ. Что удивительнаго въ такомъ сближеніи? Глаза краснорѣчивѣй и убѣдительнѣй всего человѣка, а „style c'est l'homme". Двѣ величины, аналогичныя третьей, должны быть аналогичны между собой.

Потомъ, никто не умѣетъ быть такимъ мягкимъ, горячась внутри, какъ онъ, этотъ прямой и высокій человѣкъ, будто вырубленный изъ куска чернаго мрамора.

Но кто сказалъ, что Леонидъ Андреевъ—мрачный пессимистъ?

Или русскіе интервьюеры, какъ и русскіе критики, и до сихъ поръ еще во власти романтики „Пре-

красной незнакомки, умирающей на гробѣ своего мужа"?

Андреевъ по-весеннему молодъ. Молодъ душой, и глазами, и тѣломъ. По своимъ настроеніямъ это—юноша, по-юному ищущій и по-юному вѣрящій. Правда, онъ очень скрытенъ, этотъ юноша—Андреевъ. Когда добрые знакомые слишкомъ легко забираются въ его душу и тамъ пробуютъ расположиться запросто, какъ дома, хозяинъ этой души тотчасъ закрываетъ двери своего дома накрѣпко, на всѣ ключи. И тогда сдвигаются брови, рѣдкія слова выходятъ осторожно-холодными, а глаза глядятъ и, будто, не видятъ.

Интервьюеръ возвращается домой, беретъ перо и пишетъ:

„...Этотъ мрачнѣйшій изъ пессимистовъ современности насъ принялъ, какъ врага..."

Но у этого „мрачнѣйшаго изъ пессимистовъ современности" на душѣ поютъ птицы, всходятъ зори, цвѣтутъ цвѣты. Удивительно смѣется онъ! Его остроуміе легко и летуче, подмѣчаетъ самыя смѣшныя стороны, умѣетъ въ мелочи разгадать и нарисовать всего человѣка во весь ростъ,—и его слабости и его неуклюжесть.

Если бъ живые не читали, а читающіе не сердились, я вспомнилъ бы сейчасъ многія изъ этихъ пятистрочныхъ характеристикъ, но живые читаютъ, а читающіе сердятся!

7.

И та же необычность, огненность и экзальтированность, которая такъ ясно чувствуется въ его литературномъ творчествѣ, положила свою печать на весь архитектурный стиль его дачи.

Она называется „Бѣлая Ночь“.

И, въ самомъ дѣлѣ, смотрящая съ пригорка въ эти свѣтлыя безглазыя ночи, она кажется зловѣщей, пугающей, мрачной, какъ обитель Одиночества, или замокъ Смерти. И въ эти свѣтлыя безглазыя ночи и внутри нея та же жуть и тотъ же мертвый свѣтъ.

Днемъ мы долго гуляемъ по пустырю передъ ней, бродимъ по лугамъ и берегу Черной рѣки, а когда солнце закатывается, идемъ къ водѣ.

У берега, привязанная къ ступенькамъ купальни, чуть-чуть колышется лодка. Минута—и мы въ ней, качаясь на водѣ, въ которую черными великанами опрокинулись тѣни зеленыхъ, а сейчасъ уже темнѣющихъ къ вечеру деревьевъ.

Финляндскія свѣтлыя сумерки стали надъ землей, и надъ водой, и надъ полями. Въ душѣ просыпается ровная и спокойная радость. На мятежную голову Человѣчества нисходитъ Вышнее Благословеніе холоднаго неба.

Мнѣ вдругъ приходитъ въ голову, что въ андреевскомъ будущемъ саду нѣтъ ни одного фруктоваго дерева.

— Какъ же это такъ?—спрашиваю я и дѣлаю серьезное лицо.

Андреевъ смѣется:

— Да, вѣдь, они выростутъ черезъ сто лѣтъ! Но, вѣроятно, во мнѣ вообще нѣтъ помѣщика. Я не мечтаю ни объ огородахъ, ни о садахъ, ни о собственныхъ плодахъ земныхъ. И мнѣ кажется это скучнымъ. Единственное, что хочется,—это работать. Теперь есть свой уголъ, и я радъ этой возможности отдыхать и писать.

И въ самомъ дѣлѣ, всматриваясь въ эту скрытую и скрытную душу, изучая этого человѣка, всегда живущаго на людяхъ, не избѣгающаго общества, не чуждающагося знакомствъ (даже случайныхъ), все болѣе убѣждаешься, что уединеніе—настоящая атмосфера Андреева.

— Рѣшилъ прожить непремѣнно еще 53 года— шутливо добавляетъ онъ.

— До 90?

— До 90.

Я задаю ему этотъ вопросъ, а у меня все время вертится Верхарнъ. Помните, онъ говоритъ, характеризуя Фернанда Кнопфа:

„Но всегда останется ящикъ, о которомъ вы не будете знать, что тамъ лежитъ: тамъ будутъ самыя затаенныя мысли. Въ концѣ концовъ прекрасная и истинная жизнь художника, со всѣми ея умолчаніями! Возвышенная душа всегда одинока, всегда глубоко длительно и мистически сосредоточена. Иногда она лицемѣритъ веселостью и свѣтскостью, но сущность отъ этого не мѣняется“

. . . . . .

„Жить въ сторонѣ, жить въ дали отъ всѣхъ. Не необходимое ли это условіе гордости? Что выше творческаго созданія и не требуетъ ли оно почтительнѣйшаго уединенія съ нимъ вдвоемъ? Бываютъ часы, когда оно для насъ все“.

— Въ Финляндіи,—замѣчаю я сентенціозно—не растетъ ни яблокъ, ни грушъ. Въ Финляндіи ростутъ только однѣ декораціи. И вы должны протестовать! У васъ должны быть фруктовыя деревья!

— И въ литературѣ стали произростать тоже только однѣ декораціи, а нужна душа. И я, вотъ, все время думаю, что и вы, и другіе совсѣмъ напрасно похвалили мой „Разсказъ о семи повѣшенныхъ“.

— Плохъ?

— И не плохъ, можетъ быть, но писать такія вещи легче легкаго. Никакъ я не пойму моего читателя: такія бездѣлушки, какъ „Семь повѣшенныхъ“ нравятся, а „Царь-Голодъ“ не нравится. Ну, что можетъ быть болѣе потрясающаго, чѣмъ самая простая и точная корреспонденція о повѣшенномъ человѣкѣ въ какомъ-нибудь далекомъ и захолустномъ городишкѣ?.. И больше я уже не читаю ихъ, этихъ правдивыхъ, ясныхъ и ужасныхъ извѣстій. Веду статистику, но если бы ко мнѣ пришли сейчасъ и разсказали, какое лицо было у приговореннаго, у палача, у прокурора, я прервалъ бы разсказчика и не сталъ слушать.

Глаза его смотрятъ внизъ, въ нихъ печаль и задумчивость. Я поворачиваю руль, лодка повертывается, и мы ѣдемъ назадъ, опять среди зеленыхъ и черныхъ декорацій, глядящихся въ черную рѣку. Сгущаются сумерки, переходятъ въ вечеръ, и онъ—тоже тихій, какъ тихъ воздухъ, и лѣсъ, и небо, и вода.

8.

А весь вечеръ и часть ночи мы сидимъ въ кабинетѣ, будто перенесенномъ со сцены, изъ „Жизни Человѣка“, со стѣнами, обитыми сѣровато-зеленымъ сукномъ, библіотекой въ нишѣ, большими, растянутыми въ ширину окнами, — полномъ полумрака и таинственности и красоты, освѣщенномъ немногими парными свѣчами.

— Это удивительный, единственный человѣкъ, съ жаромъ разсказываетъ мнѣ Андреевъ о М. Горькомъ.

— Сколько мягкости, благородной чуткости слуха къ страданьямъ, какъ бываетъ слухъ и чуткость къ музыкѣ. Я никогда не видѣлъ ни такой любви къ людямъ, ни такой любви къ литературѣ. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ къ нему пришелъ какой-то совсѣмъ опустившійся субъектъ. Молодой еще сравнительно, но развратникъ такой марки, что еслибъ опубликовать его записки, или издать его автобіографію, такъ ахнули-бы всѣ, а герои современной литературы рядомъ съ нимъ показались святыми. Пришелъ и сталъ каяться Горькому: „все это уже въ прошломъ“—и разсказалъ свою жизнь. Горькій возился съ нимъ, какъ съ сыномъ, и въ концѣ концовъ посовѣтовалъ все-таки записать это.

— Хорошо вышло?

— Литературно не дурно. Но, должно быть изъ желанія расказнить себя авторъ вдался въ такія интимныя и специфическія подробности, что его пока-

янная повѣсть мѣстами превратилась въ восторженныя воспоминанія. Дѣло, однако, не въ этомъ, а въ томъ, что Горькій не можетъ пройти мимо человѣка, чтобы не испытать его въ литературѣ. Только этимъ объясняется его неутомимость въ чтеніи рукописей начинающихъ авторовъ, случайныхъ, неизвѣстныхъ, первыхъ попавшихся. Никто не ищетъ съ такой вѣрой и страстью новыхъ талантовъ, какъ онъ. Вѣдь, это неблагодарнѣйшій изъ всѣхъ трудовъ! Никого такъ не радовало, я думаю, появленіе новой хорошей литературной вещи, или новаго талантливаго писателя. При этомъ онъ совершенно равнодушенъ къ тому,—свой, или чужой это,—„декадентъ“, или бытовикъ, „конкурентъ“, или нѣтъ. Помню, какъ въ одномъ литературномъ кружкѣ онъ читалъ кряду своего „Человѣка“ и мою „Жизнь Василія Ѳивейскаго“. „Человѣка“ своего онъ прочиталъ запинаясь, кашляя, смущаясь. Испортилъ, какъ только могъ. Началъ „Жизнь“ и расплакался.

Да! Горькій! Это громадная душа, необыкновенное сердце. Вѣдь, мы съ нимъ разныхъ, въ сущности, и литературныхъ манеръ и эстетическихъ міросозерцаній. Нѣкоторое вліяніе на меня онъ имѣлъ и могъ имѣть. Естественно было бы желаніе перевоспитать меня, или передѣлать, или, по крайней мѣрѣ, чуть-чуть измѣнить мое направленіе. Вѣдь это же происходитъ на каждомъ шагу въ литературномъ мірѣ,—и это подчиненіе, и это отсовѣтываніе, и эти указанія. Ничего подобнаго у Горькаго.

Все время онъ умѣлъ меня только окрылять и бодрить. „Василія Ѳивейскаго“ я писалъ долго; много работалъ надъ нимъ; наконецъ, онъ мнѣ надоѣлъ и сталъ казаться просто скучнымъ. Какъ разъ пріѣхалъ Горькій, и я ему прочиталъ „Ѳивейскаго“. Читаю, усталъ, не хочется языкомъ ворочать, все знакомо. Наконецъ кое-какъ дошелъ до конца. Думаю: никуда не годится. Поднимаю голову—смотрю у Горькаго на глазахъ слезы,—вдругъ онъ встаетъ, обнимаетъ меня и начинаетъ хвалить моего „Ѳивейскаго“,—и такъ хвалить, что у меня снова—и вѣра въ себя, и любовь къ этому надоѣвшему мнѣ „Ѳивейскому“, и такъ Горькій со многими. Этотъ человѣкъ всегда считалъ за лучшее ошибиться въ надеждахъ будущаго, чѣмъ отвернуться отъ начинающаго, забраковать, или осудить. Вотъ, кто живетъ настоящей вѣрой...

Еще долго говоримъ мы,—о многомъ чего не разскажешь и не передашь.

...Наступаетъ ночь. Жуткая свѣтлая,—будто безглазая,—сѣверная ночь.

Въ окна просится холодный, и молчаливый разсвѣтъ.

Часы показываютъ „IV“.

У Андреева вѣчная безсонница,—пора спать хоть теперь. Мы прощаемся.

Понемногу розовая заря согрѣваетъ холодные тона ночи, неясной и странной кажется жизнь, тишина молчитъ вокругъ, и на душѣ тепло и грустно...

II.

Его благословила будущая литературная исторія Россіи, ему поклонился современный западъ, восторженно привѣтствовала критика.

Но, видите ли: къ нему холоденъ его читатель.

Не можетъ быть?

Однако, такъ увѣряетъ насъ самъ Леонидъ Андреевъ. И еще „однако“: въ этомъ нѣтъ ничего неожиданнаго.

Странно, конечно, что къ первому изъ нынѣшнихъ русскихъ писателей, властителю думъ и царю читательскихъ волненій и тревогъ этотъ читатель относится такъ дико. Но, во-первыхъ, рѣчь идетъ о рядовомъ читателѣ, а, во-вторыхъ, то большинство, у котораго къ литературѣ одна просьба—„давай намъ смѣлые уроки“, одно требованіе—категорическаго учительства, одно отношеніе, какъ къ наставнику,—это большинство не понимаетъ Андреева, долго не пойметъ, а все, что непонятно, не можетъ быть ни близко, ни дорого.

Чеховъ былъ дорогъ и близокъ не потому только, что онъ былъ талантливъ, уменъ и нѣженъ, и не потому, что изображалъ ту жизнь, которой мы живемъ, и ту Русь, съ которой мы всѣ связаны, и

описывалъ ту грусть, которой мы грустимъ. А главнѣйше и прежде всего потому, что этотъ Чеховъ былъ ясенъ и всѣмъ понятенъ. А ясенъ и понятенъ онъ былъ тоже не только потому, что писалъ всѣмъ ясное и понятное, но потому, что лично самъ былъ до прозрачности ясенъ и откровененъ, тогда какъ Леонидъ Андреевъ неясенъ и неоткровененъ, замкнутъ, что онъ всегда въ черной маскѣ, невидимый, схороненный, съ запрятанной и занавѣшенной душой.

10.

Еслибъ Леонидъ Андреевъ былъ критикомъ, о большинствѣ нынѣшнихъ простыхъ и безтайныхъ реалистахъ онъ сказалъ бы:

„Вчитайтесь въ наиболѣе нашумѣвшія произведенія, и вы увидите, что они не были нужны для жизни. Они нужны были и интересны для сотни ожирѣвшихъ людей, нуждающихся въ развлеченіи, но не для жизни, но не для насъ, пытающихся разгадать ее“.

Почему?

А потому,—отвѣтилъ бы Андреевъ—что „писатель силою своей мысли и таланта долженъ творить новую жизнь“, а каждый изъ нихъ „только описывалъ старую, не пытаясь даже разгадать ея сокровенный смыслъ“.

Быть можетъ, не всѣ вспомнятъ, что это—слова полусумасшедшаго доктора Керженцева.

И хотя Керженцевъ не Андреевъ, а Андреевъ не Керженцевъ, тѣмъ не менѣе Леонидъ Андреевъ выразился бы именно такъ, ибо у автора и его героя въ данномъ случаѣ слишкомъ много общихъ вкусовъ.

„Мысль“ едва ли не единственное произведеніе Андреева, гдѣ онъ одинъ единственный разъ пріоткрылъ уголъ своей души, позволилъ единственный разъ заглянуть внутрь себя.

Изъ всѣхъ писателей самый скрытный—Леонидъ Андреевъ.

Среди всѣхъ художниковъ слова онъ самый неразгаданный. Никто никогда такъ не прятался и не хоронился, никто такъ не молчалъ о своихъ симпатіяхъ и влеченіяхъ, своей ненависти и враждѣ, какъ онъ. Нигдѣ ни разу не разсказалъ онъ намъ самого себя.

Леонидъ Андреевъ написалъ тысячи страницъ, но и до сихъ поръ мы Леонида Андреева не знаемъ.

Еслибъ пришлось отвѣчать на вопросъ:

— Что любитъ Л. Андреевъ?—

Надо было бы по всей искренности и совѣстливости сказать:

— Неизвѣстно.

Еслибы пришлось формулировать его міросозерцаніе на основаніи его страницъ и книгъ, получился бы самый общій выводъ, самый общій рисунокъ,

т. е. такой, который собственно Андреева не опредѣлялъ бы. Пожалуй, самая вѣрная, но и самая общая, опредѣляющая Андреева черта это—его влюбленность въ мысль.

„Я люблю... силу своей мысли, ясной и точной“, и „ни одинъ любопытный взглядъ не проникъ въ глубину моей души съ ея темными провалами и безднами“.

Вы думаете, что это опять говоритъ только полусумасшедшій докторъ Керженцевъ?

А это все время всѣмъ намъ всѣми своими произведеніями, страницами и томами, разсказами, и представленіями, повѣстями и пьесами говоритъ самъ Леонидъ Андреевъ, скрытнѣе и запутаннѣй котораго нѣтъ.

II.

Едва ли сыщется среди литературныхъ современниковъ писатель съ такимъ огромнымъ лексикономъ, такой плодовитости, съ такимъ разнообразіемъ замысловъ, рискомъ и свободой, какъ Леонидъ Андреевъ.

И все-таки, несмотря ни на что, онъ самый молчаливый изъ всѣхъ.

Онъ тотъ, который умѣетъ все и не умѣетъ только одного:—проговариваться.

И если онъ искрененъ, онъ неоткровененъ.

И если онъ умѣетъ писать для читателя, онъ не умѣетъ съ нимъ говорить.

И если онъ знаетъ, что такое слезы, признанія и раскаянья, самъ онъ не умѣетъ ни плакать, ни признаваться, ни каяться.

Какъ прекрасный актеръ, онъ былъ всегда способенъ „сочетать естественность игры, доходившую временами до полнаго сліянія съ олицетворяемымъ лицомъ,—съ неослабѣвающимъ холоднымъ контролемъ разума“. И снова вы думаете, что это о Керженцевѣ, а это опять о самомъ Леонидѣ Андреевѣ, ибо его разумъ всегда стерегъ и оберегалъ только одно: тайну человѣческой, тайну мыслящей и чувствующей личности Л. Андреева.

И отсюда,—какъ изъ причины всѣ слѣдствія,—все характерное въ литературномъ костюмѣ и писательской сущности Леонида Андреева.

Леонидъ Андреевъ красивъ нерусской красотою. Похоже на то, что и „Жизнь человѣка“ и „Царь Голодъ“, и „Въ темную даль“ и „Воръ“, и „Іуда“, „Къ звѣздамъ“ и даже „Разсказъ о Сергѣѣ Петровичѣ“ написаны очень умнымъ, почти геніальнымъ иностранцемъ.

И самое русское изъ произведеній Андреева—его „Савва“.

„Савва“—Россія.

„Савва“—огромная, необразимая галлерея русскихъ типовъ, русскихъ душъ, ихъ атеизма и невѣрія, вѣры и отчаянія, стыдливости и порока, безумія, обмана и любви.

И самое разрушеніе, и религіозный мистицизмъ,

и жажда чуда—все это принадлежности не анархической, или идеалистической проповѣди, не той, или иной идеологіи, а большой психологически-бытовой картины.

Именно потому, что это бытъ,—новый, воскресшій, психологическій бытъ,—а не философія, а не проповѣдь, не мораль,—„Савва“ остался безъ критической оцѣнки.

Именно потому, что это такъ нежданно, такъ нечаянно, такъ негаданно, къ „Саввѣ“ не подошли, а съ удивленіемъ отъ него отпрянули.

Но именно потому, что это все-таки бытъ, „Савва“ самое нехарактерное произведеніе для автора „Жизни человѣка“, самое неандреевское изъ всѣхъ произведеній Андреева. И если въ немъ есть типично-андреевское, такъ это опять-таки—тайна: тайна того, что Андреевъ любитъ, во что вѣритъ, чего ждетъ, на что надѣется.

12.

Изъ громаднаго безчисленнаго толстѣйшаго своего лексикона Леонидъ Андреевъ особенно облюбовалъ нѣсколько словъ, сроднился и сжился съ немногими.

„Загадочный“ „таинственный“ „зловѣщій“, „грозный“, „невѣдомый“ „непознаваемый“ „непонятный“—вотъ въ какіе эпитеты влюбленъ Л. Андреевъ.

„Тайна“, „бездна“, „загадочность“, „рокъ“, „проклятіе“, „судьба“—вотъ что тянетъ къ себѣ его перо, его вниманіе, его мысль.

...—„Невѣдомое чудовище“ („Царь Голодъ“).

„Слухи темны и страшны“ (т. II, стр. 292).

...„Всѣ стрѣляютъ въ темноту долго, цѣлыми часами въ безмолвную, безотвѣтную темноту“ (ibid.—288).

...„Увидѣлъ зоркую темноту ночи, таинственную и живую“ (ibid.—286).

...„А это вы понимаете?—таинственно спросилъ онъ“. (т. II, стр. 258).

...„И сразу замолчали уступая непонятному“... „Міръ таинственныхъ явленій и глухихъ пасмурныхъ тѣней“ (стр. 244).

...„Тяготѣлъ суровый и загадочный рокъ“...

...„Проклятый невѣдомымъ проклятіемъ“...

...„Не замѣчалъ той зловѣщей и таинственной преднамѣренности съ какою стекались бѣдствія“... (т. II, стр.).

И т. д. И т. д.

И это не только въ существительныхъ (опредѣляемыхъ) и въ ихъ эпитетахъ (опредѣляющихъ). Это и въ любви къ скрытому и, значитъ, таинственному, которая у него выражается въ неопредѣленномъ употребленіи неопредѣленныхъ же мѣстоименій: „кто-то“, „что-то“, „какое-то“, „нѣкто“ (въ сѣромъ).

„Что-то зловѣщее горѣло большимъ и краснымъ огнемъ“ (т. II, стр. 284).

...„Грозилъ кому-то и снова плакалъ“...

...„Что-то вспомнилъ“ (ibid. 207).

...„Снаружи было дѣйствительно красиво, но внутри создавалось что-то безпокойное, неопредѣленное, раздражающее“ (ibid. 209).

...„Тревожно, какъ какая-то близкая, но несознаваемая опасность“ (ibid. 209).

„Просыпалась грустная любовь къ кому-то... вспоминался кто-то“... (ibid. 213).

Въ пристрастіи къ среднему роду, къ „оно“—къ угрожающему „это“.

„Оно шло на насъ съ этихъ темныхъ загадочныхъ чуждыхъ полей“ (ibid. 244).

...„Оно дѣлало его мрачнымъ, призрачнымъ, зловѣщимъ, угрожающимъ какою-то бѣдою, намекающимъ на какое-то страшное преступленіе“ (ibid. 209).

...„Всѣ мы, сколько насъ ни было, почувствовали это (244).

...„Моимъ голосомъ говорятъ невѣдомые они“ (т. II, стр. 51)... „Но оно молчало. Оно уже не хотѣло“ (ibid. 46).

Къ умышленно непонятнымъ и въ своей непонятности пугающимъ діалогамъ:

„— Тамъ кто нибудь есть? Кто тамъ?
— Нужно, что было открыто.
— Какъ это глупо. А если оно войдетъ?
— Нужно, что бы было открыто.
— Какъ васъ зовутъ?
— Не знаю.
(Ibid. 201 стр.).

Недаромъ и въ „Мысли“ Керженцеву изъ всѣхъ разсказовъ его убитаго друга нравится одинъ: тотъ, въ которомъ онъ близко подходитъ къ области неразвѣданнаго.

Это разсказъ—„Тайна“.

13.

Непонятная и загадочная для другихъ, душа Л. Андреева непонятна и загадочна для него самого,—темная, будто окутанная мракомъ, ночная душа рѣдкаго и огромнаго художника.

ЛЕОНИДЪ АНДРЕЕВЪ.

Я не вѣрю, чтобы Л. Андреевъ только ставилъ вопросы, — этотъ рядъ философскихъ задачъ, на которые въ „отдѣлѣ отвѣтовъ“ всегда былъ только одинъ отвѣтъ:

„Отвѣтъ неопредѣленный“.

Я не вѣрю, чтобъ вообще могъ быть такой задачникъ, который только задаетъ, а рѣшать не можетъ, и знаю, что у Андреева на большинство вопросовъ,— встающихъ въ его книгахъ окутанными плѣнительной неясностью и дразнящей сугубой сложностью, — найдутся и есть отвѣты, и что эти отвѣты ясны и точны, и что ясными и точными образами и словами, положеніями и характерами онъ могъ бы ихъ передать и читателю.

Но Л. Андреевъ скрытенъ. Но у Андреева есть жестокая и ревнивая любовница—тайна, странно и властно захватившая въ свои тиски его темную душу, и Андреевъ служитъ, какъ рабъ, невольникъ и обожатель, этой богинѣ-палачу, властительницѣ и возлюбленной.

Даже тогда, когда ему очень хорошо извѣстно, откуда пришелъ и въ какую новую даль уходитъ его герой, Л. Андреевъ предпочитаетъ вѣрить, что онъ ушелъ „въ темную даль“ и пришелъ „откуда-то“.

Даже тогда, когда можно было бы совсѣмъ просто указать на предшествующій моментъ самоубійства поповны въ „Молчаньѣ“, Л. Андрееву кажется лучшимъ, и болѣе подходящимъ населить таинственностью жизнь этой поповны и накинуть черный

флеръ неизвѣстности на все предшествующее самоубійству.

Словомъ, если ясно настоящее, нужно сдѣлать темной далью будущее.

Если ясенъ конецъ и фактъ, нужно спрятать въ ночную тьму прошлое.

Изъ трехъ дней: — завтрашняго, сегодняшняго и вчерашняго—одинъ, во что бы то ни стало, долженъ быть обращенъ въ ночь.

Въ художественномъ воспріятіи Андреева всегда неизбывно присутствуетъ элементъ маніакальности.

Если-бы рѣчь шла не объ исключительномъ художникѣ, а просто о человѣкѣ, можно было бы это тяготѣніе къ ночнымъ тѣнямъ, и тьмѣ, и мраку діагностировать, какъ манію преслѣдованія.

И всѣ эти загадочныя заданія, эти философскія проблемы, давящія и пугающія, пришли къ Андрееву не извнѣ, а изнутри.

Онъ, какъ очень хорошій, очень вдумчивый и очень искусный виртуозъ-математикъ, тяготится излишествомъ данныхъ въ заданіи.

Ему даютъ:

$x+2=5$.

Но это задача для дѣтей младшаго возраста, для средней, слишкомъ средней школы ума.

И Андреевъ усложняетъ:

$x+y=5$.

Но и тутъ есть одно извѣстное.

И тогда:
x+y=z!
Не угодно ли рѣшить?

14.

Вотъ Василій Ѳивейскій. Простой деревенскій священникъ, пытающій вѣчность и тайну смерти, смиренный и несчастный попъ въ роли богоборца,—кто повѣритъ, что въ этомъ трагедія нашихъ русскихъ, или французскихъ, греческихъ и нѣмецкихъ Ѳивейскихъ?

И такъ ли ужъ вѣрно, что это трагедія автора? Какъ и вездѣ, здѣсь не трагедія героя и не трагедія писателя, а загадка, и заданіе, выдвинутыя Андреевской мыслью.

Тѣхъ трагедій, о которыхъ Андреевъ пишетъ, и которыми онъ пытаетъ и тревожитъ насъ,—его влюбленныхъ и счастливыхъ читателей,—нѣтъ ни въ нашей жизни, нѣтъ и въ его жизни, но это цѣпь, которой Андреевъ связываетъ себя съ своей ужасной любовницей, это его брачныя съ нею узы, и знаменательнѣй всего здѣсь Андреевская почтительная и вмѣстѣ радостная вѣрность ей, вѣрность, длящаяся уже столько испытанныхъ лѣтъ.

Міръ и жизнь не такъ таинственны, какъ объ этомъ пишетъ Л. Андреевъ, и не такъ темны и непонятны, какъ ему хочется. Сердцу его они и ясны и близки. Но съ этимъ не желаетъ, или не можетъ примириться его упрямая мысль.

Отъ сердца его идетъ свѣтъ, но его тотчасъ тушитъ умъ, и, какъ свѣча въ бездонной пустынѣ ночи, этотъ огонь не освѣщаетъ и не побѣждаетъ мрака, но, какъ въ пучинѣ, всякій разъ тонетъ въ немъ.

Только мысль можетъ быть такъ изобрѣтательна, чтобы не оставить ничего безъ вопроса и населить весь міръ скорбями и тревогами, какъ это сдѣлано у Леонида Андреева. Если бы этотъ вдохновенный сгущенный ужасъ шелъ отъ сердца, Леонида Андреева самого пришлось искать на кладбищѣ.

Но сердце его не угнетено. И, вотъ, почему, какіе бы страхи ни рисовалъ онъ намъ, мы никогда не теряемъ бодрости, и никогда же не перестаемъ ее чувствовать у самаго автора.

Умъ насъ пугаетъ, страшитъ, грозитъ намъ и строитъ ковы. А кто-то бодрый, славный и молодой тихо намъ шепчетъ: „не вѣрьте“.

Изъ-за Леонида Андреева никто не покончилъ и никто не покончитъ съ собой. А изъ-за Толстого самъ Л. Андреевъ пробовалъ кончить съ собой и трижды покушался на самоубійство.

Это оттого, что сомнѣнія ума будятъ только мысль, дѣйствительныя трагедіи сердца рождаютъ столь же дѣйствительныя трагедіи жизни.

Первое ломаетъ міросозерцанія. Второе ломаетъ существованія.

Пессимистомъ Леонидъ Андреевъ мнѣ не казался никогда. Ни одной минуты я не считалъ его

проклинающимъ жизнь, ее ненавидящимъ, или отрицающимъ.

Сколько бы послѣдовательныхъ и упорныхъ усилій онъ не употреблялъ, чтобъ увѣрить въ этомъ меня, его читателя, я оставался при моей вѣрѣ въ жизнь и при убѣжденіи, что такъ же, какъ я, вѣритъ въ нее и Л. Андреевъ.

И вижу теперь, что не заблуждался.

15.

Рѣдко критику улыбается счастье быть точно, почти математически доказательнымъ, и эта улыбка на меня взглянула съ заключительныхъ страницъ, казалось бы, мрачнѣйшаго и безнадежнѣйшаго „Царя-Голода“.

Вы помните „пораженіе голодныхъ“, и эту „пустынную безплодную мѣстность“, и на неровномъ бугоркѣ большую длинную старую пушку на высокихъ колесахъ: опершись на нее, лицомъ туда, куда обращено ея жерло, неподвижно возвышается Царь Голодъ, а передъ ея жерломъ, теряясь въ густыхъ сумеркахъ, лежатъ трупы убитыхъ. Это голодные.

И еслибъ нужно было остаться мраку, еслибъ побѣжденные безмолвно продолжали лежать и шумно праздновали, веселясь и ликуя, свою радость побѣдителя, наростающему отчаянію была

поставлена послѣдняя точка. И надорванная, разочаровавшаяся, погруженная въ тьму невѣрія душа отчаявшагося пессимиста опустила бъ предъ нашими глазами желѣзный занавѣсъ невѣрія тамъ, гдѣ порвались навсегда нити послѣднихъ надеждъ на послѣднее героическое усиліе:—борьбу.

Но «толкаясь, падая, сбивая съ ногъ рыдающихъ женщинъ, съ дикимъ воемъ убѣгаютъ побѣдители.

— Мертвые встаютъ!

— Мертвые встаютъ!“

Если это пессимизмъ, то онъ нелогиченъ, если это логично, то это не пессимизмъ.

И потому что это дѣйствительно, логично, у насъ и логичный выводъ: мысль Андреева,—настоящій авторъ его ужасовъ,—не рѣшилась довести свое георитическое отрицаніе до конца, и этотъ моментъ ея нерѣшительности учло сердце, его бодрость, его вѣра, и, опять-таки потому, что Л. Андреевъ никогда не былъ, нѣсть и не будетъ жизнеотрицателемъ, пессимистомъ и пѣвцомъ и больного тягостнаго безнадежнаго отчаянія.

Но откуда бы ни исходила андреевская „манія преслѣдованія“—она самый любопытный моментъ его творчества. Самый интересный вопросъ: кто же, наконецъ, этотъ преслѣдователь? какой страхъ внушилъ эту „манію“?

Михайловскій увѣрялъ, что 2: страхъ жизни и страхъ смерти.

И ошибался.

Никакого страха смерти у Андреева нѣтъ. Тотъ настоящій трепетный страхъ ея, который глядитъ на насъ своими мертвенными глазами со страницъ, напримѣръ, Толстого, Андрееву незнакомъ и чуждъ. Умирающій Иванъ Ильичъ у Толстого понялъ, что онъ пропалъ, онъ „барахтается въ черномъ мѣшкѣ“, „какъ приговоренный, бьется въ рукахъ палача—смерти“, употребляетъ „всѣ усилія борьбы“ но „ближе и ближе становится къ тому, что ужасало его“, и испытываетъ „мученье“, потому что „всовывается въ черную дыру“. Его крикъ—(„У-у-у-у!“)—пугающій животный, наводящій смятеніе и ужасъ. Тутъ ,дѣйствительно, страхъ смерти.

Ничего подобнаго у Л. Андреева. Его герои умираютъ легко, даже красиво. И если случайности спасаютъ отъ мукъ и страха смерти его Николая Дмитріевича („Большой Шлемъ“), его Ѳивейскаго, то Человѣкъ въ „Жизни“ смерть встрѣчаетъ и гордо и радостно: „встаетъ, выпрямляется, закидываетъ сѣдую, красивую, грозно прекрасную голову и кричитъ неожиданно громко, громко, призывнымъ голосомъ“, потомъ „падаетъ на стулъ и умираетъ, запрокинувъ голову“.

Развѣ это страхъ?

16.

Тоже самое и въ „Семи повѣшенныхъ“.

Вотъ поэма страха передъ страхомъ смерти, а не самаго страха ея.

„Развѣ я такъ боюсь смерти"?—задаетъ себѣ вопросъ приговоренный министръ. И объясняетъ: „Не смерть страшна, а знаніе ея; и было бы совсѣмъ невозможно жить, если бы человѣкъ могъ вполнѣ точно и опредѣленно знать день и часъ, когда умретъ. А эти дураки предупреждаютъ"... Его пугаетъ призракъ наступающаго страха и свое волненіе онъ формулируетъ, какъ настоящій Андреевскій герой: онъ,— призракъ,— „не уходитъ, потому что эта моя мысль".

Герой Андреева, онъ не можетъ тутъ же не вспомнить о любимой гостьѣ своего творца,—той случайности, которая исцѣлила отъ этихъ страховъ столько Андреевскаго народа: „можетъ что-нибудь измѣниться; можетъ явиться неожиданная случайность".

Трагизмъ переживаній министра не въ возможной, но, въ сущности, уже предотвращенной смерти, которая для него опять далека и неизвѣстна, а исключительно, только и всего лишь въ томъ, что „потревоженный страхъ смерти расплывался по тѣлу", что въ душѣ родился страхъ передъ этимъ смутнымъ страхомъ.

И приговоренные,—революціонеры, грабитель, и убійца—мужчины и женщины—боятся только наступленія страха смерти, а не самой смерти которая неизбѣжна, и которую большинство изъ нихъ благословляетъ, какъ подвигъ, высшую радость и завидную долю, которую они принимаютъ безъ сожа-

лѣнія и колебаній, рѣшительно и твердо. Самое невыносимое для Сергѣя, какъ и для Каширина, было одиночество въ тюрьмѣ, но и это опять-таки только потому, что одиночество могло родить страхъ, что творецъ призраковъ—одиночествующая мысль.

Наученный и искушенный ея опытомъ, всегда во власти своей мысли, ею мучимый, ей вдохновляемый, Л. Андреевъ научилъ насъ и заставилъ своихъ героевъ бояться только ея,—этой мысли.

Надо быть исключительной, чрезвычайной вѣры въ могущество этой мысли, чтобъ допускать, будто одной ея силой могла создаться смерть Сергѣя Петровича, жизнь Василія Ѳивейскаго, трагедія Керженцева, различіе существованій героевъ „Къ звѣздамъ“: такую будто бы рѣшающую роль въ нашихъ жизняхъ играютъ наши міросозерцанія!

17.

Едва-ли.

И лучшее доказательство тому самъ Леонидъ Андреевъ, ибо все, созданное его мыслью, всегда будетъ для насъ ниже и дальше того, что создала его прекрасная, неповторимая, нѣжная и радостная, благословившая міръ и солнце и „яблоню бѣлый наливъ“, творящая и подвижная, всевидящая душа рѣдкаго таланта. И потому „Бездна“ намъ ближе, чѣмъ „Въ туманѣ“; „Жили-Были, чѣмъ „Разсказъ о

Сергѣѣ Петровичѣ"; „Савва", чѣмъ „Къ звѣздамъ", „Воръ" для насъ дороже и интимнѣй „В. Ѳивейскаго", а „Семь повѣшенныхъ" радостны, какъ большое счастье, какъ солнце, какъ золотой дождь.

Есть сила, которая для искусства и въ искусствѣ выше мысли, ея надуманности и ея искусственности и ея хитрыхъ и запутанныхъ путей.

...И Андреевъ напрасно отдалъ свою душу этому новому Дьяволу современности.

ВАЛЕРІЙ БРЮСОВЪ.

... „И, возвращаясь сквозь ночной
туманъ,
„Дыша прибрежнымъ сильнымъ
ароматомъ,
„Ты склоненъ счесть видѣнье за
обманъ".

Валерій Брюсовъ.
(„Глаза". Т. I, 153).

1.

Брюсовъ?

О, повѣрьте, это рѣдкое упорство въ симпатіяхъ при рѣдкомъ лукавствѣ мысли.

Пусть увѣряетъ онъ насъ въ чемъ ему угодно. И въ томъ, что онъ „любитъ березки въ Троицынъ день", и „большіе дома, узкія улицы города", „грохотъ его и шумы пѣвучіе", и „линій вѣрность" и „въ мечтахъ предѣлъ".

И въ томъ, что онъ „о флорентинкахъ прошлыхъ дней" „мечталъ такъ ясно въ обманахъ лунныхъ", и что страсть его — „встрѣчать на улицѣ слѣпыхъ безъ провожатыхъ".

Пусть увѣряетъ онъ насъ во всемъ этомъ—мы не повѣримъ ему. Вѣдь, мы такъ хорошо знаемъ его настоящую, огромную, всепоглощающую любовь, его другую, подлинную, безмѣрно-властную страсть.

Любовь и страсть—*къ лабиринту*.

Къ темному, скрытому пещерному міру, съ запутанными, сбивающимися ходами, съ тьмой, загадочностью и тайной.

2.

Все равно, какой лабиринтъ: лабиринтъ ли города, лабиринтъ ли книгъ, исторіи, или будущаго, чаще всего, мысли,—быть можетъ, своей, а то чужой души. Если Брюсовъ тоскуетъ о „ней“, это происходитъ:—

Въ *лабиринтѣ* аллей
Между скалъ и развалинъ“.

Въ періодъ „годовъ молчанія“ его пугали предчувствія, но и среди нихъ самое грозное—одно:

„*Въ лабиринтѣ* блуждая, безсильные,
Собьемся мы“...

Вспоминаетъ ли онъ о неясномъ прошломъ, ему видятся

...сходы и проходы,
И залъ круги и лѣстницъ винтъ:
Изъ міра солнца и свободы
Вступилъ я, дерзкій, *въ лабиринтъ*.

Если являются сомнѣнія въ силахъ,—то только потому, что—

„я, путешественникъ случайный,
На подвигъ трудный обреченъ.
Мститъ *лабиричтъ*! Святыя тайны
Не выдаетъ пришельцамъ онъ".

Брюсовъ—рабъ лабиринта, имъ загипнотизированный, имъ влекомый, какъ лунатикъ и больной. Ему по сердцу и по душѣ, что кругомъ вездѣ, въ его чувствахъ, мысляхъ любви, исканіяхъ—только

„... сходы, переходы,
Лѣстницъ узкіе винты".

И, представьте, это не пугаетъ, а нравится. Если бы это было органической болѣзнью, а не искусственной прелестью, не новымъ созданнымъ развлеченіемъ,—это скитальчество по лабиринтамъ, это сознаніе своей обреченности могло бы стать кашмаромъ, съ которымъ слѣдовало и пришлось бы бороться. Но со всѣмъ этимъ Брюсовъ не борется, а дружитъ, и очень ясно почему: это идея не навязчивая, а навязываемая самимъ собой самому себѣ:

„Дальше! дальше! въ тѣ покои,
Гдѣ во мракѣ слѣпнетъ взоръ"
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
Я теряюсь *въ лабиринтѣ*
Переходовъ и шаговъ".

И, въ самомъ дѣлѣ, если нужны непремѣнно ослѣпленія, если нужны лишь мракъ и склепъ,

если такъ дорого и мило туманное, — нужно ли и есть ли смыслъ тужить въ положеніи узника неволи и либиринта?

3.

Вотъ поэтъ, ищущій трудности. Только на скрытомъ и только на неясномъ опочили симпатіи Брюсова.

Даже очень конкретныя, бьющія въ глаза, явленія,—войну и революцію,—онъ видитъ лишь сквозь преломляющія грани исторіи, т. е. „лабиринта“ прошлаго.

Понятные и разгаданные часы настоящаго у него проведены сквозь лабиринтъ и расцѣнены съ высотъ вѣчной тайны. Сумракъ лабиринта прикрылъ очертанія сегодняшнихъ дней.

При громадной подвижности темперамента, при исключительной внутренней страстности—Брюсовъ исключительно постояненъ въ своей приверженности къ таинственности и загадкѣ.

Сильны надъ нимъ „*соблазны тьмы*“; ему дороги „*цѣпи* книгъ“; таинственной „истинѣ *нѣтъ доказательствъ*“; умъ его идетъ „*дорогами, запретными* для мысли“, только „*предчувствіе* разоблачаетъ *тайны*“, и поэты прекрасны потому, что имъ „ввѣрены *загадочныя* сказки“, а лучшая смерть—

„съ *тайной* радостью
Въ часъ, когда взойдетъ луна:
Овѣваетъ *странной* сладостью
Тѣнь *таинственнаго* сна".
И т. д. И т. д. И т. д.

Только этой неслыханно-вѣрной любовью къ „лабиринту", къ тайнѣ и загадкѣ объясняется тотъ гордый вызовъ, который онъ бросилъ своимъ современникамъ 90-хъ годовъ съ ихъ поэзіей ясности, съ ихъ безтайностью, ихъ пѣснями о предѣльномъ и конечномъ, точномъ и ограниченномъ.

„Одиночеству тѣхъ дней" посвятилъ Брюсовъ цѣлую книгу своихъ стиховъ,—тѣхъ дней, когда онъ, впервые охваченный радостной заманчивостью тайны, только что входилъ подъ святые своды лабиринта, удивляя и пугая толпу, воспитанную на Величкахъ, влюбленную въ Коринфскихъ, вѣрующую въ Буренина, сжившуюся съ привычнымъ и обычнымъ, съ ординарнымъ и земнымъ.

И за презрѣніе къ любимому, за непониманіе тайны, за незнаніе дорогъ во тьмѣ Брюсовъ платилъ пощечиной установившемуся вкусу, и, не смущаясь насмѣшками, издѣваясь, самъ хохоталъ въ лицо толпѣ знаменитымъ „стихотвореніемъ":

„О, закрой свои блѣдныя ноги".

4.

То вулканъ подъ снѣгомъ, море съ замерзшими валами, то политикъ безъ портфеля и царь безъ

скиперта, будто монакскій князь, то сдержанный фанатикъ и сдѣланный безумецъ, Брюсовъ всегда скрытенъ и всегда въ себѣ. Рядомъ съ журчащимъ, легкимъ, раскидывающимся Бальмонтомъ онъ большой молчальникъ, знающій власть немногихъ словъ. Отъ этой скрытности, замкнутости въ себѣ самомъ, отъ этой сосредоточенности на немногомъ у Брюсова—все, и здѣсь его разгадка.

„...Я всегда неизмѣнно
Молюсь неземной красотѣ.
Я *чуждъ тревогамъ вселенной*,
Отдавшись *холодной мечтѣ*".

И, хотя Брюсовъ всегда и стоялъ и стоитъ вблизи этихъ „тревогъ", никто больше не умѣетъ быть въ такой дали отъ сегодняшняго дня, людей и фактовъ, какъ Брюсовъ.

„И *покинувъ людей*, я ушелъ въ тишину.
Какъ мечта одинокъ, я *мечтами живу*.
Позабывъ обаянье безцѣльныхъ надеждъ,
Я смотрю на мерцанье сочувственныхъ звѣздъ.
Есть великое *счастье—познавъ утаить*;
Одному любоваться на грезы свои.
Безотвѣтно твердить откровеній слова,
И *въ пустынѣ слѣдить*, какъ восходитъ звѣзда"

Никѣмъ больше одиночество не воспѣвалось такъ упорно, такъ послѣдовательно и неизмѣнно, какъ Брюсовымъ.

Этому одиночеству отданы цѣлыя главы, посвящена цѣлая книга, имъ продиктованы цѣлыя пьесы, о немъ твердятъ его строфы и строчки.

„Нѣтъ единенья, нѣтъ сліянья:
Есть только смутная алчба".

Бальмонтъ ему дорогъ потому, что,

„Какъ и ты, мы одиноки".

Въ стихотвореніи, такъ и называющемся: „Одиночество"—, цѣлая гамма одинокихъ нотъ, одиночествующихъ порывовъ, цѣлый мартирологъ стремленій уйти отъ себя.

„...Мы безпощадно одиноки
На днѣ своей души—тюрьмы!"
. . . . . .
„Присуждены мы къ вѣчной кельѣ"
. . . . . .
„Порывъ безсиленъ! Нѣтъ надежды!
И въ самой страсти мы одни!"

И это не страшно, Брюсовъ спокойно знаетъ, что суждено

„жить мнѣ и быть—одному".

Какъ великій скрытникъ, онъ радъ этому и этимъ счастливъ:

...„Я одиночество, какъ благо
„Привѣтствовалъ въ ночной тиши".

Его мечта:

„О еслибъ все забыть, быть вольнымъ, одинокимъ".

5.

Гдѣ Одиночество, тамъ Гордость. Ни у одного поэта русскаго нѣтъ такого обилія ея жестовъ и

нотъ, гордыхъ словъ и затаеннаго высокомѣрія стиха, какъ у Брюсова. У него все гордо и всѣ гордятся: гордится небо, гордится земля, гордятся герои, страны, мавзолеи, кинжалъ, поэты, счастливые и несчастные.

У него гордъ Александръ („Не вздохнулъ ли, Гордый, тайно о своихъ ночныхъ мечтахъ?"), полный непобѣдимости и власти („Какъ хорошъ ты былъ, Могучій, съ блескомъ гнѣва на лицѣ!").

Гордъ „дерзкій воитель", Рамзесъ, представшій въ „царственной пустынѣ".

Гордъ Данте:

„Подъ звонъ мечей, проклятія и крики
„Онъ межъ людей томился какъ въ бреду...
„О Данте, о, отверженецъ великій,—
„Воистину ты долго жилъ—въ аду!"

Его Донъ-Жуанъ—„морякъ, искатель острововъ, скиталецъ дерзкій въ неоглядномъ морѣ",—къ которому всѣ „женщины идутъ на страстный зовъ, покорныя съ одной мольбой во взорѣ", признается съ смѣлой гордостью:

„Да! я гублю! пью жизни, какъ вампиръ!"

Не упоминаю о Наполеонѣ, о Медеѣ, о Клеопатрѣ и Амалтеѣ, объ Ассаргадонѣ, о Баязетѣ, Старомъ Викингѣ,—но даже Марія Стюартъ провела въ тюрьмѣ „семнадцать гордыхъ лѣтъ".

На Венеціи Брюсовъ останавливается съ любовью, потому что—

„И донынѣ неизмѣнно все хранитъ здѣсь явный слѣдъ
„Прежней дерзости и мощи, надъ которой смерти нѣтъ".

При взглядѣ на Льва Св. Марка ему приходитъ въ голову чрезвычайно характерная мысль:

„Сколько гордыхъ, сколько славныхъ,
„Провожая въ море день,
„Созерцали крылъ державныхъ
„Возростающую тѣнь".

Брюсовъ готовъ другого, призывать къ гордости просить другого быть гордымъ, упрашивать его объ этомъ, почти молить. Онъ страстно убѣждаетъ Бальмонта, что онъ—

„. . . . . избранный поэтъ,—
„Дара высшаго не требуй,
„Дара высшаго и нѣтъ".
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
„Ты не нашъ—ты только Божій".

Самого Брюсова съ этимъ Бальмонтомъ сближаетъ опять таки сознаніе ихъ гордой и высокой миссіи—„аргонавтовъ", а Бальмонтъ ему рисуется,

„. . . . . въ дикомъ крикѣ фурій,
„Взоромъ молній озаренъ:
„Заклинатель духовъ бури,
„Ты поешь намъ, Аріонъ"!

Развѣ не величественно? Развѣ не гордо?

Ужъ на что, казалось бы, скроменъ и простъ—закатъ. Но у Брюсова

„. . . . . глуби черныя покинувъ,
„Въ лазурный день изъ темноты
„Взлетаетъ яркій рой павлиновъ,
„Раскрывъ стоцвѣтные хвосты".

А „L ennui de vivre“, гдѣ Брюсовъ пишетъ о себѣ,—развѣ это не настоящая и сплошная поэма гордости, не одна длинная слава собственной гордоутомленной позѣ?

6.

Да, въ существѣ своемъ Брюсовъ самый преданный, самый постоянный, самый послѣдовательный однолюбъ. Весь—скрытое сомнѣнье, вѣчный скептикъ, тайно не вѣря въ себя, Брюсовъ хочетъ, чтобъ въ него вѣрили всѣ, и его однолюбіе—въ одномъ:—въ честолюбіи. И въ себѣ, и въ своихъ стихахъ Брюсовъ таитъ огромное, почти гигантское тяготѣніе къ Übermensch'у. Одинъ изъ самыхъ страстныхъ—(хотя, быть можетъ, и самый скрытый) брюсовскихъ мотивовъ—поклоненіе Сверхчеловѣку.

И здѣсь ему надо принести заслуженную дань уваженія и признанія: въ своей литургіи силѣ и славѣ этого Сверхчеловѣка Брюсовъ сумѣлъ избѣгнуть и прѣсной узкой обывательщины, и той дѣтской элементарности, безъ которой не обошелся ни одинъ изъ современныхъ „богоборцевъ“, „анархистовъ“, „индивидуалистовъ“, „штирнеріанцевъ“ и „ницшеанцевъ“.

Но и этого Брюсовъ достигъ опять таки только тѣмъ, что своего Сверхчеловѣка онъ поставилъ во тьму—или вѣковъ, или таинственной загадочности.

И здѣсь, значитъ, Брюсова снова и снова спасъ его неизмѣнный лабиринтъ.

Въ настоящемъ времени и въ ясномъ свѣтѣ героевъ для Брюсова нѣтъ.

Героизмъ и постигаемость—вещи, для Брюсова несовмѣстимыя.

Царь Ассаргадонъ—другое дѣло. Царица Клеопатра,—это другой вопросъ.

Предъ ними, воскрешенными и вызванными изъ дали временъ, Брюсовъ готовъ стоять колѣнопреклоненнымъ.

Несмотря на всѣ длинные переходы, рядъ переворотовъ и измѣнъ, на новизну увлеченій и преданностей, онъ, признающійся въ томъ, что—

„Какъ змѣй на сброшенную кожу
Смотрю на то, чѣмъ прежде былъ“,—

онъ, хорошо знающій, что

„Для всѣхъ приходятъ въ свой чередъ
Дни отреченья, дни томленья“,

что всѣ мы

„будемъ плакать о былomъ,
И клятвы давнія нарушимъ“,

сознающій, что

„странно полюбилъ мглу противорѣчій“;

онъ, кто

„разныхъ ратей былъ союзникъ“,

сжигавшій вчерашнюю мечту, искавшій новыхъ безумій, стоящій всегда „надъ новой крутизной“, умѣющій отказываться и въ гордой позѣ предаваться осужденію себя и своихъ союзниковъ за былую дерзость самомнѣнья („мы были дерзки, были дѣти“), уходившій съ приподнятой головой отъ своихъ книгъ и стиховъ:

„Вѣрь мнѣ: давно
„Я считаю ошибкой
„Бѣдную книгу мою“;—

Брюсовъ, все время „спѣшающій къ новому раю“, находящій радость „въ слезахъ, чтобъ снова, снова душѣ открылся міръ другой“, „повернувшійся на полдорогѣ, чтобъ выйти вновь подъ небеса“ и въ самый яркій моментъ своего восхода на небо славы и извѣстности написавшій:

„... Время снова
Мнѣ стать ученикомъ“,—

—этотъ измѣнчивый Брюсовъ—самый неизмѣнный и постоянный любовникъ одинокой и невѣрной мечты о приматствѣ и загадочности, о преодолѣніяхъ, отсюда его склонность къ „трудности“ поэтическихъ заданій,—а гдѣ трудность, тамъ и трудъ. Съ разныхъ концовъ, отъ разныхъ угловъ, въ разные часы сутокъ, онъ обходилъ одно и то же поле: имъ самимъ созданную тайну міра, имъ самимъ сооруженный лабиринтъ, любуясь силой власти и властью силы, молясь героямъ древности и средневѣковья,—забытымъ властелинамъ, непонятымъ че-

столюбцамъ, одинокимъ пророкамъ, первосвященникамъ земли,—баловнямъ удачи и счастья.

7.

Валерій Брюсовъ—поэтъ огромный *потенціальной* энергіи.

Въ стихахъ его—вездѣ напряженность.

Съ перваго взгляда, поэтъ неподвижности, застывшаго мига, онъ таитъ въ себѣ, будто грозовой день, неисчислимый и неизмѣримый запасъ внутренней, трепетной и страстной силы.

„...Изъ жизни блѣдной и случайной
„Я сдѣлалъ трепетъ безъ конца".

Когда бѣгло перелистываешь страницы его „Любимцовъ вѣковъ", начинаетъ казаться, будто стоишь предъ мавзолеями. Но вдругъ оживаетъ исторія, печать пробужденной давней тайны касается мрамора, трепещетъ былая страсть, отстоявшаяся въ стихахъ былая жизнь воскресаетъ въ напряженныхъ строкахъ.

Ассаргадонъ—весь движеніе, угроза, проклятіе и гнѣвъ. Звуки этой древней „ассирійской надписи" кажутся исторгнутыми сейчасъ, и, быть можетъ, потому, что и здѣсь одушевляющая сила — все та же власть, все то же честолюбіе.

„Скиѳы" цѣлая пьеса, настоящій кинематографъ, программа торжественной встрѣчи „гостя" „отдаленъ-

ными предками", но справедливость требуетъ отмѣтить, что скиѳамъ предлагается здѣсь встрѣчать самого Брюсова, какъ нѣкоего путешествующаго принца, который все можетъ, и все умѣетъ,—стрѣлять, какъ и пѣть, постигать, какъ и идолопоклонствовать.

Рѣчь Александра Великаго, какъ картины „пьяныхъ залъ", ласкъ Роксаны, ночи, восхода, пробужденія, стоновъ и шумнаго стана—все это не мертвенно, а подвижно, легко, энергично, страстно и живо, но, возможно, потому, что скрытно и здѣсь рѣчь идетъ не столько объ Александрѣ, сколько о самомъ поэтѣ

Вѣдь, у всѣхъ этихъ „любимцевъ вѣковъ", кромѣ силы и власти, есть еще одна прелесть: тайна. Римъ хоть

„не живой, но таинственный";

Антоній—„яркій незабвенный сонъ"; для Донъ-Жуана—

„каждая душа—то новый міръ,
"И манитъ вновь своей безвѣстной тайной".

8.

Души женщины, міръ исторій, былыя тѣни, бѣгущіе дни и часы, фоліанты и книги,—все это только пути брюсовской мысли, его новые и новые лабиринты, дорогіе своей неясностью, красивые и манящіе въ свою властную таинственность, прекрасные въ неразгаданности.

И самая великая боязнь Брюсова—разгадка. Если бъ нашелся способъ снять маску съ міра, тайну съ вещей и лицъ, для Брюсова это была бы смерть. И самая ужасная, скучная и ненавистная критическая статья, была бы для Брюсова та, которая его разгадала.

Онъ умѣетъ жить, трудиться, пѣть и думать только—„таясь".

„А я, таясь, готовлю міру
„Ядъ, гдѣ огонь запечатлѣнъ".

Или:

„Найду ль немыслимое знанье
„Которое, таясь, люблю.

Или:

„Бродилъ, свободный, одичалый,
„Таился въ норахъ давней мглы".

Страсть къ таинственному и таинственная страсть, погруженность въ свое сокровенное таинственное и одиночествующее и честолюбивое „я"—вотъ опредѣленіе того, кому современная поэзія подарила бы отъ имени настоящаго и будущаго право на поэтическое приматство, еслибъ она не знала Ѳедора Сологуба и К. Бальмонта.

9.

Но съ той же послѣдовательностью, какъ и въ любви къ лабиринту и вѣрѣ въ тайну, Брюсовъ проводитъ и свое отрицаніе. Вмѣстѣ съ великими ча-

яніями въ немъ росъ и выросъ великій скептицизмъ. И отсюда его безконечное, неутолимое, неутѣшимое скитальчество. Если кто дѣйствительно „Скиталецъ“ въ современной литературѣ, „бродя по днямъ и влачась по мыслямъ“, кто, дѣйствительно, влачитъ „по днямъ, клонясь какъ волъ, изнемогая отъ усилій могильнаго креста тяжелый пьедесталъ“, „чей факелъ пальцы обжигаетъ“, и кому такъ часто „въ бездонномъ мракѣ нѣтъ дорогъ“,—такъ это, конечно, только Брюсовъ.

И этотъ мракъ—скептицизмъ.

И этотъ палящій факелъ—его ужасная и упорная вѣчно враждующая, неспокойная и неугомонная мысль:

Я прикоснувшись къ послѣднему счастью,
„Не опуская рѣсницъ,
Шелъ увлекаемъ таинственной властью
Къ ужасу новыхъ границъ“,

Это—самый интересный скептикъ: всегда неразлучный съ мыслью, и вѣчно въ нее невѣрующій. Да и почему бы вѣрить въ нее, въ эту мысль? Вѣдь, только „предчувствіе разоблачаетъ тайны“, вѣдь, самой значительной брюсовской истинѣ — „вѣрѣ въ себя“—„нѣтъ доказательствъ“:

„Эту тайну я понялъ любя“.

Вѣдь, всѣ—

„Мечтатели, сибиллы и пророки
„Дорогами запретными для мысли,
„Проникли—внѣ сознанья—далеко,
„Туда, гдѣ свѣтятъ царственныя числа!“.

Вѣдь, настоящее счастье и рѣдкая божественная радость приходятъ лишь тогда, когда.

„Едва откроется намекъ случайный".

А потому, „на основаніи вышесказаннаго":

— ...„Не мѣсто возобновлять старый споръ вообще о реализмѣ въ искусствѣ. Вопросъ можетъ быть признанъ рѣшеннымъ, пока защитники реализма не найдутъ новыхъ доводовъ. Только не желающіе слушать и понимать могутъ до сихъ поръ твердить, что искусство должно „воспроизводить", или „отражать дѣйствительность",

(„Книга о новомъ театрѣ".)

И потому же для Брюсова наиболѣе родственной эстетической теоріей явилась теорія „исскуства, какъ познанія".

И этотъ ударъ по реализму, и это признаніе „предчувствій"—все это отъ скептическаго отношенія

1) къ видимому

и

2) къ мысли, т. е. къ самому себѣ.

И когда этотъ послѣдовательнѣйшій изъ авторовъ и поэтовъ создаетъ свою собственную теорію, онъ доводитъ ее до конечныхъ логическихъ выводовъ, до послѣднихъ концовъ, упирая снова въ уголъ,—„къ ужасу новыхъ границъ".

Вотъ почему онъ такъ легко упраздняетъ современный театръ, и такъ упорно предлагаетъ—

„рѣшительно обратиться къ пріемамъ театра античнаго и шекспировскаго"!

(ibid).

10.

Также точно и въ своей поэзіи Брюсовъ всегда идетъ „къ раздуміямъ съ вершины вдохновенія“, и оттого рѣдко у кого-нибудь еще такъ неразрывно сплелись трудъ, мысль и вдохновеніе, какъ у автора „Работы“ и „Въ отвѣтъ“. Никто больше не посвятилъ такихъ вдохновенныхъ строкъ поэзіи занятости, красотѣ и радости труда.

„Всѣ пути необычайны,
„Путь труда, какъ путь иной“.

И вотъ:

„Впередъ, мечта, мой вѣрный волъ!
„Неволей, если не охотой!
„Я близь тебя, мой кнутъ тяжелъ,
„Я самъ тружусь, и ты работай!“

И когда я въ предисловіи къ первому тому, „Путей и Перепутій“ прочиталъ, безъ всякихъ оговорокъ, что Брюсовъ „предпочиталъ вовсе исключить стихотвореніе, если въ немъ были подробности, съ которыми онъ не могъ согласиться“, чѣмъ „исправлять свои юношескіе стихи“,—я позволилъ себѣ этому не повѣрить, и, теперь вижу,—основательно. По крайней мѣрѣ, въ первой же книгѣ мнѣ встрѣтились „Три свиданія“, и, насколько Брюсовъ заботливо ее исправлялъ, читатель можетъ видѣть изъ слѣдующаго сопоставленія второй главы“ *).

*) Сравниваю по памяти П. П.

Прежде:	Теперь:
Вотъ трепетъ любви, о которомъ Столько разъ я твердилъ въ тріолетахъ Вотъ онѣ, сладкія слезы ночей. . . . . . . Не плачь, дорогая, улыбнись . . . . Я кудри твои цѣловалъ горячо. Я смѣялся	Глазки твои ненаглядные, Глазки слезами полные, Дай, разцѣлую я, милая! Какъ хорошо намъ въ молчаніи! (Намъ хорошо, вѣдь, не правда ли)? Стоитъ ли жизнь, чтобы плакать объ ней? . . . . А я цѣловалъ твои волосы И смѣялся . . . . .

А затѣмъ къ этому „неисправленному“ юношескому опыту добавленъ—не больше не меньше—какъ 21 стихъ, въ началѣ второй главы измѣненъ четвертый и добавлены стихи шестой и седьмой,—это то, что сразу попалось на глаза, и о чемъ упоминаю, какъ о характерной, и отнюдь, конечно, не преступной чертѣ.

Поэтъ, для котораго форма—все, ужасъ котораго невѣрье въ себя, а крылья — честолюбіе, — такой поэтъ иначе поступить не могъ. Надъ ревнивымъ чеканщикомъ оказались безсильными примѣры и „такихъ единственныхъ мастеровъ формы, какъ Пушкинъ, Тютчевъ, Фетъ“, которые, „нерѣдко искажали свои юношескіе стихи, думая поправить ихъ въ пору зрѣлости своего дарованія“.

...Брюсовъ не исканіе, а достиганіе, и не озареніе, а размышленіе.

ПЕТРЪ ПИЛЬСКІЙ.

Это теоремникъ, теоретикъ, политикъ. И если честолюбецъ-просто есть носитель побѣждающей страсти, значитъ, взрыва, — тревожный, непокорный и непокойный, то честолюбецъ-политикъ — носитель покоренной страсти,—страсти, подчиненной уму.

Первый—авторъ ошибокъ и увлеченій собственныхъ, второй—счетчикъ увлеченій и ошибокъ чужихъ.

Но первый—всегда горячій безумецъ, злодѣй, или геній; второй—холодный творецъ цѣлей и средствъ.

И если когда-нибудь Брюсову будетъ поднесено литературное воеводство, поэтическое приматство,— это сдѣлаетъ не Богъ, а трудъ.

Н. МИНСКІЙ.

1.

Вдругъ А. Волынскій напишетъ изслѣдованіе о Микель-Анджело въ формѣ сонета? Какая будетъ отъ этого польза для самого Волынскаго, для насъ, для сонета, или для Микель-Анджело?

Я думаю, никакой, но, собственно, отчего бы и не писать изслѣдованій въ стихахъ. и даже „О нѣкоторыхъ особенностяхъ древне-германскаго права въ дѣлѣ судебныхъ наказаній", которое написалъ тургеневскій Берсеневъ?.. Салтыковъ шутливо увѣрялъ, что „прежде музыка выражала только неясныя ощущенія печали и радости, да и тутъ все зависѣло не столько отъ содержанія звуковыхъ сочетаній, сколько отъ замедленія, или ускоренія темпа. Теперь же,—прибавляетъ онъ, — найдены такія звуковыя сочетанія, въ которыя можно уложить даже полемику между Сѣченовымъ и Кавелинымъ. И мы ни разу не ошибемся опредѣлить, когда полемизируетъ Сѣченовъ, и когда Кавелинъ".

Даже музыка! Что же говорить послѣ этого о стихахъ? И кажется, что и Н. Минскій пишетъ и

писалъ стихи потому же: разъ можно музыкой передавать полемику, отчего нельзя силлогизмы и вторыя передовыя излагать въ размѣрахъ и съ риѳмами?

Н. Минскій такъ и дѣлаетъ.

„Кто крестъ однажды хочетъ несть,

— резонируетъ онъ,—

„Тотъ распинаемъ будетъ вѣчно".

А то такъ:

„Награды нѣтъ для добрыхъ дѣлъ,
„Любовь и скорбь одно и то же".

Правда, Н. Минскій увѣряетъ, что это пѣлъ Ангелъ. Но, правду говоря, ктожъ этому повѣритъ? Если бы это говорилъ въ воскресный день ксендзъ, священникъ, или патеръ—дѣло другое. Но ангелъ! Развѣ такъ поютъ ангелы? Да еще въ стихахъ, да еще у настоящихъ поэтовъ?

2.

Минскій не поэтъ, никогда имъ не былъ и, конечно, теперь уже никогда не будетъ. Это затуманенная душа, никогда не открывавшаяся навстрѣчу солнцу и дню. Это мудрящій стихослагатель, весь надуманный, многое умѣющій, но ничего не воспринимающій ни отъ жизни, ни отъ природы. Дѣло не въ отсутствіи темперамента и не въ той „холодной

крови“ времени, которую живописалъ восьмидесятникъ Чеховъ. Кромѣ Минскаго, у Чехова былъ такой современникъ, какъ Фофановъ. Есть нѣчто цѣнное и дорогое и кромѣ темперамента, и кромѣ живой воспріимчивости: прекрасная мудрость, покойный и нетревожный взглядъ на міръ яснаго и всепроникающаго духа. Но Минскій этого счастья не зналъ никогда. Онъ всегда подходилъ къ міру и жизни съ пальцемъ, приставленнымъ ко лбу, и не былъ мудръ, а только мудрилъ.

Вспоминалъ ли онъ дѣтство, онъ не улыбался и не вздыхалъ, а снова резонировалъ, и, конечно, какъ всегда, наивно и риторично:

„О, рай невѣдѣнья! О, дѣтства свѣтлый храмъ!
Единый въ мірѣ храмъ, никѣмъ не оскверненный.
Увы! Доступенъ ты лишь дѣвственнымъ мечтамъ,
Душѣ, въ добрѣ и злѣ равно неискушенной.“

Но, ужъ, конечно, Минскій любуется этимъ „раемъ“, поетъ его, восторгается имъ? Если вы такъ думаете, вы не знаете Н. Минскаго. Онъ просто сейчасъ же приставляетъ палецъ ко лбу и разсудительно замѣчаетъ, что

„Тотъ, кто въ садахъ твоихъ блаженствуетъ, какъ богъ (!?),
Еще не человѣкъ. Онъ своего блаженства
Борьбой не заслужилъ“.

Вотъ видите! И всегда, и вездѣ, о чемъ бы ни говорилъ Минскій, его палецъ такъ и не отрывается отъ глубокомысленнаго лба. Казалось бы, хоть

на Женевское озеро можно было бы смотрѣть безъ этого пальца? Не тутъ-то было:

„Ты людямъ дорого“:
—наставительно обращается Минскій къ озеру,—

„здѣсь колыбель свободы,
Здѣсь пѣсней Байрона тюрьма освящена,
На берегахъ твоихъ братаются (sic) народы,
И въ первый разъ (замѣтьте!) войнѣ объявлена война“.

При такихъ условіяхъ, воля ваша, Минскій не можетъ равнодушно пройти мимо озера. Коль скоро „братаются народы“, и „въ первый разъ война объявлена войнѣ“, значитъ же, это не простое озеро, а озеро особенное. Словомъ, именно такъ, какъ насъ вразумляли въ учебникахъ логики.

3.

Это надоумливаніе себя и читателя, эта вразумительность и силлогистичность—настоящіе враги красоты и легкости—любимые гости стиховъ Минскаго.

Оттого, что ему все въ мірѣ дорого не само по себѣ, а, какъ настоящему ритору, только въ качествѣ сравненія и „уподобленія“, у Минскаго излюбленный пріемъ состоитъ въ „таканьи“.

Мотылекъ летитъ. Чего ужъ проще? Но Минскій сейчасъ же палецъ ко лбу:

„Не такъ ли, вѣчностью окружено, живетъ
Мое отрадное и слабое мгновенье?“

Идетъ подъ фатой красавица. Минскій опять:

„Такъ и мысль незримо созрѣваетъ
Средь безлюдья и тиши“.

Является мысль объ измѣнѣ любимой,—и—

„Такъ въ полночь, безумною грезой плѣненъ,
Я самъ создаю сновидѣнья“.

Приходитъ ли скорбь, тоска о богѣ, просыпаются-ль покаянные голоса и сознаніе своего безсилія,—все равно, палецъ у лба:

„Такъ путникъ скорбитъ средь пустыни безводной,
Нашедши алмазъ, что горитъ, какъ звѣзда“.

4.

Минскій—резонеръ. А резонерство есть нерѣшительность ума, вялость мысли. Оно—не шаги ея и не ея бѣгъ, а топтанье на мѣстѣ. Это не трагическое сомнѣнье съ руками, сложенными на груди, а съ руками, разводящими по сторонамъ. Всегда резонерство—растерянность и неумѣлость.

Минскій не владѣетъ стихомъ, и никогда не имѣлъ надъ нимъ настоящей власти. Слово ускользало у него изъ-подъ пера, а его лексиконъ былъ всегда бѣднымъ и ординарнымъ—и потому-то Минскій до смѣшного льнетъ къ междометію. И это тоже симп-

томъ безсилія, на этотъ разъ безсилія чувствъ, безсилія духа и сердца. Когда нѣтъ естественнаго подъема, приходится прибѣгать къ взвинчивающему и наигранному паѳосу. Всегда „междометіе“ приходитъ не изнутри, а извнѣ, и, большею частью, изъ теоріи словесности. Всѣ эти „ахъ“, „увы“, „о!“—театральны и нелиричны,—только риторичны. Но Минскій безъ нихъ не обходится.

...*О*, злоба и безвластье
„Передъ чужой душой, блаженный въ этотъ мигъ“ (III, 87).
„*О*, еслибъ знала ты какъ больно,
„Разочаровываться въ нихъ“ (ibid 107).
„Прости, *о* Гренада“. (ibid. 171).
„*О*, скажи: чѣмъ ты стала такъ душѣ дорога?“ (ibid. 181).
„*О*, подруга! Останься со мной до утра“. (ibid. 199).

О!“„—*О!*“„—*О!*“„—*О!*“„

И эти «О!“—вездѣ, а въ 1-мъ томѣ на любой страницѣ, и на 3-й и на 8-й, на 18-й, и 24-й, и на 52-й и на каждой, и на всѣхъ, и такъ и хочется сказать: „О, Минскій, о, перестаньте!“.

Не обижаетъ онъ и бѣдное, вздыхающее: „Увы!“.

. . . . „*Увы* въ моей странѣ родной звучитъ насмѣшно (?!)
это слово“. (т. I, стр. 19).
„*Увы*, изъ устъ моихъ нѣжнѣйшія слова
„Безсильны дать вамъ счастье, дорогая“. (т. III, стр. 137).
„*Увы!* дрожащій листъ осины
Сильнѣе прикрѣпленъ къ родной землѣ, чѣмъ я“. (т. I, стр. 20)
„*Увы!* ихъ жертвы и труды
Не исцѣлили наши раны“. (ibid. 23).

И т. д., и т. д. и т. д.

Какое тягучее безсиліе, какое лопнувшее сердце и погасшая душа, какая настоящая неумѣлость!

На его пути „красою—женщина, еще дитя—лѣтами". „Хочу любить", и потому:

„Такъ полный инеемъ, расцвѣтшій въ эту ночь,
„Въ лучахъ утра блеститъ цвѣтокъ жасмина бѣлый".

5.

Такъ, такъ, такъ, такъ, а, въ сущности, вѣдь, никакъ.

Совершенно невозможно допустить, чтобъ человѣкъ, близко стоящій къ искусству, умѣющій наблюдать, много читавшій, много слышавшій, много писавшій, былъ такъ позорно-тривіаленъ въ своихъ сравненіяхъ, въ своихъ образахъ, въ своихъ аналогіяхъ, былъ бы такъ неуклюже-метафориченъ, какъ Н. Минскій.

Развѣ мыслимо, развѣ допустимо вывести букву за буквой такой парикмахерскій „стихъ":

„Ея лицо прекрасное плѣняетъ" (стр. 114, т. III).

Или такой:

О ревность низкая!" (стр. 87).

Додуматься до афоризма:

„Слово это—паръ души". (ibid.).

Дойти до метафоры, что —

„Въ нѣдрахъ почки зрѣетъ одиноко
Сердце розы молодой". (ibid.).

Или въ „Гимнѣ рабочихъ“ начертать:

„Врагъ падетъ и возвеличится народъ“. (т. I, стр. 118).

Или сказать о геніи, что

„Онъ скрижали свободы проноситъ
Подъ широкимъ (?) плащемъ аллегоріи“ (?!?).
(т. I, стр. 189).

Или посовѣтовать художнику:

„Нужно быть *весьма* смиреннымъ“. (т. IV, стр. 258).

Что это такое?

А у Минскаго это на каждомъ шагу, въ каждомъ стихотвореніи, и приходится изумляться тайнѣ популярности и капризу литературной судьбы, записавшимъ Минскаго въ число „творцовъ“ поэзіи, введшимъ его въ литературную исторію, подарившимъ ему замѣтки въ энциклопедическихъ словаряхъ, заботливо сброшюровавшимъ его „Полное собраніе стихотвореній“ и выпустившимъ его именно сейчасъ, въ моментъ изумительной виртуозности поэтической техники, когда всякій Годинъ и каждый Андрусонъ пишутъ entre poire et frommage лучше и проще, чѣмъ Минскій въ теченіе всѣхъ своихъ безсонныхъ „бѣлыхъ ночей“.

6.

Самые холодные—самые превыспренніе.

Таковъ и авторъ „Холодныхъ словъ“. Не тро-

буется огней, не требуется ни лихорадки страсти, ни костровъ, ни молній. Но нелогична паѳосная риторика у идеолога холода и покоя.

Блокъ влюбленъ въ свои „снѣжныя маски“ и въ „снѣжное вино“ и вѣритъ, что „крещеньемъ третьимъ будетъ смерть“, и что его изъ „жизни вывели серебромъ стези“. Но ужъ холодъ—такъ холодъ, апоѳеозъ душевной зимы безъ вьюгъ и бурь—такъ при полномъ соотвѣтствіи и въ полной гармоніи формы и существа.

А у Минскаго въ самыхъ торжественныхъ случаяхъ все время кричатъ „караулъ“ и бьютъ себя актерскимъ жестомъ („О!“) въ грудь тогда, когда увѣряютъ въ холодѣ сердца и мертвенномъ равнодушіи ко всему земному. И отъ этого получается одно впечатлѣніе—впечатлѣніе курьеза.

Но самые холодные—самые превыспренніе, и, если Минскій объясняется въ любви, отъ его словъ вчужѣ становится страшно,

Еще бы, когда онъ самъ «боится разсказать» о своемъ чувствѣ: иначе—видите-ли,—

1) „звѣзды станутъ средь темнаго свода“,

2) „будетъ ночь висѣть безъ исхода“,

3) „вѣтеръ въ кустахъ вдругъ въ веселіи пьяномъ полетитъ надъ землей ураганомъ“

и, наконецъ, собственное сердце Минскаго

4) „безумья любви ужаснется и отъ страха и муки порвется“.

Какъ угодно, а это шутки плохія!

Тѣмъ не менѣе, и, сколько бы онъ ни пугалъ бѣдную женщину, мы—то, вѣдь, хорошо знаемъ, что дѣло не въ томъ, что Минскій «боится разсказать», а въ томъ, что онъ просто не умѣетъ разсказать, ибо о настоящемъ, о живомъ разсказываютъ настоящими и простыми словами, а Минскій «своихъ словъ не имѣетъ», какъ гдѣ-то говорится у Глѣба Успенскаго.

По той же причинѣ холодной превыспренности ни разу нельзя ясно представить себѣ ни одного изъ его любимыхъ лицъ. И если „такъ“ у Минскаго чрезмѣру вразумительно и разсудительно, то его „какъ“ уже совсѣмъ безсмысленно и совсѣмъ невразумительно.

Не угодно-ли, въ самомъ дѣлѣ, нарисовать себѣ женщину по слѣдующимъ даннымъ:

„Твоей кожи загаръ—какъ пустыни песокъ,
Когда гаснетъ заря утомленная;
Твои очи глубоки, какъ темный потокъ,
Куда смотрится зелень спаленная.
Твое тѣло душисто, какъ въ полдень смола,
Твои губы, какъ роза раскрытая.
И улыбка на нихъ, какъ на розѣ пчела,
Какъ на розѣ пчела ядовитая“.

Вѣдь, это же по-персидски!

7.

Сейчасъ мы имѣемъ дѣло съ «Полнымъ собраніемъ стихотвореній» Минскаго, съ окончательнымъ

итогомъ его тридцатилѣтний дѣятельности, съ возможностью послѣдней и окончательной оцѣнки, съ надеждой прослѣдить весь его умственный и поэтическій ростъ.

У наблюдающихъ за авторомъ, у насъ, внимательныхъ и благословляющихъ читателей, бываютъ свои радости, въ родѣ той, которою радовалась мать въ мопассановской «Жизни». Помните,—

Поль «росъ чрезвычайно быстро и однимъ изъ ея любимѣйшихъ занятій... было измѣреніе его роста. На косякѣ двери гостиной перочиннымъ ножемъ былъ отмѣченъ рядъ маленькихъ черточекъ, обозначавшихъ изъ мѣсяца въ мѣсяцъ постепенное увеличеніе его роста».

Но если-бы у Минскаго-поэта была такая «одна добрая мать», она съ ужасомъ должна была бъ въ одинъ прекрасный день убѣдиться въ томъ, что ея сынъ такъ и остался карликомъ. Что въ одинъ изъ роковыхъ часовъ его ростъ вдругъ остановился, и сколько потомъ его ни приводили къ косяку, на которомъ все выше и выше поднимались черточки и Фофанова и Бальмонта, Брюсова и Мережковскаго и даже Фруга и даже Апухтина, черточка Минскаго не поднялась ни на вершокъ.

Какимъ былъ онъ 25 лѣтъ тому назадъ, такимъ остался и по-сейчасъ. Какими ріемами владѣлъ тогда, такими же владѣетъ и теперь. Какіе были недостатки техники въ ту младенческую пору, тѣ рѣжутъ глазъ и оскорбляютъ ухо и теперь, въ пору

зрѣлости. Цѣлый періодъ, цѣлая эпоха русскаго стиха, русской поэзіи, ея исканій и находокъ, ея тревогъ, изобрѣтеній и пріобрѣтеній прошли мимо, будто всѣ эти годы Минскій диктовалъ свои стихи, находясь въ летаргическомъ снѣ. И причина ясна.

Минскій ничего не исживаетъ. Его образы не напоены кровью, не имѣютъ тѣла, не умѣютъ дышать и отъ этого не живутъ. Они безкостные, безмускульные, ватные. Но Минскій и наблюдатель плохой, ибо дальше себя онъ ничего не видитъ, и, самъ охолощенный и разсудительный, сдѣлалъ и природу разсудительной, и бѣлыя ночи разсудительными, и голодъ разсудительнымъ и всѣ гимны разсудительными, и такіе же у него и Богъ, и Христосъ, и женщины.

И все это оттого, что Минскій наблюдалъ только одного Минскаго. А мы по праву можемъ не знать, кто такіе эти минскіе ангелы, и минскіе сфинксы, и минскіе пророки, потому что здѣсь все — только минское.

8.

Во всемъ поражаетъ эта далекость Минскаго отъ поэзіи. Конечно, для поэта непростительно обращаться съ рифмами, какъ съ гирями. Но если это не далось, можно было бъ ждать другого. Можно было бы ждать, что этотъ образованный, такъ рано начавшій въ литературѣ человѣкъ сумѣетъ понимать

другихъ поэтовъ, чувствовать поэзію другихъ стиховъ въ чужихъ книгахъ, постигать Пушкина. Какими личными, любовными, прямо изъ сердца, эпитетами умѣютъ награждать и одаривать поэты поэтовъ!

Какъ долженъ и могъ быть и Минскому близокъ нашъ легендарный, нашъ чудесный, единственный Пушкинъ! Но Минскій и тутъ не поднялся выше ходульнаго, деревяннаго, какъ всегда, риторичнаго эпитета и, конечно, съ непремѣннымъ, съ своимъ неизбывнымъ, навязчивымъ лжепаѳосомъ «О!»,

„Наставники мои! О, Пушкинъ величавый,
„Мятежный Лермонтовъ!“ и т. д.

„Величавый“! Вотъ гдѣ познается ограниченность наблюдательности, угадывается незоркій глазъ, холодъ поэтическаго чувства, гдѣ настоящая нечуткость.

У Фета Пушкинъ—„зритель ангеловъ“.

У Майкова Пушкинъ—«наша гордость, какъ задатокъ тѣхъ чудесъ, что можетъ быть».

У Лермонтова, среди рыданій, Пушкинъ—„съ юныхъ лѣтъ постигнувшій людей“,; „свободный даръ“; „дивный геній“.

У Минскаго, какъ офиціальнаго ритора затрапезнаго чествованія,—„величавый“!

И я понимаю всю логичность распредѣленія стиховъ Минскаго по рубрикамъ. Самымъ нелѣпымъ былъ бы въ данномъ случаѣ упрекъ: зачѣмъ эти стихотворенія не распредѣлены въ хронологическомъ

порядкѣ, въ послѣдовательномъ возрастаніи годовъ: въ данномъ случаѣ росли только цифры лѣтъ, но не росли ни коэффиціенты дарованія и углубленія, ни красота техники, ни сложность и ясность авторскихъ настроеній.

Ничѣмъ не отличаются другъ отъ друга стихотворенія, помѣщенныя рядомъ, но написанныя съ промежуткомъ въ 25 лѣтъ. И если нужно непремѣнно сравнивать, то зерна золота блестятъ чаще въ его молодыхъ и давнихъ пробахъ пера, въ его „Бѣлыхъ ночахъ“, а не во вчерашнихъ и не въ послѣднихъ, и „Гимнъ Рабочихъ“, „Казнь“ и проч.— не больше, чѣмъ ослѣпшая проза.

9.

Любопытенъ самый пріемъ сравненій Минскаго. У него не наши, человѣческія,—неясныя и сложныя,— переживанія находятъ себѣ аналогіи въ простыхъ и ясныхъ элементахъ природы, а, какъ разъ, наоборотъ.

До сихъ поръ говорили о слезахъ, что онѣ льются ручьемъ, или дождемъ; улыбка розовая была „какъ молодого дня за рощей первое сіянье“; о мужской силѣ и стойкости говорили, какъ объ „утесѣ-великанѣ“, символомъ одиночества служилъ парусъ...

А у Минскаго:

„Льется, льется дождикъ медленно и ровно
Тягостный, какъ голосъ совѣсти виновной,
Долгій, какъ изгнанье, мощный, какъ судьба,
Терпѣливый, будто старая раба“.

Дѣло даже не въ томъ, что медленный и ровный дождикъ гораздо легче представить себѣ, чѣмъ мощную судьбу. Но характерно для Минскаго, что его душа тянется не къ раздольному и чудесному міру открытыхъ, горящихъ и поющихъ тайнъ природы, а эту самую природу онъ на искусственныхъ приводахъ перетягиваетъ въ туманную пустыню отвлеченныхъ понятій: „совѣсть“, „изгнанье“, „судьба“. И только подумать, что весь этотъ зарядъ словъ для того, чтобъ сказать о... дождикѣ, который льется „медленно и ровно..“!

На всемъ лежитъ у Минскаго печать безсилія. На его поэтической волѣ и на стихѣ, на афоризмахъ и риѳмѣ, на чувствахъ и формѣ, на фантазіи и размѣрахъ.

Едва ли сыщутся книги стиховъ, гдѣ было бъ такъ мало поэзіи, съ головой утопленной въ морѣ сѣрой и холодной прозы. Авторъ поистинѣ правъ, говоря о самомъ себѣ скорбно, но мѣтко: „Я тусклое стекло“ (IV, 42), и опредѣляя себя, какъ бродячую по міру скуку: „Мнѣ скученъ миръ полей и сонъ дубравъ и смѣхъ дѣтей,—простыхъ сердецъ отрада“ (131).

Любимое слово Минскаго: „боюсь“. Но и напуганная мысль Минскаго не создала зловѣщихъ образовъ, ночныхъ тѣней и сумеречныхъ пугалъ и его страхи—скромны и невелики: „Я сномъ устрашенъ, я пришелъ къ вамъ напуганный сномъ“,—хотя и не всегда основательны, ибо Минскій могъ бы, по

крайней мѣрѣ, не трепетать и не восклицать въ ужасѣ:

„Я боюсь безсмертья“.

10.

Самая опасная и самая странная проповѣдь—это проповѣдь „безличности“ въ искусствѣ. И хотя бы потому что личность творящаго и созидающего, все равно, будетъ разгадана. Это особенно въ литературѣ, въ искусствѣ слова, и вдвойнѣ особенно въ его лирикѣ.

И Минскій не скрываетъ себя, часто говоритъ именно о себѣ, прямо о Минскомъ, нѣсколько разъ пытается опредѣлить самого себя, но и изъ этого опять-таки ничего не выходитъ.

Набрасываетъ ли онъ плащъ демонизма, говоритъ ли о своей любви, о своей скорби, о своихъ разочарованіяхъ, пробуетъ ли зарыдать, или грозитъ, вездѣ предъ нами общія слова, общія фразы, не опредѣляющія ничего и никого, или опредѣляющія такого же, какъ они сами: общаго, туманнаго, т. е. неживущаго человѣка, не живую и неживущую душу. А неживущая душа—неживучій поэтъ. А неживой человѣкъ—мертвый авторъ и единственная правдивая черта во всѣхъ этихъ самоопредѣленіяхъ—это резонерство, неразлучный спутникъ Минскаго.

„Я снялъ завѣсу лжи съ желаній и страстей“. „Я полноты любви не вѣдалъ никогда“. „И память мертвыхъ чувствъ губила обаянье“. Словомъ, опять разведенныя руки, и палецъ у лба, и пустое сердце, и не мудрено, что

„Мой демонъ страшенъ тѣмъ, что пламенной печати
Злорадства (sic!) и вражды не выжжено на немъ,
Что небу онъ не шлетъ угрозы и проклятій
И не глумится надъ добромъ“ (Ш, 57).

Т. е., попросту, минскій демонъ, и, должно быть, не слишкомъ яркій, не очень сильный и не чрезмѣру страшный, если всѣ его черты, и весь онъ самъ характеризуются тѣмъ, что не имѣетъ одного, и не дѣлаетъ другого,—скучный демонъ, — и такого бъ демона на мѣстѣ Минскаго я не пѣлъ.

ѲЕДОРЪ СОЛОГУБЪ.

1.

— Кто это... вонъ, тамъ?

— Сологубъ...

Онъ сидѣлъ среди десятка другихъ, прямо держась въ вѣнскомъ стулѣ, безъ движенія, — будто покойникъ, только что поднятый изъ гроба, плохо понимающій эту чужую жизнь и этотъ чужой языкъ литератора, читавшаго намъ въ этотъ вечеръ свой новый, по обыкновенію, реалистическій разсказъ.

Сѣдая, гладко остриженная голова. Напряженное нетерпѣніе во всей позѣ. Далекіе глаза, смѣющіеся добро и цинично. На губахъ улыбка, и каменное неподвижное, застывшее лицо.

Минутой мнилось, будто природа совершила ошибку: собиралась создать преступника, а вмѣсто этого дала намъ громаднаго, одинокаго въ своей жизни, въ помыслахъ, во всей своей литературной манерѣ художника.

Такъ вотъ онъ, какой этотъ авторъ змѣино-злыхъ „Тяжелыхъ Сновъ“, поэтъ смерти, создатель „Мелкихъ бѣсовъ“ и недотыкомки!

2.

Потомъ встрѣчались. Перебрасывались словами. Запоминалась его повадка.

Меня тянуло къ нему и отталкивало. Иногда я говорилъ себѣ: „чиновникъ“! Въ его манерѣ держаться есть что-то застегнутое. Но всматриваешься дольше и—вдругъ вспоминаешь изъ „Сновъ“:

„Это — Василій Марковичъ Логинъ, учитель гимназіи... Онъ тонокъ въ плечахъ; кожа у него тонкая, краснѣющая легко, но слабо. Его сѣрые близорукіе глаза глядятъ разсѣянно; онъ не всматривается пристально ни въ людей, ни въ предметы. Лицо его кажется утомленнымъ, а губы складываются въ слабую улыбку, не то лѣниво-равнодушную, не то насмѣшливую. Движенія его вялы, голосъ незвонокъ, руки не бываютъ горячими. Онъ порою производитъ впечатлѣніе человѣка, который думаетъ о чемъ-то, чего никому не скажетъ“.

Черты, неясно выраженныя, какъ будто тоже хоронящіяся, стыдящіяся угловъ, боящіяся рѣзкости. И все въ немъ—идущее не кнаружи, а внутрь, тонущее въ душѣ, исчезающее въ далекой и таинственной глубинѣ одинокаго, безнадежно замкнутаго сердца. И глаза этого сердца глядятъ только въ себя, или, какъ у сфинкса, вдаль. Около себя, вблизи и рядомъ—ночь и тьма, пустота и беззвучность.

Оттого всѣ герои Сологуба—его Логинъ и Триродовъ, даже Клавдія, даже Передоновъ повторяютъ одну ужасную психологію злого и мстительнаго от-

шельничества, отчужденности и вражды къ сосѣдству и близости.

3.

Передоновъ—апофеозъ.

У Логина „кипѣніе страсти“, „чувственные неопредѣленные порывы“; у Передонова мятежная оргія, пьяная и сатанинская вакханалія. Передоновъ Сологубомъ укороченъ. Титана сатанинскаго неистовства Сологубъ зло и безпощадно, съ какимъ-то сладострастіемъ жестокости, смялъ въ уѣзднаго пигмея.

Сологубъ ненавидитъ Передонова, и, быть можетъ, потому, что въ Передоновѣ много Сологуба. „Мелкій бѣсъ“, безпощадная и кровавая борьба Сологуба съ сидящей въ немъ самомъ передоновщиной.

И когда „среди томленія на улицахъ и въ домахъ, подъ этимъ отчужденіемъ съ неба, по нечистой и безсильной землѣ“ идетъ Передоновъ, я знаю, что этотъ путь совершаетъ своей жизнью Сологубъ, ибо „не было для него утѣшенія и отрады въ земномъ, потому что и теперь, какъ и всегда, смотрѣлъ онъ на міръ мертвенными глазами, какъ демонъ, томящійся въ мрачномъ одиночествѣ страхомъ и тоской“.

Глаза его закрыты для свѣта и видятъ только ночью, вѣчно внимательные къ ужасу и тѣнямъ.

Даже „на дѣтей налегала косность, и какое-то безликое и незримое чудовище, угнѣздясь за ихъ плечами, заглядывало порою глазами, полными угрозъ, на ихъ внезапно тупѣющія лица“.

Садизмъ пошлости—вотъ невысказанная формула земного бѣсовства, которую все время готовъ произнести Сологубъ.

4.

Передоновъ не одинъ изъ героевъ Сологуба, а всего на всего и только его единственный герой. Онъ не одно изъ дѣйствующихъ лицъ „Мелкаго Бѣса“, а одно въ немъ дѣйствующее, царящее, живущее, его заполняющее лицо.

Передоновъ—зеркало, безостановочно и безпрерывно вертящееся мимо всѣхъ другихъ, многихъ безчисленныхъ, быть можетъ, всѣхъ земныхъ душъ.

Въ это зеркало поочередно смотрятся всѣ, и всѣ себя видятъ, ибо оно громадно. И ужасъ въ томъ, что никто не ужасается, трагедія—въ отсутствіи для всѣхъ трагедіи. „Мелкій Бѣсъ“ непревосходимъ именно потому, что его авторъ исживаетъ ужасъ за всѣхъ, что здѣсь онъ не говоритъ, а вопіетъ, что это не слова, а скрежетъ, не голосъ, а вопль.

За послѣднюю четверть вѣка „Мелкій Бѣсъ“ самое страшное, что мы получили отъ литературы.

По бездонности и громадному размаху отрицанія, презрѣнія, пессимизма это—единственная вещь. Пе-

редоновъ не живой человѣкъ, а цѣлое человѣчество, дурно, или правильно понятое. Онъ, какъ бѣсовскій рояль, звучащій по волѣ того, кто нажимаетъ на его клавиши.

Для „Мелкаго Бѣса“ Передоновъ—имя существительное собирательное. Въ сологубовскомъ міропониманіи это—нарицательное имя.

5.

Встрѣчи съ Сологубомъ страшатъ и пугаютъ: мертвенный устремившійся взглядъ, вдругъ застывшій на вашемъ лицѣ. Маска, а не жизнь. Хочешь заглянуть внутрь этого получеловѣка—полуизваянія, и испытываешь кладбищенскую жуть. Кто поднялъ это одѣтое по похоронному тѣло, сроднившееся съ ужасомъ и тьмой могилъ, на мигъ заставилъ жить и имитировать живого, и привелъ сюда, въ ресторанъ, въ редакцію, на литературный вечеръ?

Еще ближе всматриваешься, дерзко проникаешь внутрь, за заслонъ глазъ и видишь, что Лазарь самъ страшится, полный неисцѣлимой тоски, скованный навсегда своей далекостью... и вотъ вы двое, другъ передъ другомъ, будто въ темной комнатѣ двѣ тѣни, прыгающія по двумъ противоположнымъ стѣнамъ, которыя никогда не сблизятся и никогда не сойдутся. Будто двое въ темной чащѣ ночного лѣса, оба боящіеся другъ друга, оба готовые бѣжать

съ колотящимся въ груди, напуганнымъ сердцемъ. Злой отшельникъ, именемъ котораго пугаютъ дѣтей, не хочетъ раскрыть своей тайны, — не хочетъ и боится.

У Сологуба не одно презрѣніе къ землѣ и жизни, но и страхъ передъ нею. Жизнь—далека. Близка, властна и любима смерть. Все развѣнчано въ этой жизни. Со всего сорваны праздничныя покрывала. Тишина и молчаніе, будто страхъ предъ обидой и оскорбленіемъ. „И во истину въ нашемъ вѣкѣ надлежитъ красотѣ быть попранной и поруганной“, а „въ предметахъ ему бросались въ глаза неисправности и радовали его“... „У него не было любимыхъ предметовъ, какъ не было любимыхъ людей“...

... Я ждалъ, что вспыхнетъ впереди
Заря, и жизнь свой ликъ покажетъ
И нѣжно скажетъ:
„Иди!“
Безъ жизни отжилъ я, и жду,
Что смерть свой блѣдный ликъ покажетъ
И грозно скажетъ:
„Иду!“

Никто съ такой силой, послѣдовательностью, убѣжденностью и неизмѣнностью не сумѣлъ опошлить и обезцѣнить жизнь, какъ Сологубъ. Никто такъ искренно не презираетъ ее, какъ онъ, развѣнчавшій на землѣ все и всѣхъ, и своей огненной, дикой ненавистью, будто палящимъ солнцемъ ума, превратившій эту землю въ одну сплошную, безплодную и пустынную, заброшенную и печальную степь.

Для него нерадостны ни любовь, чьи образы вызываетъ наше „паскудное воображеніе“, когда „всю ночь снятся дамы всѣхъ мастей, голыя и гнусныя“; ни „прекрасное, какъ у нѣжной нимфы, тѣло“, къ которому вдругъ „приставятъ, силой какихъ-то недостойныхъ чаръ, голову увядающей блудницы“, ни страсть, подъ личиной которой всегда прячется и хохочетъ злоба.

И при всей сдержанности, тихости, полутонности всѣхъ сологубовскихъ чертъ, словъ и пріемовъ одно его презрѣніе нехолодно, одно несдержанно. Съ виду спокойный во всемъ, онъ въ презрѣніи и злобѣ къ пошлости пламенѣетъ, какъ юноша, страстный, какъ любовникъ.

„...Недотыкомку сѣрую
Хоть со мной умертви ты, ехидную,
Чтобъ она хоть въ тоску панихидную
Не ругалась надъ прахомъ моимъ...“

Во всѣхъ строкахъ Сологуба—холодное безстрашіе изощреннаго, самоувѣреннаго ума, пристальная сила аналитика, какимъ-то чудеснымъ образомъ, въ хаосѣ безпорядочныхъ обломковъ нашедшаго покой своей новой исключительной истины.

Что это?—Смѣлость теоретика? Наглость циника? Безстрашіе варвара? Быть можетъ, злоба разочарованнаго, или запальчивость фанатика?

Чтобы ни было, но въ этомъ осужденіи міра, счастья земли и жизни есть неотразимая красота дерзающей и непокорной силы, нещадящей даже

себя, даже того, что лучше и дороже себя,—иллюзій личности,—послѣдняго убѣжища и послѣдней связи съ нашей жизнью.

7.

Въ этомъ настоящій, истинный героизмъ, героизмъ не словъ, а чувствъ, не жестовъ, а ума. Въ этомъ настоящее безстрашіе предъ жизнью, безбоязненность и признаніе, смѣлое и свободное пріятіе смерти, пѣвцомъ которой Сологубъ, однако, считается все-таки по ошибкѣ. Ибо нигдѣ у него нѣтъ восторга предъ ней и её онъ не поётъ, а только признаётъ.

Настоящимъ пѣвцомъ онъ является не въ признаніяхъ, а въ отрицаніяхъ. Дѣйствительный герой его думъ и пѣсенъ—отверженная и развѣнчанная жизнь. Самъ Сологубъ—герой утомленной жизни, ея безвкусія, прѣсноты, бѣдности и безсвятости. Отсюда черты преступности и отсвѣты внутренняго цинизма въ немъ самомъ.

„И лишь позоръ нагого преступленія
Заманчивъ, какъ всегда,
И сладко намъ нѣмое изступленье
Безумства и стыда".

(Стихи, кн. I-я, 34 стр.).

Еслибъ это отрицаніе жизни, ея солнца, огней и пѣсенъ пришло съ годами, теперь, недавно, мы были бъ въ правѣ заподозрѣть случайность, или временность мотивовъ сологубовскаго отрицанія. Но

когда, вотъ, уже пятнадцать лѣтъ подъ рядъ, изъ книжки въ книжку, изъ разсказа въ разсказъ, изъ стиха въ стихъ переходитъ одинъ и тотъ же напѣвъ, одна и та же неотвязная мысль,—тогда приходится искать корня пессимизма глубже, — въ разочароваліи культурой и культурной жизнью, ея призрачнымъ солнцемъ и призрачнымъ счастьемъ.

Сологубъ-поэтъ, у котораго нѣтъ сегодня.

Нигдѣ и никогда у него не встрѣтить даннаго мига, интереснаго автору, какъ таковой. Нигдѣ у него нѣтъ индивидуализированнаго момента, т. е. даннаго дня, или даннаго часа. У всѣхъ другихъ поэтовъ мы и встрѣчали, и встрѣчаемъ сегодня. „Сегодня я грустно настроенъ“. „Сегодня солнце“, „Сегодня намъ съ тобой“. У Сологуба нигдѣ ничего. У него нѣтъ „мимолетностей“, въ которыхъ Бальмонтъ умѣетъ видѣть

...„Міры,
Полные измѣнчивой, радужной игры“.

Сологубъ неизмѣненъ, неизмѣняемъ, неизмѣнчивъ. Всѣ мига его жизни окрашены общей краской, общимъ тономъ. Всѣ настроенія его—обобщены, дни введены въ непрерывную цѣпь, какъ звенья вѣчности, или земного существованья. Вся поэзія Сологуба будто большая мраморная глыба; и, какой кусокъ ни отколи, онъ изъ того же самаго матеріала, и той же цѣнности, и той же окраски, почти всегда матовой, какой сѣро-стальной. „Всѣми словами, какія находитъ“, говоритъ самъ о себѣ. Ѳ. Сологубъ—„онъ

говоритъ объ одномъ и томъ же. Къ одному и тому же зоветъ онъ неутомимо".

И въ этомъ разочарованіи слѣдуетъ признать не настроеніе, а міроотношеніе. Въ этой замахнувшейся рукѣ приходится видѣть не жестъ запальчивости и неудачъ, а тайный гнѣвъ культурнаго варвара, пришедшаго въ міръ для его разрушенія, ножъ палача, самоубійственно занесенный надъ самимъ собой, надъ той головой, которая этотъ ножъ выдумала.

Передоновщина—всегда варварство.

Когда она ссорится и враждуетъ съ людьми и „предметами", она варварство только некультурное. Когда она ополчается противъ жизни и мысли, она—утонченное, но и болѣе страшное, ибо еще болѣе безправое варварство,—неблагодарное и разрушительное, прекрасное только, какъ порывъ, но вредное и, главное, преступное.

Въ той страшной философски-беллетристической манерѣ, съ которой Сологубъ подходитъ къ жизни, и, особенно, къ мысли, таится развратъ умиленнаго, сладострастнаго раздѣванія міра невидимаго, чтобы сдѣлать его видимымъ и ненавидимымъ, чужимъ и пугающимъ.

И если мысль Сологуба и его анализъ безстрашны, то страшенъ онъ самъ. Его руки сжаты крѣпко до конвульсій и имъ уже не выпустить зажатаго меча, съ которымъ онъ идетъ навстрѣчу смерти и покою, рубя и повергая жизнь.

8.

Демонизмъ Сологуба глубокій, но не величественный. Своими корнями онъ проросъ душу Сологуба до самыхъ ея нѣдръ, но, какъ новый культъ, это мало и уродливо. Недотыкомка—подкидышъ Бабы-Яги. Это сатанинство и мефистофельство такъ же далеки отъ лермонтовскаго Демона и гетевскаго Мефистофеля, какъ Эльборусъ отъ Валдая, и Страсбургскій соборъ отъ царевококшайской приходской церкви.

Демонизмъ Сологуба родился даже не въ курной избѣ, а въ уѣздной одноэтажной деревяшкѣ. Онъ захолустенъ, слѣпъ и ему не поклоняются, а его суевѣрно страшатся, страшится и самъ авторъ, и не менѣе, если не болѣе, чѣмъ его Передоновъ:

„Недотыкомка сѣрая
Все вокругъ меня вьется да вертится—
То не Лихо ль со мною очертится
Во единый погибельный кругъ.
Недотыкомка сѣрая
Истомила коварной улыбкою,
Истомила присядкою зыбкою—
Помоги мнѣ, таинственный другъ.
Недотыкомку сѣрую
Отгони, ты, волшебными чарами,
Или наотмашь, что ли, ударами,
Или словомъ завѣтнымъ какимъ.
Недотыкомку сѣрую
Хоть со мной умертви ты, ехидную,
Чтобъ она хоть въ тоску панихидную
Не ругалась надъ прахомъ моимъ".

Чрезвычайно рѣдокъ у Сологуба величественный образъ злой Тайны, хотя бы такой, какъ въ „Навьихъ Чарахъ“, гдѣ на рѣку падаютъ тяжелые взоры „пламеннаго Змія: и къ землѣ приникаютъ „жаркія лобзанія тяжелаго и медленно вздымающагося Змія“.

Все остальное—не летающее, а ползущее, не высокое, а блоховидное, не сильное и разящее, а тихо жалящее. Этотъ демонизмъ не золъ и не крылатъ, а только ядовитъ и ехиденъ, какъ сплетня, сердитое, безсиліе, загнанность и прибитость.

И только въ одномъ этомъ, въ этой своей демонологіи, Сологубъ—національненъ. Потому что передоновщина—не русское, а общечеловѣческое значеніе ея и ея смыслъ—не въ бытѣ, а въ психологіи, не въ нравахъ, а во всей культурѣ.

Это демонизмъ равнинъ и болотъ, не не грозъ, не высокаго неба и облаковъ.

И надо удивляться не только великому и необычному таланту слова Сологуба,—но и тому, что безъ любви къ чарамъ и радостямъ жизни, ее презирая, ненавидя и осмѣивая, этотъ человѣкъ все растетъ и все хорошѣетъ, какъ поэтъ. Ужель и въ самомъ дѣлѣ,

„Есть весна у жизни
—Есть весна у смерти?“ . . . .
. . . . . .

9.

Не только изъ современниковъ, но среди всѣхъ литературныхъ фигуръ настоящаго и прошлаго,

ПЕТРЪ ПИЛЬСКІЙ.

Ѳедоръ Сологубъ самая загадочная, наиболѣе одинокая, неожиданная, ни на кого непохожая.

Съ великой и странной потусторонностью, приверженностью къ далекимъ пустынямъ Загробнаго; съ трепетной, ехидной и огненной, презрительной и мучительной злобностью къ настоящему,—къ землѣ, людямъ и небесамъ,—съ разочарованіемъ даже въ красотѣ и любви, съ надорванностью въ чувственности,—будто издѣваясь надъ улыбками и призраками счастья,—уменьшивъ въ ростѣ все. и все обезцѣнивъ,—проходитъ Сологубъ, какъ новый варваръ міра, вооруженный страшнымъ оружіемъ по сожженнымъ степямъ бытія.

Временами на его молчащія уста набѣгаетъ усмѣшка, но и она—не символъ примиренія, а чуть сдержаннаго негодованія. На мертвенномъ лицѣ все спокойно, какъ у мысли, все разрѣшившей и знающей послѣдніе исходы.

Какой-то кровавый опытъ сроднилъ надежду со смертью, и въ ея объятьяхъ Сологубъ нетрепетно ждетъ послѣдняго исцѣленія.

Шагъ его спокоенъ и увѣренъ, душа безтревожна и ясна.

Угрюмъ свѣтъ будущаго, но не страшенъ.

А. КУПРИНЪ.

1.

Татаринъ, конечно, татаринъ!

Я сижу противъ него, смотрю на его полное лицо, на суженные, ясные глаза, на щетинистую щетку его волосъ, а самъ думаю:

— „Почемъ я знаю,—не сидѣлъ-ли твой далекій предокъ на ханскомъ престолѣ Золотой, или иной Орды? И не онъ-ли замучилъ пра-пра-пра-пра-дѣдушку Анатолія Каменскаго, который не хотѣлъ поклониться его идолу? И ты самъ—на что неспособенъ ты, и чего ты не можешь?“.

И потомъ наблюдалъ, читалъ, изучалъ и все то-же шло въ мою голову: дикарь, нѣжный деспотъ, горячій звѣрь. У него анархизмъ дикаря, любовь звѣря, и его хитрость, и его жестокость и его осторожность.

Купринъ стихіенъ. Купринъ другъ ясности и простоты. Онъ отрицаетъ порядокъ, враждуетъ съ режимомъ и властью.

Откуда это?

ПЕТРЪ ШИЛЬСКІЙ.

Откуда хотите,—только не изъ головы.

Быть можетъ, изъ сердца, отъ мускуловъ, отъ всего его здороваго тѣла, но, конечно, не отъ программы,—понятно, не отъ тактики,—разумѣется, не отъ идеологіи.

Самый властный голосъ въ Купринѣ—голосъ крови. Самое яркое въ немъ—язычество. Самое сокровенное въ немъ—его дикое, необузданное, лѣсное начало.

Что-то безудержно-вакхическое сидитъ въ этомъ писателѣ-чувственникѣ, взбудораженно-творящемъ,—неистово-чувствующемъ огнепоклонникѣ,—мятежно рвущемся на волю и просторъ животномъ.

2.

Вы помните въ „Поединкѣ“:

„...Прокаженный говоритъ: „Я дрожу, лягъ со мной въ постель рядомъ. Мнѣ холодно, лягъ на меня и согрѣй меня твоимъ тѣломъ, я озябъ, приблизь твои губы къ моему смрадному рту и дыши на меня“. Ухъ, ненавижу! Ненавижу прокаженныхъ и не люблю ближнихъ. А затѣмъ, какой интересъ заставитъ меня разбивать свою голову ради счастья людей тридцать второго столѣтія? О, я знаю этотъ куриный бредъ о какой-то міровой думѣ, о священномъ долгѣ. Но даже тогда, когда я ему вѣрилъ умомъ, я ни разу не чувствовалъ его сердцемъ“.

Вотъ въ чемъ дѣло,—въ сердцѣ и горячей крови, а не въ умѣ, не въ теоріи и не въ выкладкахъ.

И, вотъ, онъ, какой индивидуалистъ Купринъ!

— Современный?

— О, конечно, нѣтъ!

Индивидуалистъ древности и средневѣковья, ненавидящій, какъ безумецъ, восторженный, какъ богъ, непосредственный, какъ хищный и дикій звѣрь, опьяненный хмѣльнымъ кумысомъ своей матки. Не протестантскій, а бунтующій, не раціональный, а чувственный, влюбленный въ себя и не знающій иллюзій теоретическихъ—вотъ индивидуализмъ Куприна.

Философія дикаря, пѣсня рвущаго скалы потока, неистовство духа, не умѣющаго уступать и не терпящаго узъ и ограниченій.

Индивидуализмъ владычествующій, но не ровняющій, и вотъ почему Купринъ — поклонившійся человѣческому генію, тайный врагъ и явный отрицатель людского равенства.

Съ его губъ готово сорваться:

— Эвоэ!

Его голосъ готовъ пѣть пѣсню торжества и вызова.

„Эвонъ-эвое! Къ намъ, о младость!
Упынье—величайшій грѣхъ!“

Его поднятая голова съ раскрытымъ привѣтомъ смотритъ въ далекое небо и душа шлетъ благословеніе благости золотому далекому солнцу.

У Куприна-человѣка сто тысячъ недостатковъ. У Куприна-писателя есть одно великое достоинство: онъ—„самъ“.

Я искренно, отъ всей души, желаю всѣмъ беллетристамъ, „съ праведниками упокоющимся“,

потерять свои десять тысячъ добродѣтелей, если такой цѣной имъ удастся купить это ничтожное, такое небольшое, незамѣнимое, это чудодѣйственное достоинство самостоятельности и непохожести.

3.

. . . . . .

...Вечерняя заря надъ зимними полями...

...Мы идемъ по алому снѣгу. Наши ноги проваливаются въ его жирныхъ пластахъ, и рубиновая, играющая даль весело зоветъ къ себѣ ночь.

Балансируя руками, прыгая и смѣясь, радостные отъ крѣпкаго воздуха, радостные нашей молодостью и этимъ вечеромъ, мы говоримъ съ нимъ о жизни и небѣ, поляхъ и прожитыхъ веснахъ.

Купринъ такъ умѣетъ и такъ любитъ свѣтло грустить объ ушедшихъ дняхъ, о минувшей любви и о порѣ надеждъ и голубыхъ сновъ!

— Прекрасна жизнь — говоритъ онъ мнѣ. — И сколько въ ней радости! Эта музыка, и запахъ цвѣтовъ, и сладкая женская любовь!

Его лицо становится задумчивымъ, тѣни чуть слышнаго горя пролетѣли мимо, я улавливаю сдержанный вздохъ этого нѣжнаго, рядомъ со мной идущаго сильнаго и трезвоумнаго человѣка.

— Да, часто я думаю о милыхъ, чистыхъ, нѣжныхъ женщинахъ; о молодыхъ, цѣломудренныхъ

матеряхъ и дѣвушкахъ съ бѣлоснѣжной душой, гордыхъ, прекрасныхъ и безбоязненныхъ. Но такихъ женщинъ нѣтъ...

У Куприна страшная, дьявольская память фактовъ и настроеній.

Потому онъ такъ часто уходитъ грустью въ прошлое, такъ легко и хрустально-ясно переживаетъ его, такъ вѣрно намъ о немъ разсказываетъ. Его романтизмъ не въ будущемъ, а въ прошломъ, и едва-ли еще кто-нибудь умѣетъ такъ опоэтизировать ушедшій день и угасшія мечтанья, какъ онъ, все онъ, Купринъ.

— Да, жизнь не только прекрасна, она еще и страшно, свирѣпо-здорова. Такое здоровье и такая красота есть еще, развѣ только, у двухъ: у Толстого и у русскаго языка. У декадентовъ есть прекрасная черта—смѣлость и дерзанія, но я никогда не пойму, какъ можно ими восторгаться. Мало того: какъ можно имъ простить коверканье русскаго языка, этой молодой, крѣпкой, сильной здоровой и радостной музыки! Изобрѣтаютъ новыя слова. Но развѣ ихъ такъ мало въ нашемъ языкѣ? Но его не знаютъ. Имъ нужно офранцузить его, объитальянить, сдѣлать носовымъ и гортаннымъ.

Онъ смѣется, смѣюсь и я, цѣлина понижается, сбоку, невдалекѣ, застывшее, замерзшее болото.

— Болото въ рязанской губерніи называется: болонье. Чѣмъ не Болонья? Но декаденты этого не знаютъ и не хотятъ знать. А то есть еще слово:

„елань“. Это—заливъ въ лѣсу. И „ильмень“ вовсе не имя собственное, а нарицательное и означаетъ всякое одинокое озеро. Въ средней Россіи распространено слово „чичеръ“,—мелкій дождикъ. Такими словами и выраженьями я цѣлую книжку исписалъ за одно лѣто. Но всѣ мы непремѣнно хотимъ надъ русскимъ языкомъ дѣлать опыты, а это и великій грѣхъ, и великая ненужность.

4.

Рубины на снѣгу потухли, его настъ блѣдно засинѣлъ, медленно машущіе, отчетливо черные вороны пролетѣли надъ нами.

— И ничего въ жизни нельзя ни простить, ни забыть. А прощать такъ хочется. У насъ, у всего современнаго поколѣнія — сердца малаго калибра. Но были большія сердца. Настоящія, громадныя, сердца-гиганты, сердца-исполины. Пушкинъ! Какое это величіе! Но кто его знаетъ изъ нынѣшнихъ поэтовъ? Одинъ Брюсовъ! Но Пушкинъ простъ. Онъ, какъ воздухъ, а Брюсовъ дѣланъ и сдѣланъ. Пушкинъ—природа, Брюсовъ—мастерская. Въ литературѣ много жеманности, и изъ нея ушелъ аристократизмъ простоты. И вы правильно замѣтили, что единственно-аристократическій поэтъ теперь—Иванъ Бунинъ.

Странно! Этотъ, какъ будто грубоватый, на видъ,

человѣкъ такъ тонко любитъ аристократизмъ духа, аристократизмъ чувства, аристократизмъ ума. Кто знаетъ, что Купринъ—фанатическій коллекціонеръ стараго фарфора, старинныхъ вещей, старыхъ гравюръ и портретовъ?

Кто знаетъ, какъ онъ любитъ аристократизмъ стиля, строгость линій, благородство цвѣтовъ, тонкія женскія руки, темные тона костюмовъ?

Кто могъ-бы сказать ,что Купринъ, на чье плечо опиралась, и по чьему плечу фамильярно похлопывала рука не одного глухого и дурашливаго, съ выцвѣтшими рыбьими глазами, проходимца, что этотъ Купринъ, который всегда въ обществѣ, на людяхъ, въ обстановкахъ странныхъ и неожиданныхъ, въ вѣчномъ гомонѣ и шумѣ, будто созданный для толпы, и безъ нея не живущій и не существующій,—что этотъ Купринъ тоскуетъ на чужихъ глазахъ, что онъ—вѣчный отшельникъ на міру, презирающій толпу и ея бѣгущій, скупой на искренность, всегда ведущій точный счетъ своимъ словамъ и своимъ жестамъ,—и все время думающій, все время, всегда слѣдящій за собой, за другими, за вами, за мной и за всѣми.

5.

Вотъ настоящій фанатическій,—огненный и глубокій,—врагъ пошлости и всякаго мѣщанства.

Его „Поединокъ“—не обличеніе только военной

среды, а апоѳеозъ пошлости толпы вообще, всякой толпы, вѣчнаго толпового начала. Характерно, что у Куприна нѣтъ ни одной страницы, которая пѣла бы толпу.

И если Скиталецъ адвокатъ толпы, Купринъ—ея всегдашній прокуроръ.

И если у Скитальца нигдѣ не сыскать одиноко поющаго человѣка (ибо у него поетъ непремѣнно хоръ), одиноко страдающаго, или протестующаго (ибо у него страдаетъ и протестуетъ цѣлая тюрьма), одиноко радующагося (ибо у него веселымъ стономъ кричитъ весь кабакъ), то Купринъ — полная противоположность.

У него всегда и плачетъ и радуется одинъ.

Герой разсказа „Гамбринусъ“ не весь Гамбринусъ,—а только одинъ Сашка, чье „искусство все перетерпитъ и все побѣдитъ“.

У него мучится и падаетъ, гніетъ и страдаетъ не весь N—скій полкъ, а одинъ Ромашовъ. У него не всѣ гибнутъ и падаютъ въ „Рѣкѣ“, а одинъ: студентъ.

У него въ „Улицѣ“ не весь кабакъ, а опять-таки одинъ бывшій человѣкъ, скорбно и униженно повѣствующій о своей прошлой ужасной, стыдной жизни.

Да, Купринъ истинный врагъ толпы, врагъ роя, врагъ всякаго коллектива, и именно потому, что вездѣ въ толпѣ или торжествующая пошлость, или рабское подчиненіе, или и то и другое въ нераз-

рывномъ и сладкомъ союзѣ. И я помню прекрасную формулу І. І. Ясинскаго по поводу „Поединка“:

„Организованная пошлость“.

Но кто это чувствовалъ у Куприна, — и эту ненависть къ толпѣ и это проклятіе человѣческихъ сборищъ?

Кто, затѣмъ, за внѣшней улыбкой сумѣлъ прочесть и угадать его грусть?

За пожатіемъ руки его кто услышалъ далекость?

Быть можетъ, кто-нибудь присутствовалъ при чтеніи еще ненапечатаннаго его разсказа?

Большая сдержанная душа, какъ красивое цвѣтное стекло: оно радуетъ, но никогда не передаетъ нашему глазу подлинность вещей, вѣчно измѣняя и преломляя ихъ.

Есть такой анекдотъ, на который такъ падокъ современный издатель.

Этотъ анекдотъ гласитъ:

„Купринъ легко пишетъ: стоитъ его попросить“.

Какой великолѣпный вздоръ!

Было-бы трудно представить себѣ автора, который вынашивалъ-бы такъ долго, такъ любовно, такъ упорно и обдуманно, какъ онъ, этотъ „скоропишущій Купринъ“.

Высиживающіе безстыдники любятъ спрашивать съ изумленной ноткой звенящей зависти:

— Когда онъ только пишетъ?

Друзья мои, вамъ это не узнать! Друзья мои, онъ пишетъ въ „своемъ умѣ“ тогда, когда вы хо-

дите изъ угла въ уголъ, безнадежно почесывая затылокъ, ибо „въ своемъ умѣ“ вы держали всего лишь то немногое, что нужно было при дѣйствіи умноженія: однозначное число вашихъ просторныхъ и пустыхъ выдумокъ!

— „Какая любопытная, какая интересная, какая завидная и легкая жизнь!“

— Любопытная?

— Конечно.

— Интересная!

— Еще бы!

— Легкая?

— Охъ, не легкая!

6.

...Не вѣрьте нашему веселью и легкости жизни нашей не довѣряйтесь. Тѣмъ, кому дано познать, суждены страданья многія: въ психологическихъ лабораторіяхъ познавшій — навсегда отравленный. Купринъ, исжившій въ свои тридцать слишкомъ лѣтъ нѣсколько жизней, падавшій и вставшій, кощунствовавшій и приносившій жертвы, бѣжавшій за тѣмъ, что вчера прогналъ, весь во власти своего большого сердца и раздвоенной, разтроённой, расколотой, быть можетъ, больной и изувѣченной души, несетъ въ себѣ мракъ могилъ и золото лазури, затишье и вѣтеръ, драмы и смѣхъ.

Но какъ разсказать ихъ, эти личныя трагедіи, говоря о данномъ, о живомъ человѣкѣ? Не отослать ли къ книгамъ, подсказавъ, что автобіографичны „Кадеты“ („На переломѣ“), что много личнаго въ Ромашовѣ, который умеръ въ повѣсти, но живетъ среди насъ и много пишетъ, и много написалъ и еще много напишетъ?

Да, эта жизнь сумѣла себя отчасти разсказать, безъ боязни сумѣла раскрыть и свою дѣтскую, и свою юношескую трагедію и трагедію своей молодости, и трагедію своего сердца и своего духа, — всю ту атмосферу многаго горя, среди которой пришлось расти и вырости, работать и доработаться, рваться и достигнуть, искать и, наконецъ, найти.

7.

Какъ Леонидъ Андреевъ, съ двухъ копеекъ за строчку репортажа, провинціальнымъ репортеромъ началъ Купринъ. Годы мрака, голода, холода и зоркихъ, внимательныхъ наблюденій, многихъ шалостей, многихъ сомнѣній, многихъ думъ.

Неожиданно сказать: быть можетъ, большая часть его произведеній задумана тогда, когда приходилось бѣгать за свѣдѣніями въ ближайшій участокъ, или на шумную южную ярмарку, подъ серебрянымъ южнымъ солнцемъ, толкаясь среди странныхъ людей, — яркаго сброда, загорѣлыхъ цыганъ, милыхъ лошадей, крестьянъ и черныхъ евреевъ.

— Какъ платили?

— Очень просто платили. Натурой.

— ??

— Товаромъ.

— ???

— Когда у издателя были объявленія изъ башмачнаго магазина, вся редакція щеголяла въ новой обуви и во всѣхъ комнатахъ пахло свѣжей кожей. Потомъ были объявленія шапочныя. И въ редакцію сотрудники приходили всѣ въ цилиндрахъ. Это еще ничего. Но разъ открыли кредитъ въ кондитерскомъ магазинѣ, и это былъ матъ. Голодные сотрудники стали обладателями пятирублевыхъ тортовъ.

8.

Самолюбивый ревнивецъ, не вѣрующій въ людей (онъ такъ любитъ собакъ, такъ нѣженъ къ лошадямъ!),—онъ сумѣлъ сдѣлать изъ своей жизни одну громадную трагедію любви, одну огромную любовь къ трагедіи.

Какъ характерно: самъ влюбленный въ чистоту и поэзію, весь преданный природѣ и землѣ, сдѣлавшій настольной книгой „Пана“ аристократическаго Гамсуна, — Купринъ идеализируетъ вездѣ жизнь сердца, будто созданную по гамсуновской „Викторіи“; вы знаете, что она имѣетъ еще и второе заглавіе: „Исторія одной любви“.

А. КУПРИНЪ.

Вотъ, кто съ жадной радостью пилъ жизнь, кто съ такимъ захлебывающимся восторгомъ и вниманіемъ умѣлъ читать ея невнятныя, ея закрытыя страницы!

Будто родившись звѣремъ, подъ открытымъ небомъ, на влажной утренней травѣ, Купринъ полюбилъ просторъ и этого неба, и навсегда для него милой,—тоже звѣздной—земли,—вооруженный зоркимъ глазомъ, чуткимъ слухомъ, нечеловѣческимъ, звѣринымъ обоняньемъ.

9.

Офицеры, журналисты, еврейскій бытъ, рыбаки, студенты, духовенство, падшія женщины, бывшіе люди, Крымъ и Рязань, Новгородская губернія и западный край, австрійская граница, Новороссія и Финляндія, море и горы, меблированныя комнаты и деревни, села и города, крестьяне, купцы и генералы, циники и идеалисты, лошади, собаки, птицы и библія,—все и всѣхъ онъ узналъ, увидѣлъ, угадалъ, почувствовалъ и изучилъ, какъ натуралистъ, какъ психологъ, живописецъ и путешественникъ.

Какая чортовская память, какой размахъ наблюдательности, какой просторъ жизни, ея загадокъ, ея темнотъ и ея радостей!

И такой же вольный, раздольный, здоровый и сильный, какъ онъ, сталъ ему другомъ русскій языкъ.

Внѣшне-спокойный, ровный, будто искусственно задержанный въ своемъ быстромъ скользящемъ темпѣ, его разсказъ, какъ ровный и сильный голосъ его творца, таитъ скрытую огневую страстность, безудержную порывистость писательскаго темперамента, прячетъ живую скорбь и гонитъ прочь тоску...

Купринъ страстенъ, но Купринъ скрытенъ.

Купринъ уменъ, но Купринъ хитеръ.

Купринъ нѣженъ и грубъ, разговорчивъ и не откровененъ, молчаливый даже въ длинномъ монологѣ.

Монголъ! Монголъ!

Ясный, будто непосредственный, такъ легко и просто разгадываемый, совсѣмъ внѣшній, этотъ большой человѣкъ—удивительной сложности, странныхъ глубокихъ противорѣчій, неожиданный въ своихъ привязанностяхъ, неожиданный въ своихъ эксцессахъ, неожиданный въ своихъ приговорахъ, удивляющій своими знаніями,—будто не читающій никогда и цитирующій наизустъ,—грубый и нѣжный, простоватый и лукавый, поверхностный и глубокій, съ огромной дерзостью и огромной нѣжностью,—этотъ дикарь и безумецъ, поэтъ, звѣрь и умница!

10.

Упоминать ли о недостаткахъ, указывать ли на промахи? Они такъ ясны, ихъ такъ плохо скрываетъ

авторъ, такъ прозрачны всѣ недочеты здѣсь, что немного чести ихъ открыть, и не надо большой наблюдательности, чтобы ихъ замѣтить и запомнить.

Писатель бытовой школы, онъ несетъ на себѣ печать ея минусовъ, — никогда не поднимаясь въ надчувственный міръ, весь на землѣ и никогда на небѣ, поэтъ момента, а не вѣчности, художникъ уѣзда, но не вселенной.

Нервность писанія приводитъ къ неожиданнымъ концамъ, и, быть можетъ, свою „мелюзгу“ онъ напрасно утопилъ съ такой поспѣшностью, напрасно убилъ на поединкѣ Ромашова, бросилъ кончающаго съ собой студента въ грязные номера, и заставилъ его написать—пусть хорошее и умное,—все же случайное и ненужное прощальное письмо; ненужны заключительныя дидактическія строки въ „Гамбринукѣ“, наивны рѣчи Назанскаго, будто напѣтыя въ хорошій граммофонъ; неглубоки и тоже дидактичны монологи добродѣтельнаго, будто Стародумы старыхъ комедій, репортера въ „Ямѣ“, гдѣ лучшее—праздникъ Троицы, а худшее—будни умничанья.

И многое ненужно, и многое наивно въ этихъ шести книгахъ и только самыя эти книги и умны, и зорки, и потому нужны всѣмъ намъ, и мнѣ, и вамъ...

М. АРЦЫБАШЕВЪ.

1.

Очень трудно намѣчается путь той эволюціи, которую проходитъ ищущая мысль художника. Насколько легко, съ матеріаломъ въ рукахъ, прослѣдить измѣненія, происшедшія въ публицистѣ, или критикѣ, настолько же сложно это по отношенію къ беллетристу. Приходится вездѣ идти ощупью. Мысленно досказывать себѣ недоговоренное. Искать ключей, догадываться, почти творить. Притомъ никогда не имѣть дѣла съ достовѣрностью, всегда съ вѣроятностью, утверждать и оцѣнивать только приблизительно.

Было бы почти безошибочно на основаніи, напримѣръ, „Жены“ охарактеризовать М. Арцыбашева аморалистомъ. Но тотъ же Арцыбашевъ написалъ „Смерть Ланде“. Написалъ втеченіе одного и того же года, едва ли не одну за другой. Въ „Смерти“ не слышится опредѣленныхъ словъ, не звучитъ опредѣленныхъ выводовъ, какъ въ „Женѣ“. Трепетной рукой писались строки „Ланде“.

Мѣстами повѣсть кажется даже слишкомъ моралистичной, самъ Ланде образомъ апостола дѣятельной любви, идея произведенія—проповѣднической. Тамъ и сямъ есть прямыя указанія на живую связь автора съ идеализмомъ. Нигдѣ больше исканія автора не достигаютъ такой силы напряженія, какъ въ „Ланде“. Ни въ одномъ изъ своихъ разсказовъ М. Арцыбашевъ не колеблется такъ ясно между героизмомъ протеста и завѣтами подчиненія, какъ здѣсь. Ни одно изъ его произведеній не выдаетъ такого упорства мысли, какъ это, нигдѣ больше Арцыбашевъ не ищетъ такъ осторожно и нигдѣ больше конецъ не былъ такимъ неожиданнымъ, какъ въ „Смерти Ланде“.

2.

Путь отъ морализма къ аморализму — длинный и нелегкій путь, и его версты Арцыбашевъ прошелъ, къ несчастью для него, поверхностно, одной отвлеченной мыслью.

Сердцемъ и душой, всѣми интимными сторонами своей внутренней природы, М. Арцыбашевъ былъ на сторонѣ религіи добра и любви. Отсюда не можетъ не быть морали. Отсюда же и всѣ симпатіи къ Ланде. Здѣсь причины его идеализаціи.

Философскія вѣянія толстовства замѣчаются чуть ли не на каждомъ шагу. Но мысль Арцыбашева—при

всей своей поверхности, несмотря на всю легкость его не всегда продуманныхъ обобщеній — разлагающая. Отстаивая внутреннюю свободу, авторъ логически долженъ былъ придти къ неизбѣжному отрицанію оковъ морали. Воспѣвая ожидаемую свободу и желаемую автономію личности, онъ естественно долженъ былъ обрушиться на все, что ее связываетъ, что мѣшаетъ ея опредѣленію, что гнететъ, обязываетъ и не позволяетъ.

Ни одна заповѣдь, казалось, не прощается имъ. Ни одно указаніе извнѣ не должно быть санкціонировано.

Но, кромѣ этого, въ авторѣ неизсушимо и неизсякаемо жила еще и любовь къ человѣку, къ настоящему, живому и слабому человѣку. Какъ художникъ, въ одинъ голосъ съ Чеховымъ, авторъ „Смерти“, казалось, готовъ былъ отвѣтить: „Какая тамъ особенная гордость, когда человѣкъ слабъ, глубоко несчастенъ и одинокъ“.

И это трогало. Эта борьба живой любви съ разсудочной идеологіей должна была сказаться тѣмъ ярче, что Ланде стоитъ, какъ разъ, на перепутьѣ двухъ дорогъ, которыми шелъ М. Арцыбашевъ.

3.

Это были, во первыхъ, прежніе завѣты морали и, во вторыхъ, стремительная и упорная жажда сбросить всѣ оковы, освободиться отъ всѣхъ путъ

и всѣхъ цѣпей. Былъ моментъ единоборства, въ которое вступили между собой синтезирующее чувство и хотя мало углубленный, но анализирующій умъ.

У художника, безсознательно творящаго, побѣдило бъ первое.

У писателя на беллетристическія темы, сознательно и разсчетливо размѣряющаго весь планъ, къ участію въ работѣ созданія не допускающаго чувства, взялъ бы верхъ второй.

Но М. Арцыбашевъ не является чистымъ типомъ.

Онъ бываетъ лиричнъ и мягокъ и часто непосредственъ и это—творящее чувство. Отсюда присутствіе въ его картинахъ, въ его творчествѣ элементовъ безсознательнаго вдохновенія.

Съ другой стороны, онъ все же вдумчивъ и въ достаточной степени аналитикъ, съ чрезвычайно тревожной и въ то же время упорной, хотя и очень неглубокой мыслью.

И, вотъ, взаимодѣйствіе этихъ двухъ силъ произвело расколъ, расщепило, какъ бы раздвоило автора и наиболѣе важный моментъ этого раздвоенія въ творчествѣ М. Арцыбашева—„Ланде“.

Здѣсь онъ на крестѣ.

Этимъ объясняется и напряженность тона, въ которомъ ведется разсказъ, и апологія страданія, какъ источника великой силы, и мысли, и труда и радостей; отсюда же и проповѣдничество. Оно—во всей повѣсти. Не только Ланде,—проповѣдуетъ

всей своей жизнью Семеновъ, проповѣдуетъ Ткачевъ и даже Шишмаревъ.

Въ „Смерти“ идетъ огромный, важный и серьезнѣйшій споръ о жизни и ея цѣляхъ. Это споритъ авторъ самъ съ собой...

Но тутъ мнѣ придется сдѣлать небольшое отступленіе.

4.

Вы, конечно, знаете, что Маминъ-Сибирякъ — очень почтенный писатель и по своимъ убѣжденіямъ, и по своему литературному возрасту и по таланту, и, наконецъ,—что рѣдко теперь,—по хорошему знанію языка русскаго. И, заговоривъ о немъ, я невольно чувствую великое смущеніе и робость. Я очень хорошо знаю, что о немъ не принято въ добропорядочныхъ литературныхъ кружкахъ отзываться иначе, какъ съ восторженной хвалой, опредѣлять его иначе, какъ эпитетами „наблюдательный“, „художественный“, „яркій“.

Ясно припоминается такой моментъ, когда критика, поколебавшись нѣсколько мгновеній, нерѣшительно, но все же очень опредѣленно поставила Мамина-Сибиряка рядомъ съ Толстымъ,—по крайней мѣрѣ, такъ аранжировала всѣ свои сужденья и фразы, что эти два писателя были приведены между собою въ нѣкоторую связь.

Не нужно очень долго напрягать память, чтобъ сказать, что это случилось вслѣдъ за появленіемъ

разсказа г. Мамина-Сибиряка „Судъ идетъ“. Зато слѣдовало бы сдѣлать неимовѣрно-напряженное усиліе, чтобъ припомнить хотя одну запальчивую, или раздраженную статью, направленную противъ г. Мамина-Сибиряка: болѣе или менѣе, писатель этонъ нравился рѣшительно всѣмъ, и хотя это не можетъ не вызывать извѣстнаго подозрѣнія, тѣмъ не менѣе дѣло, не въ этомъ.

Надо сказать правду, въ этомъ разсказѣ авторъ едва ли не единственный разъ сдѣлалъ попытку покинуть область обыденнаго, гдѣ онъ такъ хорошо себя всегда чувствуетъ, и подойти къ вѣковѣчно-знаменательнѣйшей темѣ о смерти,—по замыслу, это, вѣроятно, самое значительное произведеніе автора, а по исполненію даже навѣрно—лучшее. Умираетъ прокуроръ, Иванъ Павловичъ Мухинъ. Но сознаніе медленно свершающагося акта приходитъ къ нему безболѣзненно, не будя трагизма, безъ мукъ духа, безъ тяжелыхъ предчувствій. Въ сущности, здѣсь нѣтъ ничего, что могло бы разбить душу: ни страха передъ черной занавѣсью, которая вдругъ отдѣлитъ настоящее отъ будущаго, ни больной человѣческой тоски объ этой жизни, переполненной и изукрашенной тысячью дорогихъ мелочей. Когда кончаетъ земные счеты Иванъ Ильичъ у Толстого, мы присутствуемъ при возрожденіи духа, намъ ясенъ великій и торжественно-просвѣтляющій, хотя и потрясающій, актъ смерти,—подымается покрывало надъ загадкой ве-

ликаго мистическаго смысла. „Онъ понялъ, что пропалъ, что возврата нѣтъ, что пришелъ конецъ, совсѣмъ конецъ".

Понялъ!

Такъ у Толстого и должно быть, ибо высшимъ пониманіемъ овѣянъ въ таинственный моментъ смерти духъ, тѣмъ единственнымъ, что составляетъ и опредѣляетъ человѣка. Но у г. Мамина-Сибиряка умираетъ всего только прокуроръ, подписывающійся на бумагѣ Мухинымъ и слывущій у своихъ знакомыхъ подъ именемъ Ивана Павловича.

Это немножко меньше духа и нѣсколько проще.

5.

Если бы Иванъ Ильичъ не умеръ, не могло разсказа Толстого быть: въ этой смерти весь синтезъ разбросанныхъ въ разсказѣ замысловъ, въ ней— весь итогъ ихъ; только ей объясняется и вся потревоженность обычнаго жизненнаго уклада Ивана Ильича, черезъ нее дается выходъ изъ міра всего случайнаго въ высшую закономѣрную жизнь духа; въ этомъ актѣ узелъ родства маленькаго, незамѣтнаго среди тысячи тысячъ другихъ, человѣка съ великимъ міромъ далекихъ преданій, и черезъ него устанавливается связь съ мудрецами древности, съ Іисусомъ, сыномъ Сираховымъ, съ истоками религіи съ задумавшейся пропастью философіи.

Но у Мамина-Сибиряка дѣло могло обойтись

и безъ трагическаго смертельнаго конца, и если бы, вмѣсто него, предъ послѣдней точкой стояло прокурорское выздоровленіе, въ разсказѣ не пришлось ничего измѣнять, кромѣ нѣсколькихъ заключительныхъ строкъ: тѣ же капризныя мысли, и таже раздражительность, и то же снисходительно-нудное самобичеванье Ивана Павловича одинаково были бъ умѣстны и въ томъ случаѣ, если бъ онъ потерялъ мѣсто, получилъ непріятность, или только опасно заболѣлъ.

Ничего нѣтъ типичнаго для смертнаго кануна ни въ думахъ этого человѣка, ни въ его отношеніяхъ къ жизни и окружающимъ людямъ, ни въ его чувствахъ, ни въ міросозерцаніи,—обыденный человѣкъ, плоскія мысли, заурядное недовольство, какое-то дообѣденное раздраженіе!..

6.

Какъ-то старательно завуалированъ приближающійся моментъ развязки. Минутами кажется, что, дразня читателя ея неизвѣстностью, авторъ только побаловался заманчивой таинственностью невольно искушающей, великой темы... Тотъ высшій смыслъ, который одинъ можетъ поднять художника надъ болотистой и плоской ублюдочностью повседневности долженъ быть философиченъ и, въ сущности, для г. Мамина-Сибиряка было бы трудно выдумать болѣе щекотливое сравненіе и болѣе невыгодное

сосѣдство, какъ параллель съ истинно великимъ писателемъ земли русской.

Не изображеніе коченѣющаго тѣла, даже не воспроизведеніе коченѣющихъ мыслей, есть то первое и единственно важное, что дѣлаетъ тему объ умираніи психологически-глубокой и философски-цѣнной. Главное здѣсь—все то же личное отношеніе героя къ смерти; коренной пунктъ здѣсь—въ опредѣленномъ отношеніи къ совершающемуся акту, полному затаеннаго мистическаго смысла.

Слова, сказанныя Иваномъ Ильичемъ послѣдними, были: „Кончена смерть. Ея нѣтъ больше“. И это означало, что теперь уже „страха смерти не было, потому что смерти не было. Вмѣсто смерти былъ свѣтъ“. Въ этомъ истолкованіи смысла смерти—весь Толстой, едва ли не въ единственномъ пунктѣ сходящійся съ Шопенгауэромъ:

„Полное прекращеніе процесса жизни для движущейся силы его должно быть удивительнымъ облегченіемъ. Можетъ быть, отчасти это и сказывается въ выраженіи тихаго довольства на лицѣ большинства мертвецовъ“.

(*Шопенгауэръ. Міръ какъ воля и представленіе, XLI гл., стр. 570—571*).

Ничего подобнаго не найти у г. Мамина-Сибиряка.

Какая-то недосказанность сквозитъ въ каждой фразѣ маститаго беллетриста, возложившаго на себя бремя неудобоносимой для него темы. Просто автору показалась заманчивой мысль изобразить одинъ изъ трагичнѣйшихъ финаловъ человѣческой

жизни, свести лицомъ къ лицу живое и безпомощное существо со Смертью.

7.

Но въ безпомощномъ положеніи оказался самъ г. Маминъ: благодарная тема не далась, и надо видѣть, какъ озадаченный беллетристъ ходитъ около нея, пытаясь овладѣть и ничего не умѣя сдѣлать. Какъ и быть должно, умирающій Иванъ Павловичъ проводитъ ночь безъ сна, и эта ночь „его измучила окончательно“.

Хорошо понимая, что это „окончательно“ ни для кого, кромѣ самого автора, неубѣдительно, Маминъ пытается рисовать.

Вы ждете, конечно, думъ, настроеній, образовъ прошлаго, бредовыхъ видѣній, мучительнѣйшей исповѣди предъ самимъ собой и тѣмъ новымъ богомъ, что открывается человѣку въ такія минуты. Быть можетъ, слезъ страха, или сожалѣній о нелѣпо прожитой и нелѣпо кончающейся жизни? По крайней мѣрѣ, грустящаго сознанья, что все кругомъ него и въ немъ самомъ мелко, ненужно и незначительно?

Напрасно!.. Міръ совѣсти, затаенный и скрытый міръ, не легко разгадываемъ. Думы и чувства, философія смерти, чутко настороженное постиганіе предсмертныхъ часовъ, великихъ предчувствій, канунныхъ—предъ уходомъ въ вѣчность—разду-

мій,—все то, что единственно важно здѣсь, все то, ради чего только и стоило браться за перо и за отвѣтственнѣйшую тему,—все прошло мимо г. Мамина-Сибиряка, ускользнуло изъ-подъ рукъ, не попало ни въ одну изъ его строчекъ.

До жалости ощутительно, какъ бросается авторъ изъ стороны въ сторону, отъ мелочи къ пустяку, чтобъ чѣмъ-нибудь наполнить двѣ роковыхъ страницы, которыя выбиваютъ его изъ привычной колеи ординарнаго, но удобнаго, заурядnаго, но простого и незамысловатаго изображенія фактовъ и случаевъ,—внѣшняго и видимаго. И тщетно и безполезно потрепыхавъ крыльями, беллетристъ осѣдаетъ въ любезное и привычное болото простого и заурядnаго перечисленія фактовъ.

Иванъ Павловичъ встанетъ; два раза зажжетъ и потушитъ свѣчу; такъ какъ два года онъ не можетъ спать на лѣвомъ боку, онъ повертится и будетъ „вымащивать (!) подъ себя подушки повыше“.

Затѣмъ—такъ какъ надо же разсказать что-нибудь—намъ разскажутъ всю прежнюю жизнь прокурора,—пронеся ее въ воспоминаніяхъ умирающаго, — разскажутъ безъ оттѣнковъ субъективныхъ настроеній самого вспоминающаго, безъ вздоховъ, безъ тоски и безъ слезъ, какъ передаютъ такія вещи заурядные разсказчики трижды надоѣвшихъ, банальныхъ и старыхъ, какъ міръ, сюжетовъ.

Вульгарными подробностями уснащаетъ г. Маминъ послѣдніе дни и часы своего героя, а то, что

важно, что могло быть значительнымъ и цѣннымъ, прошло мимо смятымъ, заколоченнымъ въ тѣсный гробъ протокольной фразы газетнаго некролога: „Кризисъ наступилъ совершенно неожиданно“.

8.

Такъ раздѣлался писатель съ замысломъ, очевидно, показавшимся ему „благодарнымъ“, перенеся центръ всей тяжести изъ сердца и совѣсти на тухнувшую свѣчу и „вымощенныя“ подушки!

Психологическій размахъ остался только „покушеніемъ“. Философскій сюжетъ для беллетриста, выросшаго и сформировавшагося въ тѣсныхъ коридорахъ публицистическихъ пансіоновъ, оказался недостижимымъ, какъ далекая звѣзда чужого неба. Искусство отомстило за себя. Пренебреженіе, съ которымъ относилась къ нему бытовая школа,— вся безъ остатка отдавшая себя изображенію происшествія, тривіальному воспроизведенію понятнаго, яснаго и повседневнаго, — вознаграждено по заслугамъ. Безкрылость почувствовалась, и въ нужную минуту, вмѣсто свободнаго полета въ горную высь, писателю, смѣявшемуся надъ вымысломъ, презрѣвшему работу духа и спокойно укрывшемуся подъ дешевый реалистическій навѣсъ, приходится сидѣть въ эту сладкую пору художественнаго разсвѣта въ предъутреннемъ туманѣ на холодной и сырой землѣ. И если такая тема не далась Мамину-Сибиряку,

писателю огромной стихійной силы, то, конечно, еще меньше правъ на удачу могъ имѣть Арцыбашевъ.

Стало ясно: безъ философскаго міровоззрѣнія, безъ широкаго художественнаго развитія, безъ опредѣленнаго эстетическаго пониманія, безъ твердыхъ формулъ теперь беллетристу жить стало невозможнымъ. Искусство десяти послѣднихъ лѣтъ кореннымъ образомъ обновило и раздольно расширило свои темы.

Пришлось, вольно, или невольно, подойти къ мистическимъ тайнамъ духа, къ разгадкамъ вѣчнаго; значительнымъ стало только то, что полно иного высшаго смысла, пророческихъ, проникновенныхъ намековъ,—легкихъ, какъ дуновеніе, глубокихъ, какъ мудрость предугаданья.

Пришелъ чередъ познавательной миссіи искусства, и беллетристика должна выйти на этотъ миссіонерскій путь, исполненной откровеній, чтобъ чрезъ ихъ призму открыть бездонныя глубины, великія заоблачныя дали и скрытыя тайны міра.

Въ новомъ исскуствѣ слышенъ шопотъ вѣчности и шорохъ тѣней.

Въ одномъ мѣстѣ Маколей указываетъ на грустную судьбу временнаго величія; кажущееся значичельнымъ для своего поколѣнія, оно выглядитъ пигмеемъ въ глазахъ слѣдующаго. А я думаю, что нашимъ молодымъ шумящимъ полуизвѣстностямъ это паденіе грозитъ гораздо ближе и скорѣй,—и слѣдующаго поколѣнія имъ ждать не придется.

М. АРЦЫБАШЕВЪ.

Не придется другимъ, не придется и Арцыбашеву, ибо и у него земля и безпомощность, а не сила и небо.

9.

Конечно, ни въ одной изъ своихъ книгъ человѣчество никогда не подымало болѣе волнующаго, болѣе скорбнаго, величественнаго и загадочнаго вопроса, чѣмъ Смерть и ея неизвѣстность. Конечно, все, что написано людьми цѣннѣйшаго и серьезнѣйшаго, всегда такъ, или иначе подходило къ этой проблемѣ, всегда касалась ея напряженная мысль человѣка и билась надъ ея разрѣшеніемъ въ тягостныхъ, но безсильныхъ попыткахъ приподнять таинственную завѣсу, отдѣляющую настоящее отъ грядущаго, между которыми стоитъ Смерть.

И, конечно, то, что литература нашихъ дней снова горячо и страстно остановилась на этой темѣ, доказываетъ лишній разъ всю серьезность ея исканій, всю вдумчивость ея творчества, всю основательность тѣхъ надеждъ, которыя мы были вправѣ на нее возлагать.

Съ перваго взгляда, будто вся идущая отъ Библіи и Паскаля, молодая беллетристическая школа, казалось, несла на себѣ живую печать задумчивой библейской эпохи.

Временами совершенно искренно казалось, что лучшія строки юныхъ литературныхъ силъ—резуль-

татъ величественныхъ думъ и одинокихъ размышленій, которыми жилъ нѣкогда библейскій человѣкъ тамъ — далеко, въ безмѣрно-великихъ пустыняхъ Востока. Будто чувствовалась таинственная и огненная жажда вѣчно-близкаго и вѣчно-далекаго бога, пророческія видѣнія, раздумья о безконечности, исканья мірового смысла.

Философъ новыхъ вѣяній, Ницше—весь вышелъ изъ библіи, и незатруднительно, а, напротивъ, совсѣмъ легко и доступно указать явную пуповину, связывающую его,—новорожденнаго въ новомъ вѣкѣ библейца, — со скорбными, прекрасно-задумчивыми муками Іисуса, сына Сирахова.

Мрачно-величественные, раздумчиво-серьезные, то негодующіе, то страстные, и всегда отъ имени вѣчности,—будто погруженные въ непроницаемый ночной мракъ невѣдомаго, и оттуда исторгнутые на мигъ,—ѣдкіе и горькіе стихи неумирающей книги Сирахова стоятъ доселѣ предъ нами, будто произносимые изъ другого міра, который не возвращаетъ ушедшихъ въ него.

И самъ далекій авторъ ихъ встаетъ передъ взоромъ новыхъ людей, какъ постигшій истину старикъ суроваго прошлаго, узнавшій скрытую и погребенную тайну вѣковѣчныхъ мукъ бредущаго человѣчества...

Съ головой, печально склоненной на грудь, съ потемнѣвшими отъ скорби глазами, онъ говоритъ отъ пророческаго имени узнанной истины это испы-

тывающее дѣтскую волю и отрадное сильнымъ слово: „Смерть“...

„Передъ человѣкомъ жизнь и смерть, и чего онъ пожелаетъ, то и дастся ему“.

Это у Сирахова (17 стихъ XV главы). И Ницше почти буквально повторилъ ту же мысль, даже въ самыхъ словахъ приближаясь къ ней:

„Если жизнь не удается тебѣ, если ядовитый червь пожираетъ твое сердце, знай, что удастся смерть“.

А талантливѣйшій изъ молодыхъ беллетристовъ заставилъ эти слова сыграть роковую роль во всей жизни обездоленнаго студента Сергѣя Петровича.

Библейскіе напѣвы, далекія вѣянія мистической старины какимъ-то страннымъ, какимъ-то чудеснымъ образомъ воскресаютъ въ одаренныхъ людяхъ, отъ времени до времени,—будто боясь быть забытыми,—входятъ вновь въ книги наши и тамъ живутъ.

Нестарѣющей книгѣ обязаны мы тѣмъ, что зрѣніе и его память стало для насъ второе, что мы доросли, наконецъ, до изображенія безтѣлесныхъ видѣній, до зрительныхъ воспріятій незримаго, до видѣній пророческихъ, до поэтическихъ галлюцинацій.

... „О, смерть, отраденъ твой приговоръ для человѣка нуждающагося и изнемогающаго въ силахъ“.

(*Кн. Іис., с. Сирах., 3-й стихъ XLI-й главы*).

10.

Философскимъ загадкамъ, исканіямъ путей къ божеству сама эта жизнь, темная, уродливая и злая,

уготовила почву, бросивъ человѣка въ міръ и безпомощнымъ и одинокимъ, безсильнымъ въ борьбѣ, безъ знанія своихъ исходовъ, безъ твердыхъ надеждъ на свѣтъ будущаго. Во власти человѣческой чьимъ-то великимъ милосердіемъ оставлена лишь одна потайная дверь, ведущая къ покою, и дверь эта — Смерть.

Здѣсь ищите разрѣшенія драмъ интеллигентныхъ одиночекъ, тутъ ключъ, отворяющій секретъ частыхъ самоубійствъ, роковыхъ финаловъ, безнадежныхъ помѣшательствъ, угасаній воли, потрясеній нервовъ.

Разъ существуетъ Смерть съ ея неизвѣстностью, все индивидуальное существованіе должно обезцѣниться: безъ ключей къ будущему—нѣтъ жизни и нѣтъ счастья.

Если поставлены предѣлы познанью, ясному и точному, неизбѣжно надо—или разорвать нить жизни въ протестантскомъ припадкѣ исканья, или стать мечтателемъ и художественнымъ творцомъ, чтобы найти исцѣленіе въ путяхъ провидѣнія. При ограниченности существованія всего внѣшняго міра, всѣ его вещи конечны, зависимы и относительны. Какъ ничтожное и пустое сновидѣніе, предстаетъ предъ человѣкомъ прошедшее и будущее, — фактически, реально существуетъ для человѣка то тѣсное, ограниченное и мгновенное, что называется нашимъ настоящимъ.

И всякій,—кому дороги дали несбыточнаго, какъ

тайна, какъ возможность, какъ новая ступень будущей жизни,—долженъ расширить свое индивидуальное существованіе до безграничныхъ предѣловъ всеобщаго. И тѣ, кому дана эта способность, какъ даръ и исцѣленіе отъ тягостей спертаго мрака, становятся художниками, поэтами, пророками.

Въ ясномъ и до болѣзненности ощутимомъ чувствѣ предѣла, положеннаго всѣмъ человѣческимъ пытаніямъ, скрыта трагическая сущность несоотвѣтствія жажды и возможности, желанія и силъ удовлетворенія.

...Въ основѣ трагизма—всегда сила. Только въ немъ заключена лучшая часть человѣческой души, ея божественность и героичность, ея сверхобыденность и подвижничество Сущность трагедіи — въ вѣчной неудовлетворенности духа, содержаніе ея— въ мукахъ и ошибкахъ, въ боли и радостяхъ исканій. Отсюда все величіе и все благородство трагической красоты, въ этомъ ея неоспоримо-прогрессивный характеръ. Лучшаго человѣка она готовитъ для лучшаго будущаго. Это она культивируетъ въ нашей душѣ непримиренность со зломъ и пошлостью, поклоненіе предъ страстью и подвигомъ; воспитываетъ благоговѣніе передъ страданіемъ, создаетъ ореолъ мученичеству и самоотверженію. То отдаленное, что будетъ называться возвышенной и прекрасной человѣческой индивидуальностью, вырастетъ изъ сѣмянъ, посѣянныхъ трагическимъ искусствомъ.

Новые пути искусства—къ познанію истины. Оно раскроетъ предъ нами схороненныя драмы исканій, все умножающіяся, все растущія.

Особенно ярко чувствуется въ эти минуты та сложная дифференціація, которую переживаетъ міръ идейныхъ исканій современнаго человѣка. Странно, причудливо до волшебства вѣтвится, дробится и спутывается современная мысль даже интеллигентной Россіи.

Идетъ какая-то ускоренная, огромнѣйшая, нервная, почти титаническая, наполовину скрытая работа духа, — какое-то общее ослѣпительное лучеиспусканіе умовъ, безостановочная, полутемная подземная борьба силъ. Быстро бѣжитъ время, мѣняется жизнь, что-то погасаетъ навѣкъ,—невозвратное, — какими-то новыми жаждами, какими-то совсѣмъ-совсѣмъ непохожими на прошлое терзаніями наполняются души, совсѣмъ по иному стали мы грустить и страдать.

II.

„Если смотрѣть на предѣлъ, то цѣль всего живого—смерть“,—такъ говорится въ одномъ мѣстѣ у Герцена.

Но если принять эту формулу, какъ credo жизни,—не нужно ни искать, ни страдать, ни плакать. Примиреніе съ фактомъ жизни ближайшей дорогой

приведетъ насъ къ реабилитаціи дѣйствительности, къ спокойному отрицанію всякой философіи: разъ установлена цѣль въ самомъ предѣлѣ существованія, какой смыслъ мѣнять „узоръ ковра“, по которому такъ легко и безраздумно совершается наше шествіе, именуемое жизнью?

Но есть странныя натуры, въ самоуглубленіи стремящіяся отыскать иную, новую правду, по иному освѣтить смыслъ движенія отъ рожденія къ смерти, чтобъ (пародируя стихъ) „плакать сладостно, какъ первый іудей на рубежѣ страны обѣтованной“.

Это—отшельники на міру, непонятные и неразгаданные, какъ тѣни сфинксовъ; углубленные и одинокіе романтики, пытливо и страстно протягивающіе свои безсильныя руки къ далекому холодному небу истины, моля объ отвѣтѣ на сомнѣнія, прося о милости откровенія.

Въ одномъ изъ наиболѣе серьезныхъ отрывковъ „Былого и Думъ“ Герцена есть признаніе:

„Не проще ли понять, что человѣкъ живетъ не для совершенія судебъ, не для воплощенія идеи, не для прогресса, а единственно потому, что родился для (какъ ни дурно это слово) настоящаго, что вовсе не мѣшаетъ ему ни получать наслѣдство отъ прошедшаго, ни оставлять кое-что по завѣщанію. Это кажется идеалистамъ унизительно“...

Герценъ даетъ одно утѣшеніе: великое значеніе наше, при нашей ничтожности, при едва уловимомъ мельканіи личной жизни, въ томъ, что „пока мы

живы, пока не развязался на стихіи задержанный нами узелъ, мы все-таки сами".

Но именно то, что во всякій данный моментъ мы—сами, и призываетъ наше познаніе къ самоопредѣленію и ординаты той кривой, что есмь *я*, это—Богъ, Любовь и Смерть. Метафизическимъ, т. е. созерцательнымъ, или дѣятельнымъ — одинаково можетъ быть исканіе истины.

12.

И одинаково для тѣхъ и другихъ жизнью уготованы величайшія изъ трагедій...

Ни одного еще пламеннаго, ни одного искренняго искателя не показала и не дала намъ современная беллетристика, не окутавъ крепомъ всю раму картины: безъ чернаго фона и мрака не обошелся ни одинъ изъ разсказовъ. Но есть мракъ и мракъ.

Весь израненный въ пыткахъ стихійнаго незнанія, погибаетъ священникъ Ѳивейскій; въ безплодныхъ стремленіяхъ самоопредѣленія уходитъ изъ жизни Сергѣй Петровичъ—и это дѣйствительныя трагедіи; но уже совсѣмъ непримѣтнымъ рядомъ съ ними кажется прапорщикъ Гололобовъ (въ разсказѣ того же имени М. Арцыбашева), а вслѣдъ за нимъ, обезсиленный и разбитый въ неравной борьбѣ со зломъ и неправдой, умираетъ студентъ Иванъ Ланде, — дѣятельный идеалистъ, вышедшій съ

голыми руками на преодолѣніе темныхъ силъ. Казалось, вотъ—человѣкъ, который никогда не подписался бъ подъ мнѣніемъ Герцена, неизмѣнно и непрестанно стремясь именно въ сторону „совершенія судебъ“ и „воплощенія идеи“ справедливости и любви: все тѣ же поиски, все тѣ же тревоги! Но когда внимательно слѣдишь шагъ за шагомъ за всѣмъ, что такъ неудачно осуществляетъ Ланде, временами становится стыдно—и такъ же, какъ окружающимъ его людямъ—не за себя, а за его поступки, за его чистоту, за него самого. Идти съ обличающимъ протестомъ къ доносчику Фирсову, пробовать неумѣстными предложеніями спасти острожника Ткачева, непротивленіемъ злу и всепрощеніемъ встрѣчать удары художника Молочаева, почти насильно, пользуясь раздѣляющимъ разстояніемъ, навязывать свою денежную помощь умирающему Семенову, — что хотите, но это странное, но это исключительное и неумное практическое морализированіе.

Правду говоря, нельзя было придумать менѣе эффектную фигуру, чѣмъ Ланде, и есть настоящее основаніе опасаться, что основная идея разсказа М. Арцыбашева не всѣми была и не всѣми будетъ понята какъ слѣдуетъ, какъ того, очевидно, желалъ авторъ. Для опытнаго критическаго глаза нѣтъ ни минуты сомнѣнія, что автору явно хотѣлось вывести и показать исключительную личность.

Съ самаго начала и до послѣднихъ главъ читатель вправѣ ждать апоѳеоза Ланде. Съ самаго начала

и до послѣднихъ главъ окруженъ Ланде ореоломъ чуть ли не апостольства, во всякомъ случаѣ мученичества. Его бьютъ и гонятъ, „ижденутъ и рекутъ“, а онъ до конца остается самимъ собой, вѣрный своимъ убѣжденіямъ, своему пониманію жизни, своей морали и правдѣ. Вѣра въ таинственную истину, въ великую силу „человѣческой правды“, въ „великое дѣло, когда человѣкъ работаетъ надъ самимъ собой“, въ человѣка, который все можетъ побѣдить своей идеей, „въ страшный трагизмъ творчества“, въ „душу міра“ — эта глубочайшая всесторонняя правда у М. Арцыбашева—впервые въ „Ланде“—выступаетъ какъ основная проблема, какъ громадная загадка.

Радость жизни и радость творчества и право личности на счастье здѣсь заявляютъ о себѣ впервые опредѣленно: „отчаяніе—грѣхъ“. „Надо не отчаяваться, не озлобляться, а думать о томъ, чтобы, какъ можно, лучше выполнить то, чего мы не можемъ выполнить“, и „это самое лучшее для человѣка“. А „какъ лучше выполнить“, это скажетъ намъ „сердце“, „совѣсть“.

Въ концѣ авторъ уже готовъ измѣнить себѣ.

Финальныя страницы повѣсти выдаютъ колебанія.

Чувствуется желаніе отказаться отъ морали и ея исканій. Слышится жажда найти выходы къ свободѣ. Заключительными сценами „Смерти“ М. Арцыбашевъ показываетъ намъ Ланде, одиноко погибшаго въ пустынѣ жизни, пустынѣ, имъ самимъ

для себя созданной, во имя исканія отвлеченной морали, обрѣзавшаго свои крылья, оторвавшагося отъ корней земли, съ ея жизнью, съ ея счастьемъ, свѣтомъ и ежегодными веснами.

Въ письмѣ къ нему умирающій вдали Семеновъ растерянно и скорбно спрашиваетъ: стоитъ ли жить такъ, какъ жилъ онъ, какъ живетъ большинство: „Всю жизнь съ усердіемъ, достойнымъ лучшей участи, я старательно лѣпилъ вокругъ себя какой-то цементъ изъ вѣры, идей, любви и жалости, и думалъ, что это прочно, незыблемо, но какъ только повисъ надъ пустотой смерти всей тяжестью своего Я—все сразу распалось, какъ сухая глина, и я полетѣлъ одинъ, какъ камень". „Не сегодня—завтра мнѣ умирать"—съ протестующей горечью замѣчаетъ онъ,—„а люди остаются жить, какъ ни въ чемъ не бывало".

„Смерть Ланде"—послѣдняя попытка М. Арцыбашева найти примиреніе съ жизнью черезъ мораль и уйти отъ скорбныхъ думъ о страшной смерти къ прославленію героической и прекрасной жизни, и только въ этомъ отношеніи повѣсть представляетъ извѣстную цѣнность.

13.

...Было бы хорошо написать: „Зачатіе темы". Какъ она зачинается, растетъ въ утробной жизни, родится и формируется. Откуда она? Какъ все это легко и красиво! Только роды трудны...

Это не два пріема и не два метода. Это два разныхъ беллетристическихъ счастья. Бываетъ странное, восхитительное свиданіе, неожиданная встрѣча художника съ будущей картиной. Художникъ встрѣчаетъ цѣльный, въ самой жизни уже законченный ея кусокъ, такой яркій, такъ полно воспроизводящій и исчерпывающій свой внутренній смыслъ: идейно завершенное произведеніе. Подарокъ самой жизни: опредѣленная среда, семья, рядъ фактовъ, отдѣльная яркая личность наталкиваетъ беллетриста на рядъ художественныхъ обобщеній, аналогій, легко переносимыхъ на бумагу, эстетически-соразмѣрныхъ. Вотъ—сюжетъ и типы и обстановка: изъ ихъ гармоніи дышетъ идея—замыселъ. Это — счастье,—легкая, простая и милая случайность. Процессъ творчества здѣсь облегченъ и меньше напряженья.

Такъ создались „Дѣтство и Отрочество“ Толстого. „Наканунѣ“ и „Отцы и Дѣти“ Тургенева. Многіе разсказы Чехова. Изъ новѣйшихъ — „Поединокъ“ Куприна, „Жили-были“ Андреева, „Дѣти Ванюшина“ Найденова. Примѣровъ много.

Но бываетъ иначе.

Случается, что автора начинаетъ мучить и тревожить данный вопросъ, опредѣленная проблема,—философская, общественная, моральная, или психологическая загадка. Она не даетъ покоя, отнимаетъ сонъ, безпокоитъ и терзаетъ, требуя отвѣта и раз-

рѣшенія. Надо разстаться. И, чтобы какъ нибудь покончить съ вопросомъ, разлучиться съ мучительной загадкой, авторъ беретъ ее въ разсказъ. Начинается трудный и сложный процессъ работы художественной мысли, творческой фантазіи.

Здѣсь все—отъ автора, изъ автора, чрезъ автора. Надо придумать все и придумать такъ, чтобъ каждая мелочь стояла на своемъ мѣстѣ, подтверждала и выражала одну, главную, основную идею.

Здѣсь—все выдумка.

Но тутъ больше шири, размаха, пробы силъ, больше творческой власти, больше чуда и свободы. И больше труда, отвѣтственности, риска, нервовъ, огромная работа компановки. Это страшнѣй, рискованнѣй, но и заманчивѣй. Такія произведенія пишутся дольше, вдохновеніе только вспыхиваетъ, процессъ творчества въ большей своей части сознательный.

Произведенія, созданныя этимъ путемъ, цѣльнѣй; въ нихъ меньше случайностей, меньше лишнихъ привѣсковъ: все разсчитано, сжато, сдавлено. Основная мысль горитъ, какъ свѣтовой стержень. Въ произведеніи единая и умная душа, но надо, чтобы и самая эта душа была, дѣйствительно, полна ума и настоящей силы.

14.

Именно этимъ путемъ и идетъ Арцыбашевъ
Хорошо это, или дурно?

Но такого вопроса въ искусствѣ нѣтъ, ибо все дѣло въ томъ,—хорошо, или дурно само произведеніе. До процессовъ творчества никому никакого дѣла не можетъ и не должно быть,—лишь бы самые слѣды этого процесса были искусно и умѣло скрыты, и, вотъ, этого-то искусства у Арцыбашева и нѣтъ и не было.

Въ искусствѣ все дѣло и вся радость—въ результатахъ, въ итогахъ, въ выполненіи задачъ; въ убѣдительности и яркости картинъ, въ глубинѣ, силѣ и живучести основной идеи.

Пути не важны. Это вопросъ самого художника. Но путемъ теоретическаго метода, главнымъ образомъ, создаетъ свои произведенія М. Арцыбашевъ. Такъ именно создана „Жена“, несомнѣнно, отчасти и „Ужасъ“, цѣликомъ „Смѣхъ“, въ большей своей части „Подпрапорщикъ Гололобовъ“, вся „Кровь“ и, конечно, всѣ его, такъ называемые революціонные розсказы.

Одно время вѣрилось, что въ немъ зрѣетъ художникъ-борецъ, беллетристъ-искатель, протестующій, жаждущій истины и требующій счастья,—счастья тому человѣку толпы, рабу и слугѣ жизни, которому она такъ мало дала до сихъ поръ, такъ ограничила въ правахъ и радостяхъ, и,—сама рабыня — предписывала желѣзныя велѣнья мѣщанскихъ самоограниченій, пошлыхъ оглядокъ, ненужной трусости и грѣховнаго непростительнаго самозабвенія.

У Арцыбашева всегда и вездѣ—протестъ. Возстав-

шая во имя личнаго счастья душа въ „Бунтѣ“. Протестующая, горячая жажда свободы и радостей въ „Женѣ“. Въ „Ужасѣ“ бунтующая душа толпы, возстаніе массъ. Въ „Смерти Ланде“ идетъ огромный, огненный споръ автора съ самимъ собой,—протестъ мысли противъ преданія, возстаніе души противъ традиціи. Казалось, это не смерть студента Ланде, а смерть юнаго Арцыбашева, когда-то влюбленнаго въ толстовскій моралізмъ. Арцыбашевъ словно вездѣ щеголялъ своими боевыми инстинктами враждующаго съ рутиной темперамента.

Ждалось, что революція разбудитъ душу Арцыбашева, развѣетъ сомнѣнія, углубитъ мысль. При общемъ равнодушіи беллетристовъ къ отдѣльнымъ моментамъ борьбы приходилось возлагать надежды то на одного, то на другого. Пробовали вѣрить въ Скитальца, этого „кузнеца“ и крикуна, „барабанщика“ и звонаря. Но тутъ былъ только крикъ и только звонъ. Не умѣя проникнуть въ тайны психологіи отдѣльной личности, Скиталецъ какъ бы давалъ этимъ право надѣяться на него, хотя бы какъ на пѣвца толпы и толпового начала. У него вездѣ масса и массы. Одинокихъ и отдѣльныхъ лицъ искать не у него.

Только изрѣдка изъ этой толпы у Скитальца выходитъ одинъ, чтобъ своимъ голосомъ покрыть ея тысячетонный хоръ, музыку котораго такъ хорошо, будто бы, слышалъ и понималъ Скиталецъ. Въ стихахъ своихъ онъ рѣзко призывенъ, негодующъ, пламененъ, весь въ огнѣ, съ жестомъ про-

теста, со сжатыми кулаками, пылающимъ взоромъ. На минуту могло казаться: онъ самъ себя воображаетъ героемъ и вождемъ толпы. Будто давно и долго велъ ее, изучилъ и теперь, покорную, ее зоветъ на подвигъ и борьбу. Аналитически: всѣ данныя у человѣка, чтобъ стать беллетристомъ революціи. На лицо, повидимому, было все, что дѣлаетъ художника прекраснымъ и увлекающимъ трибуномъ, смѣлымъ вождемъ, рискующимъ и сказочнымъ героемъ. Точно выдана ему довѣренность на сердца человѣческія... Но тихимъ и блѣднымъ,—а въ своихъ „Огаркахъ“ и смѣшнымъ—оказался беллетристъ Скиталецъ.

Самое странное и самое ненужное здѣсь—было стремленіе вызывать постоянно и упорно или плакучую жалость, или смѣхъ.

И для Скитальца революція прошла гдѣ-то далеко, въ томъ тридевятомъ царствѣ красоты, куда ему скакать по напрасному нужно было бы тридцать лѣтъ и три года.

Бунинъ, по самому свойству своего таланта, далекъ отъ громкихъ пѣсенъ и призывныхъ словъ; Юшкевичъ далъ то огромное, что называется маленькимъ правомъ надѣяться. Изъ молодыхъ—Анатолій Каменскій не отозвался на новое движеніе ни единой строчкой, а г. Муйжель изобразилъ еще и еще разъ „полицейскій произволъ“ и, надо сказать правду, это вышло у него (въ „Кошмарѣ“) нарочито выдуманно, сугубо искусственно, особенно длинно, потому

скучно, пасмурно и тягуче, какъ сонныя мысли въ осенній дождь.

15.

И снова казалось, что ярче и сильнѣй другихъ М. Арцыбашевъ. Думалось: пусть это еще не революціонныя картины, пусть это не беллетристъ-революціонеръ, не полная революціонность настроеній, но хотѣлось вѣрить, что тутъ многое изъ того, что создаетъ художника возстанія и пѣвца гнѣва. При чтеніи его „Кроваваго пятна“, конечно, не кипѣла душа, не пѣло сердце, не рвалась грудь, но вѣрилось, что тутъ растутъ крылья бурнаго творца, у кого непокорное, гнѣвное сердце.

И, въ самомъ дѣлѣ, въ героѣ „Кроваваго пятна“ было много безстрашія, жизни, много молодости. Людная и шумная жизнь революціонной станціи зажигала и звала. Въ каждомъ живомъ человѣкѣ, гдѣ-то схороненный до поры до времени, молчитъ протестующій голосъ—но безсиліе автора уже выдавало себя: напрасно, будто желая комментировать революціонную психологію Анисимова, авторъ взялся за неблагодарную задачу писать въ цѣлой главѣ его біографію. Это скучно, во-первыхъ, ибо надо показывать, а не разсказывать. Это старо, во-вторыхъ. И, если бы теперь явился беллетристъ и посвятилъ столько страницъ жизнеописанію и пространной ге-

неалогіи своихъ героевъ, какъ это сдѣлалъ, напримѣръ, Тургеневъ въ своемъ „Дворянскомъ гнѣздѣ“, существовало-бъ сомнѣніе,—будетъ ли повѣсть прочитана до конца. Но самое главное это то, что такой пріемъ неуменъ, ибо невыгоденъ. Всякія разъясненія и всякіе авторскіе комментаріи—даже самые талантливые—сужаютъ образъ, ибо самый плохой образъ выше, и глубже, и шире самыхъ хорошихъ его объясненій. И пусть образъ объясняетъ себѣ читатель самъ, какъ онъ объясняетъ себѣ всю жизнь, свое и чужое горе, незнакомаго человѣка, убійство и подвигъ. Наконецъ, въ данномъ случаѣ смыслъ всей революціонности этой возставшей толпы и стоящаго на первомъ планѣ Анисимова низводится къ тому элементарному, что называется въ анатоміи желудкомъ. „Бѣднымъ родился онъ на свѣтъ,—добросовѣстно разсказываетъ Арцыбашевъ,—въ жестокой нищетѣ прожилъ все дѣтство... Былъ онъ оборванный, плохо обутый, тщедушный и болѣзненный мальчикъ, типичный сынъ почтальона, на которомъ труды, болѣзни и горе родителей положили на вѣкъ свое блѣдное клеймо“... „Рано пришлось думать о пищѣ“ и т. д.

Все это элементарно, дешево, почти убого. Революціонный духъ, творящее начало гордыхъ протестовъ, ненависть къ злу и этой тьмѣ ночной и боевая правда повстанца, смѣлое ратничество во имя бога свободы—ничего не далось въ руки Арцыбашева. Анисимовъ меньше ростомъ, чѣмъ, очевидно, хотѣлъ

этого даже самъ авторъ. Человѣкъ толпы въ немъ автору еще кое какъ и удался, но не удался герой.

Идеологическаго здѣсь не ищите. Бурный, прекрасный герой прекрасной войны за свободу и личность не зашелъ на страницы Арцыбашева.

Остальные такъ называемые „революціонные“ разсказы Арцыбашева—посредственное и почти всегда плоское изложеніе газетныхъ корреспонденцій, примитивно декорированныхъ беллетристическими картинками и красками и, — надо указать на это, — много отъ этого потерявшихъ въ своей первоначальной честной точности и жизненномъ правдивомъ ужасѣ. Все же отдѣльныя мѣста и строки какъ будто выдавали искреннія стремленія автора, если не къ разрѣшенію революціонной проблемы, то, быть можетъ, къ попыткамъ отобразить нѣкоторую личную революціонность.

16.

Но уже слѣдующая большая вещь Арцыбашева повергла въ уныніе всѣхъ, чаявшихъ отъ него значительности и исканій. „Санинъ“ шумѣлъ и разочаровывалъ. Въ то время, когда толпа зачитывалась сомнительными диѳирамбами новоявленному герою современности, когда плохо чующіе красоту, легковѣсные и тихоголосые барды немногочисленнымъ хоромъ пробовали пропѣть осанну безбилетному

пассажиру, верхи интеллигенціи, люди, искренно преданные литературѣ, успѣли рѣшительно отвернуться и отъ автора и отъ его дешеваго, плохо позолоченнаго кумира. Ни для одного, сколько-нибудь трезво смотрящаго на вещи критика не оставалось сомнѣнія въ томъ, что весь арцыбашевскій романъ—шумиха, дешевка, угодничество большинству. Безъ большого терпѣнія, безъ напряженія воли нельзя было читать эти безчисленныя страницы, полныя дѣтскихъ размышленій о христіанствѣ и ницшеанствѣ, о свободѣ половъ, о всемъ томъ, что давно было пережевано въ наивномъ лепетѣ легкомысленныхъ гостиныхъ. Золото ницшеанскаго идеала было размѣнено на мѣдные пятачки маленькой мелочной торговли. И „Санинъ“ выдалъ своего автора головой. „Санинъ“ доказалъ, что Арцыбашевъ не герой послѣдняго литературнаго пятилѣтія, и даже не надежда его, а жертва. Какъ ни мала была самостоятельность автора „Жены“ и „Паши Туманова“, она была ему простительна, и какъ начинающему, и еще потому, что подчиненіе въ данномъ случаѣ шло такой огромной побѣждающей силѣ, какъ Левъ Толстой,—весь исканіе, весь движеніе и пытаніе. Но искреннее исканіе приноситъ меньше радости и успокоенія, чѣмъ маска нахожденія. Длинный процессъ постиганій и, значитъ, сомнѣній—мучителенъ. Ищущимъ, кромѣ того, судьба никогда не готовитъ тѣхъ радостей шума и привѣтственнаго гомона, которыми окружены тѣ, кто говоритъ: „я нашелъ“.

И то, что далъ намъ Арцыбашевъ въ качествѣ индивидуалистической „идеологіи“, какъ новое протестантство жаждущихъ и непокорныхъ душъ, вышло совсѣмъ некрасивымъ, слишкомъ неумнымъ и нетонкимъ. Послѣ искренняго, видимо, исканія вмѣстѣ съ Ланде, его нахожденіе рука объ руку съ Саниным отняло у него послѣднія симпатіи. И если ищущій Арцыбашевъ могъ быть близокъ, несмотря на всѣ свои промахи, то Арцыбашевъ нашедшій сталъ чужимъ для всякаго, кому не окончательно измѣнили чутье и трезвый смыслъ, кому никогда не промѣнять идеалистически вѣрующаго студента Ланде на циничнаго письмоводителя уѣзднаго нотаріуса *).

*) См. подробнѣе о „Санинѣ“ въ моей книжкѣ „Проблема пола, половые авторы и половой герой“. Спб. 1909. Изд. „Освобожденіе“.

II.

О КРИТИКѢ.

(Мечты и парадоксы).

1.

Въ одномъ мѣстѣ у Оскара Уайльда, кажется, дымъ лондонскихъ трубъ названъ коричневымъ.

Если бъ дымъ имѣлъ вкусъ, умѣлъ думать и хотѣлъ одѣваться къ лицу, онъ вообразилъ себя коричневымъ и сталъ одѣваться, тоже, какъ коричневый. А тѣ, которые его видятъ и за нимъ наблюдаютъ, давно, съ легкой руки поэтическаго гипноза Уайльда, искренно считаютъ дымъ коричневымъ, какъ, быть можетъ, до Уайльда видѣли его темнымъ, сѣрымъ, чернымъ, или сизымъ, а послѣ новаго Уайльда будутъ считать его фіолетовымъ, или золотымъ.

Жаль, что до сихъ поръ никто не захотѣлъ разработать прекрасную тему, которую слѣдовало бы приблизительно назвать „Исторія эпитета".

Такая исторія доказала бъ, что эпитетъ развивался по линіи наименьшаго сопротивленія даже тогда, когда онъ былъ и необыкновенно запутан-

нымъ, и сложнымъ, и составнымъ, когда онъ былъ неяснымъ, или полуяснымъ, длиннымъ, или короткимъ.

Всегда эпитетъ преслѣдовалъ одну цѣль — обманъ, гипнозъ, колдовское торжество слова надъ консерватизмомъ привычекъ: привычекъ видѣть, привычекъ слышать, даже привычекъ понимать и постигать.

Если ни у кого нѣтъ времени прослѣдить всю длинную исторію эпитета, взялись бы хоть за періодъ,—за 25, за 30 лѣтъ. Слѣдствія были бъ знаменательны. Выводы получились бы почти восхищающіе. Да вотъ, хоть бы такъ: эпитетъ у Тургенева и Гончарова, у Чехова и Гаршина, у Горькаго и Андреева.

2.

„Вся цѣль науки,—говорится въ одномъ мѣстѣ у Тургенева,—дойти сознательно до того, что молодости дается даромъ“.

Перефразируя этотъ афоризмъ, можно сказать уже совершенно основательно: вся цѣль эстетики дойти сознательно до того, что искусству дается даромъ, т.-е. безсознательно, потому что все остальное дается очень дорого и съ постояннымъ участіемъ сознанія, съ вѣчной и постоянной цѣлью—загипнотизировать и внушить.

Конечный результатъ—художественная клевета на жизнь, выдумка жизни, сочиненіе новой дѣйствительности, и теперь въ особенности, когда у насъ Пшибышевскій и Уайльдъ, Аннунціо и Ибсенъ, Метерлинкъ и Гофмансталь, Леонидъ Андреевъ, Брюсовъ и Бальмонтъ, цѣлыя школы импрессіонистовъ и символистовъ.

Но почему бы критикѣ остаться консервативной?

Созданіе новой жизни—и прекрасно, и необходимо и заманчиво. Это—реформаторство, это революція, рядъ революцій, это—возстаніе противъ постылаго „вчера“ во имя освобожденнаго, свѣтлѣющаго „завтра“.

Такъ почему жъ отъ творчества отказаться критикѣ?

Почему критика должна быть неинтересной, непрогрессивной, безкрылой и консервативной, почему она должна отказаться отъ своей романтики новаторства, отъ своего реформаторства, отъ своихъ революцій, и чтить „вчера“, боязливо отвертываясь отъ „завтра?“

Почему ей ограничиться только аналитической ролью и отказаться отъ синтеза? Если изъ живыхъ реальныхъ явленій міра искусство творитъ явленія новыя для новаго міра, сѣрый дымъ намъ выдаетъ за коричневый, убѣждаетъ и увѣряетъ въ существованіи неба, объ это небо дерзко разбиваетъ ракеты, его перекрашиваетъ, съ нимъ споритъ и его проклинаетъ, создаетъ новую траву и новыя звѣзды,

новый, небѣлый снѣгъ, хрустальныя зимнія дороги, населяетъ тѣнями жизнь, — если искусству разрѣшено и благословлено все это, — почему во второй шеренгѣ творчества не стать критикѣ, не сочинять авторовъ, не творить новую душу новаго, непришедшаго, грядущаго художника, не создавать новый міръ литературныхъ цѣнностей, не грезить и не сочинять новую грядущую исторію литературы, не кристаллизовать творца шеренги первой?

Почему?

3.

Но въ Россіи это было еще понятно.

Русской критикѣ до сихъ поръ поневолѣ приходилось исполнять обязанности „руководящаго отдѣла“, говорить отъ коллективнаго лица редакцій, пользуясь случаемъ и поводомъ, дѣлать экскурсіи въ „область публицистки“, и ради нея совершенно игнорировать само искусство. Но уже теперь, но уже сейчасъ это чужое дѣло она можетъ въ достаточно широкой мѣрѣ сложить съ своихъ усталыхъ и трижды несчастныхъ плечъ. Правда, иныхъ, кромѣ публицистическихъ традицій, въ нашей критикѣ почти нѣтъ совсѣмъ.

То, что было не публицистическаго, замолчано, схоронено, испозорено и забыто. И поэтому до самаго послѣдняго времени мы не имѣли сколько-нибудь полной характеристики Пушкина и Лермонтова

Тургенева и Толстого, Достоевскаго и Островскаго. О поэтахъ нѣтъ почти ничего и посейчасъ. О Гаршинѣ, — мало, и это малое тоже ничтожно и тоже не полно, поверхностно и тоже въ большинствѣ только публицистично.

Все, что было писано о литературѣ, отличалось всегда узостью партійной окраски, всей несправедливостью партійныхъ пристрастій, несмотря на то, что партій-то у насъ никогда и не было.

Но надо было найти выходъ мысли. Когда бьютъ камень, и онъ стонетъ.

Говорить было необходимо, но было нельзя, приходилось примѣняться, отсюда эзоповскій языкъ, и отсюда же публицистическая критика и ея случайные приговоры.

Тамъ, гдѣ важнѣе всего было исповѣданіе собственнаго политическаго символа вѣры, личность и произведеніе разбираемаго автора могли имѣть значеніе лишь повода. Надъ ними не задумывались и съ ними не церемонились. Важно было вовсе не то, что написана прекрасная вещь, а вопросъ: когда же придетъ, наконецъ, настоящій день?

Важенъ былъ не Тургеневъ, а программа и сущность „реалистовъ“.

4.

Критики, въ философскомъ смыслѣ слова, у насъ не было совсѣмъ. Исключеніе составляютъ

двое-трое. Съ опредѣленно-цѣльной системой воззрѣній на искусство въ критикѣ не оказывалось почти никого. Не было въ газетахъ, едва ли нашлось бы и въ журналахъ.

И критика выродилась въ разсудительный репортажъ, въ полутеатральную рецензію.

„Это—хорошо"; „это не портитъ ансамбля"; „это—плохо".

Критическія статьи ограничивались простымъ и, въ большинствѣ случаевъ, плохимъ изложеніемъ содержанія, стоящимъ по достоинству немного выше ученическаго „сочиненія" не старшаго класса.

Въ послѣднее время критика страдала еще и разлитіемъ желчи, и, сама больная, вездѣ отыскивала какое-то особенное здоровье,—здоровыя темы, здоровыя мысли, здоровый языкъ, накладывала печать молчанія на непокорныя уста, замалчивала и высмѣивала всякую новую попытку.

Но автору такая критика ничего не прибавляетъ и не убавляетъ, ничего ему не даетъ, ничего въ немъ не развиваетъ.

Для большой публики она—пустое мѣсто, потому что большая публика критики не читаетъ.

А та небольшая группа, которая интересуется критикой, въ ней не нуждается.

Критическія статьи ею читаются не изъ жажды познать, а только изъ любопытства,—всегда интересно посмотрѣть, какое впечатлѣніе произвела драма, или повѣсть, разсказъ, или картина на другого человѣка.

Вѣдь, этотъ человѣкъ въ данномъ случаѣ предполагается болѣе воспріимчивымъ и болѣе нервнымъ, болѣе умнымъ и болѣе впечатлительнымъ.

И совсѣмъ напрасно это предполагается, особенно если говорить о всей критикѣ, о старой критикѣ, объ аналитической критикѣ, потому что можетъ и должна быть критика творческая, критика синтетическая, полная фанатизма и дерзости, окрыленная силой выдумки, сотворяющая новую художественную жизнь настоящаго ради чудесныхъ откровеній и рожденій будущаго.

Защитники критическаго „отдѣла“ говорятъ:

— Критика нужна потому, что она учитъ читателя, какъ надо понимать то, что онъ прочелъ, что онъ увидѣлъ, что услышалъ.

Какое страшное, какое опасное заблужденіе!

И почему я долженъ понимать мною видѣнное, или слышаное такъ, какъ понимаетъ X, или У, или Z.

Все талантливое произведетъ на меня впечатлѣніе, измучитъ, опечалитъ, или обрадуетъ, заставитъ плакать, любить, или пѣть. Все талантливое я пойму моимъ существомъ, моимъ сердцемъ и моей душой. Объяснять же мнѣ, почему я заплакалъ,—значитъ отнимать у меня ту послѣднюю радость и то послѣднее наслажденіе, которыя мнѣ даетъ искусство.

Зачѣмъ вы мѣшаете мнѣ цѣловать женщину? Зачѣмъ объясняете мнѣ, что нѣтъ губъ, на которыхъ не пріютились стада бациллъ, и ссылаетесь на ка-

кого-то медика, который такъ добросовѣстно изучилъ эти губы и эти стада и такъ ясно и точно доказалъ, что въ поцѣлуяхъ не только грѣхъ, но и опасность?

Конечно, я не сумѣлъ бы написать о бациллахъ такъ строго-научно, такъ основательно и такъ терминологично, какъ это сдѣлалъ вашъ медикъ, но, вѣдь, о бациллахъ и я зналъ.

Зачѣмъ мнѣ нужно слышать о прекрасномъ изваяніи, что оно прекрасно? Зачѣмъ мнѣ знать, что оно прекрасно потому, что въ немъ строго соблюденъ и выдержанъ законъ фехнеровскаго золотого сѣченія? Совсѣмъ это мнѣ не нужно и мнѣ это совсѣмъ неинтересно.

5.

Но очень интересно узнать не почему, а какъ нравится Венера Милосская, или Аполлонъ, „Сестра Беатриса“ или „Жизнь Василія Θивейскаго“, „Гамлетъ“, или „Ганеле“ моему сосѣду, моему знакомому, моему другу, или учителю.

Для того, чтобы критика была интересна, и, значитъ, кому-нибудь необходима, нужно, чтобы ее писали интересные, и, значитъ, необходимые,— умные и чуткіе люди.

Интересъ и значеніе критики исключительно въ личности самого критика.

Если онъ узокъ и неуменъ, хотя бы и очень

добросовѣстенъ и очень усидчивъ,—онъ неинтересенъ и, значитъ, ненуженъ.

И поэтому, если бъ гдѣ нибудь критическія статьи писала такая умная, капризная, самостоятельная, рѣдкая, чудесная личность, какъ Левъ Толстой, это была бы настоящая критика, настоящая радость, настоящее, всѣмъ нужное, прекрасное дѣло, чрезвычайно важное и для писателей, и для художниковъ, и для искусства, и для самой критики.

Ибо самъ авторъ и интересенъ и уменъ, ибо мысли его не трафаретъ, не стертый пятакъ, не то готовое платье, которое надо бы шить для покойниковъ, но въ которое почему-то одѣваются живые.

Но когда критическія статьи пишутся г.г. Ивановичами или Абрамовичами, критика теряетъ всякій смыслъ, ибо смѣшно и странно смотрѣть теперь на міръ Божій не прямо, а непремѣнно сквозь слюдяное окно; ибо такіе господа „критики“ не объясняютъ, а затемняютъ, не свѣтятъ, а тушатъ огни. Вѣдь всякій умѣетъ чувствовать, и большинство хорошо, искренно, непосредственно относится къ искусству,—есть еще плачущіе надъ книгой, есть умиляющіеся передъ картинами, есть влюбленные въ мотивъ. Но гг. Ивановичи и Абрамовичи ни надъ чѣмъ уже давно не плачутъ. Они давно уже ни передъ чѣмъ не умиляются и ни въ кого и ни во что никогда не были влюблены. Они упражняются и зарабатываютъ, пишутъ очень серьезно и очень важно, длинно и скучно, но при чемъ тутъ искус-

ство, за что платитъ тутъ публика, и за какіе грѣхи отцовъ читаетъ она эти писанія,—это тайна, и, очень можетъ быть, редакціонная.

Образовался спеціальный кадръ людей, занимающихся этими „сенатскими разъясненіями“ въ критикѣ, ранжирующихъ таланты, умудряющихъ публику, воображающихъ, что они — критики и что ими дѣлается какое-то серьезное и полезное, радостное и важное дѣло. А это совсѣмъ несерьезно и неполезно и совсѣмъ нерадостно и неважно.

6.

И отъ всего этого было невесело, какъ на похоронахъ, а объ искусствѣ въ критическихъ отдѣлахъ говорить было неловко, какъ въ домѣ повѣшеннаго о веревкѣ.

Гдѣ-то Флоберъ замѣтилъ, что для настоящей критики нужно такое же творческое воображеніе, какъ и для всѣхъ другихъ родовъ литературы. Еще бы!

Но нужно еще много доброты. Нужна радость проникновенія, чуткость угаданія.

Ничего нѣтъ труднѣе, какъ раскрыть духъ создателя, войти внутрь произведенія. Справедливо оскорблялся Михайловскій мнѣніемъ, будто „l'art est difficile, la critique est aisée“.

Привязанности къ произведенію требовалъ Гюйо.

Идеальный критикъ долженъ бы самъ обладать

художественнымъ талантомъ. Онъ долженъ досказать невыраженное, раскрыть намеки, дорисовать возможное.

Въ лучшихъ своихъ строкахъ критика—пророчество.

Всегда она—толмачъ и посредникъ между авторомъ и публикой, великолѣпная ретушь, нечаянная радость, неожиданное откровеніе.

Не всѣ умѣютъ смотрѣть въ созданіе искусства глазами ясными, и легко и бодро откликаться на его призывы. И роль критика сложна и трудна. Неизмѣнно должна быть въ немъ способность подчиненія художественному вліянію; онъ долженъ отдаться власти внушенія, загипнотизироваться, слиться, разгадать все то темное, сложное и таинственное, что есть отраженная искусствомъ жизнь.

7.

Критикъ долженъ умѣть перерождаться, перевоплощаться, какъ и самъ художникъ,—пройти съ нимъ весь трудный путь творческаго процесса, заразиться его чувствами и настроеніями, пережить съ нимъ муки родовъ, сродниться и полюбить. И, изживъ и воспринявъ въ интенсивнѣйшей степени всѣ волненія, всѣ эмоціи, всю красоту, сумѣть ихъ передать, внушить и объяснить. Словомъ, путь творческой критики — тотъ же самый путь, которымъ идетъ и художникъ.

ПЕТРЪ ПИЛЬСКІЙ.

Въ одномъ мѣстѣ Шопенгауэръ бросилъ характерное замѣчаніе: „искусство даетъ только отрывки“. Но вотъ почему оно поднимаетъ вопросы и никогда не отвѣчаетъ на нихъ. Указываетъ, но не объясняетъ. Рисуетъ, но не комментируетъ.

Дать отвѣтъ на эти вопросы—задача критика.

Все искусство — субъективно. Оно — только части.

Какъ въ зеркалѣ, каждый смотрящій въ него видитъ только себя.

Отъ собственной личности смотрящаго, слушающаго и читающаго приходятъ въ искусство то тѣ, то другіе элементы.

Но субъективныя воспріятія не даютъ вывода, грѣшатъ и ошибаются. Здѣсь снова—дѣло критика, ибо его субъективизмъ шире, ибо для новаго образа, для его дополняющихъ чертъ нужна вторая душа, вторая индивидуальность, ибо ничего нѣтъ простого въ мірѣ, а есть только сложное и огромное.

Но отрицательная критика всегда была и будетъ ниже критики достоинствъ, безполезнѣй ея и уже. Это еще замѣтилъ тотъ же Гюйо.

И она неизмѣримо легче и потому распространеннѣй.

Хотя именно отрицательный тонъ ея и уронилъ престижъ критическихъ отдѣловъ, несмотря на то, что блестящій полемическій тонъ всегда былъ удѣломъ немногихъ, и болѣе индивидуальныхъ, и болѣе живыхъ. Увы! онъ приходился скорѣй и легче

по плечу толпы, а отъ этого задоръ и рѣзкость прослыли лучшимъ будто бы доказательствомъ личныхъ счетовъ, несправедливаго отношенія, или поверхностнаго легкомыслія и неглубокаго приговора.

8.

Давно уже никто изъ пишущихъ не смотритъ на критику, какъ на друга; давно утеряна надежда встрѣтить въ ней отвѣтный кликъ сердца, вѣрный тонъ, красивое, легкое эхо. Зато во многихъ случаяхъ стали видѣть въ критикѣ безплатное объявленіе на видномъ мѣстѣ.

Это—немного!

Но и въ самомъ дѣлѣ было бы трудно назвать хоть одно имя за послѣднюю четверть вѣка, хоть одного начинающаго, несмѣлаго, ищущаго автора, у котораго направленіе, характеръ творчества, или даже простой выборъ темъ измѣнился подъ руководствомъ, давленіемъ, или вліяніемъ критики.

Такихъ нѣтъ, а я не знаю, могутъ ли быть такіе и вообще. Кажется, не назвать ни одного случая,—и ничего ни страннаго, ни удивительнаго здѣсь нѣтъ. Тѣмъ менѣе, конечно, здѣсь грустнаго.

Наоборотъ.

Именно, благодаря этому, среди истинныхъ литературныхъ дарованій одинъ за другимъ вырабаты-

вались и выростали смѣлые таланты и дерзающіе искатели. Было бы любопытно, съ этой точки зрѣнія, прослѣдить судьбу нашихъ молодыхъ писателей. И оказалось бы, что за исключеніемъ Горькаго и Леонида Андреева (ихъ ругалъ только Буренинъ) не было бы ни одного признаннаго, ни одного разгаданнаго, ни одного такого, котораго критика опредѣлила. Да и Андреева, въ сущности, не оцѣнили во всей мѣрѣ до самаго послѣдняго времени.

Чехова истомили невниманіемъ и укорами. Смѣялись надъ Буниным. Куприна долго не замѣчали. Юшкевича, если нѣкоторые и хвалили, то только потому, что его сюжеты и его герои имѣли близкое касательство къ общему политическому развалу русской жизни, что въ нихъ можно было снова и снова найти поводъ для публицистическихъ соображеній и выводовъ. Остальныхъ какъ будто не существовало, а среди этихъ „остальныхъ“ у насъ такіе, какъ Брюсовъ, Сологубъ, Мережковскій...

О психологическомъ комментаріи писательской души, чѣмъ должна бы быть критика, при такихъ условіяхъ не могло быть рѣчи.

9.

Но смѣлость и отвагу, но бодрость и оригинальность, и страсть и рискъ должна поддерживать критика. Изыскивать новые пути, направлять фантазію къ вѣчной свободѣ полета, пріучать къ отрицанію всякихъ условныхъ оковъ искусства (одинаково мо-

ралистическихъ, какъ и этико-общественныхъ догмъ), творить автора, ковать новые замыслы—вотъ задачи критики. А на самомъ дѣлѣ, были въ лучшемъ смыслѣ ругань и злоба,—въ худшемъ—пересказъ, въ среднемъ—молчаніе.

Сейчасъ публицистическіе элементы отошли къ инымъ отдѣламъ и рубрикамъ и для критики наступаетъ новая пора.

Но надъ эстетической критикой виситъ и поднесь дамокловъ мечъ грознаго проклятья. Психологической критики у насъ нѣтъ совсѣмъ, и прошлаго у нея нѣтъ, и привычка къ ней не создалась и публика далека отъ нея и равнодушна.

Для философской едва ли сыщется матеріалъ.

Критикѣ нужно давно оставить логику, забыть силлогизмы, махнуть рукой на всякаго рода доказательства, ибо въ искусствѣ и его переживаніяхъ важны не увѣренія, а ощутимость, и если нужна убѣждать, то только образами, чувствомъ, нервными экстазами и цвѣтами. Критика давно ждетъ того дня, когда ее, наконецъ, отчислятъ отъ философіи, и надѣется только на свое сопричисленіе къ искусству. Но на критику возлагали еще и какую-то благотворительную миссію, считая ея долгомъ „поднимать“ художника, будить его экстазы, волновать его...—я не знаю, что—самолюбіе? Это уже, конечно, такой хорошій вздоръ, о которомъ не стоитъ и говорить, ибо если этого нуждающагося художника не вдохновляетъ небо и

земля, женщина и солнце, море и горе, любовь, слезы и поцѣлуи, то что съ нимъ можетъ подѣлать бородатый (или бритый) мужчина, именуемый критикомъ?

10.

Пробилъ часъ для совсѣмъ новой, для смѣлой романтической, горячей революціонной критики, полной чаръ творческихъ, „созидающей изъ ничего“, какъ, по преданію, былъ Богомъ созданъ міръ.

Настало время разгаданій и предвидѣній, искрометныхъ, краткихъ формулъ, дерзкихъ опредѣленій, критическаго фантазма.

Пора не разбирать авторовъ, а сочинять ихъ.

Красотой вѣра становится въ критикѣ. Если бъ не было ея, этой преображающей, страшной и всемогущей вѣры, не было бъ Бѣлинскаго. Все „неистовство“ нашей великой критической „легенды“— отъ восторга увѣренности въ невидимомъ, какъ бы въ видимомъ, въ желаемомъ и ожидаемомъ, какъ бы въ настоящемъ. То же самое у Добролюбова, у Писарева, даже у Чернышевскаго, ибо ни Писаревъ, ни Чернышевскій все же въ настоящемъ смыслѣ не критики. Даже у Варѳоломея Зайцева! Въ самомъ дѣлѣ, только вѣра могла продиктовать ему афоризмы о настоящемъ критическомъ умѣ, который доводитъ всякую мысль до ея естественныхъ предѣловъ, до фантазма за-

блужденій. Русская критика (какъ всякая молодая мысль) всегда была сильна идолопоклонствомъ, т.-е. вѣрой. Вырожденіе русской критики есть только одно изъ слѣдствій общаго вырожденія вѣры, т. е. фанатизма. И только поэтому исторія литературы никогда не вспомнитъ Ив. Иванова, никогда не вздохнетъ о Волынскомъ и никогда не вернется съ благодарной памятью на будущую могилу Буренина.

11.

Художниковъ пора гипнотизировать нашими опредѣленіями, какъ они гипнотизируютъ публику своими красками, своими словами и звуками, своей наивностью и красотой.

Пора родить художниковъ, завораживать ихъ нашими знаками, пророчить и сбивать съ дорогъ прошлаго; надо, чтобы они заблудились, но надо, чтобъ мы могли ихъ искренно любить.

Будемъ восторженны—и будемъ писать не объ A и B, не о C и D, не о E и F!

Изъ элементовъ A—создадимъ титана, изъ элементовъ B—построимъ новые дворцы мечтаній нашихъ.

У насъ есть и традиціи, у насъ есть прошлое, мы не одиноки, и романтическая критика не сегодня родилась.

Развѣ Добролюбовъ не сочиниль своего „На-

канунѣ", и своего Тургенева, и своего Инсарова, и своихъ кануныхъ выводовъ?

Развѣ не сочинилъ Писаревъ своего Базарова, не вдохнулъ въ него душу „реалистовъ", не сотворилъ своей Катерины изъ „Грозы", какъ сотворилъ Добролюбовъ все „Темное царство"?

Развѣ Толстой Михайловскаго—настоящій Толстой, а не Толстой—Михайловскаго?

А „Жестокій талантъ" Достоевскаго не сочиненіе?

Кого и что не сочинилъ Ап. Григорьевъ и у Островскаго, и у Грибоѣдова, и даже въ русской исторіи, и даже въ задачахъ критики?

А Волынскій развѣ не сочинилъ всѣхъ русскихъ критиковъ и не сотворилъ своего собственнаго Достоевскаго и своего собственнаго Лѣскова?

О критическихъ опытахъ В. Розанова не сто́итъ и говорить: здѣсь все розановское, только розановское, всегда розановское.

Статьи о литературѣ Бальмонта—сплошь однѣ выдумки, малоожиданное сочинительство, сплошная игра фантазіи; его „Горныя вершины" — вершины его собственной мысли, съ этихъ вершинъ глядитъ онъ внизъ; кругомъ полусвѣтъ, загадочность и неясность, и среди ночныхъ тѣней далекаго низа Бальмонтъ гадаетъ и творитъ.

Своего Толстого и своего Достоевскаго сочинили Мережковскій и Шестовъ.

Въ одной русской критической литературѣ, по

крайней мѣрѣ, одиннадцать разныхъ и другъ другу незнакомыхъ Ѳедоровъ Достоевскихъ и около сотни Львовъ Толстыхъ.

И это хорошо, потому что такъ мы знаемъ одного настоящаго Достоевскаго и одного настоящаго Толстого.

12.

И самыя интересныя страницы нынѣшней критики, за немногими исключеніями, принадлежатъ вовсе не профессіональнымъ критикамъ, а художникамъ, пишущимъ объ искусствѣ.

Мнѣ весело и хорошо читать Андрея Бѣлаго, котораго я очень люблю, когда онъ пишетъ о русской поэзіи, которую кто же не любитъ? Люблю читать „Вѣхи“ Брюсова, слѣдить за мыслью Вяч. Иванова; любуясь, спорить съ Мережковскимъ, размышлять надъ Минскимъ, вглядываться въ критическія миніатюры Зинаиды Гиппіусъ.

Право же, все это—самая настоящая критика, ибо все это самые настоящіе люди искусства, интересные, самостоятельные, понимающіе и чуткіе, полные восторговъ и любви къ солнцу поэзіи, къ миражамъ творчества, къ сладко тревожнымъ тѣнямъ, къ угламъ мысли. Все это — жаждущіе откровеній, предчувствующіе второе пришествіе бога новой художественной жизни.

И они—не профессіоналы. Не обязаны „откли-

каться“, какъ собаки на новую луну, на каждую новую книгу. Не умничаютъ, потому что умны. И искренни, ибо ничѣмъ не связаны и ни предъ кѣмъ ничѣмъ не обязаны. А вотъ лоснящимся профессіоналамъ это совсѣмъ не нравится. Въ разгороженной головѣ никакъ не сливаются критика съ искусствомъ. Критика сама по себѣ. Искусство само по себѣ. Какъ въ своемъ журналѣ, гдѣ есть „Отдѣленіе I“ (искусство), и „Отдѣленіе II“ (критическія и публицистическія),—у нихъ и голова такъ устроена: въ одной половинѣ отдѣленіе I-е, въ другой—отдѣленіе II-е.

13.

И, можно сказать, вчера еще одинъ изъ такихъ „критиковъ“ сердился:

„...Художники на критику и критиковъ не претендуютъ, потому что они сами поэты, сами же критики. Сегодня А созидаетъ произведеніе искусства, а В беретъ на себя роль восторженнаго критика. Завтра роли мѣняются, и на этотъ разъ уже А является вдохновеннымъ комментаторомъ художественной производительности В. Въ общемъ все въ этомъ мірѣ обстоитъ благополучно. Благополученъ здѣсь и читатель, попавшій подъ гипнозъ двухсторонняго внушенія и потому состоящій въ непрерывномъ экстазѣ отъ производительности кружковыхъ поэтовъ, которые могутъ быть блон-

динами, шатенами, брюнетами, могутъ быть старыми и молодыми, но не могутъ не быть геніями".

Вотъ видите, какъ просто: стакнулись люди и пишутъ другъ о другѣ: не профессіональные критики, всего только „художники А и В", а пишутъ критику, и есть, очевидно, опасность для профессіоналовъ остаться за ненадобностью за штатомъ. Но, самъ того не подозрѣвая, авторъ обмолвился самоубійственнымъ признаніемъ: да, здѣсь читатель, конечно, благополученъ, и во всякомъ случаѣ счастливѣй, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, гдѣ „профессіональные критики" пишутъ о столь же профессіональныхъ художникахъ.

„Читательскій экстазъ..."

Но что же можетъ быть дороже для автора, что можетъ быть болѣе цѣннаго и важнаго для критика, какъ не этотъ экстазъ, не это умѣнье загипнотизировать и внушить, вселить восторгъ, исторгнуть слезы читателя, заставить пѣть его душу, проникнуться сладостнымъ волненіемъ красоты, смятенія и грусти, расти и мечтать?

14.

Господа „профессіоналы" убѣждены, что критика—педагогъ, что она—классный надзиратель за искусствомъ, директоръ того средне-учебнаго заведенія, въ которомъ должна учиться публика. И

они съ презрѣніемъ отворачиваются отъ „импрессіонистской“ критики и негодующе покрикиваютъ на художника А и художника В, которые „берутъ“ на себя роль „восторженныхъ критиковъ“. Имъ бы безъ восторга, имъ бы скучно писать, а они, взволнованные, нетерпѣливые, быстрые и неугомонные, танцуютъ свой танецъ неистовства у золотого алтаря, къ которому вамъ, милостивые государи, нѣтъ хода.

„Польза!“ „Польза!“

Никакой пользы!

Никакой пользы не должна приносить критика.

Критика пишется не для чего-нибудь, а только почему-нибудь *). У нея нѣтъ и не должно быть цѣлей. Она—плодъ живой и кипучей потребности высказаться, „излиться, разсказать только себя“.

Вся разница между искреннимъ художникомъ и прекраснымъ критикомъ — только въ средствахъ, только въ источникахъ волненія, только въ матеріалѣ. Куприна волнуютъ запахи, Брюсова—скрытая душа міра, Городецкаго — ярь и чертяки, Рославлева—сказочная, былинная жизнь, Андреева—судьба и скорбь человѣка. А критика волнуетъ книга, образъ, картина.

*) Недавно г. Сергѣевъ-Ценскій просилъ критиковъ не писать о немъ. Странная и смѣшная просьба! Какъ будто критика пишется по одной просьбѣ и молчитъ по другой, и будто весна, любовь и море когда-нибудь просили господъ художниковъ,—а въ томъ числѣ и самого г. Сергѣева-Ценскаго,—ихъ воспѣвать, или о нихъ умалчивать, и какъ будто кто-нибудь изъ нихъ и изъ насъ пишемъ для чего-нибудь, а не почему-нибудь!

Природа и жизнь диктуютъ художнику его книги—книги диктуютъ образы критику.

Но и тотъ и другой — творцы, гипнотизеры, фантасты, выдумщики, сочинители, восторженные лгуны, создатели новыхъ міровъ, предвѣстники будущей жизни, колыбели чудесныхъ рожденій грядущей красоты. Критика должна колдовать, какъ колдуетъ искусство. Она должна быть мятущейся и подвижной, не рабской прислужницей у публики, не комиссіонеромъ и мишуресомъ, а богомъ сотворяющимъ, новымъ художникомъ, новымъ видомъ творчества, новымъ откровеніемъ.

И цехъ критиковъ уже распадается. И сами критики—не строй, а орда, уже не партія, а группа, не семья, а случайное общество, не хоръ, а разноголосица, не школа, а сбродъ.

Жалѣть ли объ этомъ?

Пусть жалѣютъ другіе,—я радуюсь.

15.

Радуюсь за читателя, за искусство, за критику. Надоѣли эти таблицы умноженія, эти критическія камеры разслѣдованія, эти пытки, эта узость, этотъ профессіонализмъ, это однообразіе, эта заѣзженность, это отсутствіе восторговъ и сомнѣній.

О, эти люди давно ни въ чемъ не сомнѣваются. Давно и все разрѣшили и разъяснили они себѣ,—и какъ это грустно!

О, если-бъ вы волновались и сомнѣвались, о если бъ вы умѣли горѣть и не знать! Но вы все знаете!

И именно вамъ и такимъ, какъ вы, несомнѣвающимся, все давно разрѣшившимъ и навсегда успокоившимся, вамъ, въ чьихъ карманахъ неизмѣнно заготовлены таблички и алгебраическія формулы,—(въ нихъ стоитъ подставить лишь цифры),—именно вамъ обязана русская критическая мысль своимъ рѣдкимъ застоемъ, своей безжизненностью и блѣдностью. „Если бъ богъ держалъ въ правой рукѣ истину, а въ лѣвой—стремленіе къ ней—я выбралъ бы лѣвую“.

Вы знаете, кѣмъ это сказано.

Но стремленія, но страданія, но недоумѣнія и искренность не даны тѣмъ, чья мысль всегда одѣвалась въ то готовое платье, которое слѣдовало бы покупать для покойниковъ.

Но довольно примѣровъ, достаточно доказательствъ.

16.

Все, что было сильнаго, яркаго, красиваго, неожиданнаго, все, что было дѣйствительно полезнаго, важнаго, нужнаго, все всегда было критической дерзостью, критической выдумкой, критическимъ краснымъ вымысломъ, критическимъ фантазмомъ, творческими экстазами, перенесеніемъ критическаго

центра въ новую плоскость, расширеніемъ темы, наблюденіемъ въ увеличительное стекло, абстрагированіемъ, сочинительствомъ, какой-то романтикой, вторымъ творчествомъ, постиганіемъ и предугаданіемъ.

Надо сочинять авторовъ и слѣдуетъ выдумывать ихъ души.

Нужно сотворять новую художественную жизнь, гипнотизировать творцовъ, внушать имъ небывалое, совершать прекрасный творческій обманъ настоящаго, ради чудеснѣйшихъ рожденій будущаго.

Надо довести критику до поэтической формулы. Формулы до ритмической, волшебной алгебры.

И эту новую критическую алгебру—до дерзкаго, бунтующаго парадокса, до возставшаго афоризма, ибо они убѣдительнѣе всего въ своей краткой, тѣсной, упрямой кольцеобразной упругости, ибо за ними сила внушенія, въ нихъ — гипнозъ, и отъ нихъ—будущее: будущее реформаторство прекраснаго слова, будущая революція искусства.

...Прежде былъ дымъ коричневый,—пусть будутъ теперь цвѣтные авторы...

1908 г.

ДМИТРІЙ ПИСАРЕВЪ.

(1868—1908 г.г.)

1.

...„Вдругъ Аркадій подходитъ“ къ Николаю Петровичу „и молча, съ этакимъ ласковымъ сожалѣніемъ на лицѣ, тихонько, какъ у ребенка, отнялъ“ у него „книгу“ (Пушкина), и „положилъ передъ нимъ другую“. Брошюру Бюхнера.

Но Аркадій отнялъ Пушкина у отца. Писаревъ же отнялъ Пушкина у самого себя, и—точно также положилъ предъ собой брошюру Бюхнера.

„Новымъ чувствамъ всѣмъ сердцемъ отдался,
„Какъ ребенокъ, душою я сталъ,
„И я сжегъ все, чему поклонялся,
„Поклонился тому, что сжигалъ“.

Со всей страстностью прозелита Писаревъ отнялъ у себя то, что ему было особенно дорого, всегда было особенно понятно и радостно, — того Пушкина, котораго онъ ставилъ въ рядъ и въ уровень съ Вольтеромъ и Ульрихомъ фонъ Гуттеномъ, съ Шиллеромъ и Гете. Онъ отнялъ у себя и разбранилъ, будто

самому себѣ на зло и перекоръ, того „Евгенія Онѣгина“, о которомъ самъ писалъ съ чувствомъ восторга и уваженія:

„Внутренняя, духовная жизнь эпохи можетъ отразиться только въ художественномъ произведеніи. На этомъ основаніи нѣкоторыя подобныя произведенія стоятъ на ряду съ драгоцѣннѣйшими историческими памятниками. Къ числу такихъ произведеній можно отнести „Евгенія Онѣгина“...

2.

Но еслибъ даже теперь сказать, что Писаревъ чистый и восторженный эстетикъ,—у многихъ раскрылись бы рты.

Въ Россіи читатель умѣетъ запоминать углы.

Поэтому онъ знаетъ: Бѣлинскій—„неистовый Виссаріонъ“, а Добролюбовъ считалъ, что „эстетическая критика стала давно достояніемъ чувствительныхъ барышень“. И еще знаетъ онъ о томъ, что Писаревъ эстетику разрушалъ.

Писаревъ? А! это тотъ самый, который развѣнчалъ Пушкина, не любилъ красоты и совѣтовалъ Щедрину заняться естествознаніемъ!

Но неугодно ли:

„Творчество съ заранѣе задуманной практической цѣлью составляетъ явленіе незаконное; оно должно быть предоставлено на долю тѣхъ писателей, которымъ отказано въ могучемъ талантѣ которымъ дано взамѣнъ нравственное чувство, способное сдѣлать ихъ хорошими гражданами, но не художниками. Истинный поэтъ стоитъ выше житейскихъ вопросовъ“. (Писаревъ, т. I, стр. 178).

А, вотъ, писаревская полемика съ Ѳомой Кемпійскимъ:

„Невинныя радости жизни, привязанность къ людямъ близкимъ, самоотверженіе во имя науки, эстетическія наслажденія предметами искусства,—все это презираетъ авторъ, все это считаетъ онъ недостойнымъ христіанина. Такой взглядъ, конечно, въ наше время не можетъ найти себѣ сочувствія“.. (Т. I, стр. 69).

У этого „врага красоты“ и принципъ эстетическій былъ очень опредѣленнымъ:

„Чѣмъ менѣе художественное произведеніе сбивается на поученіе, чѣмъ безпристрастнѣе художникъ выбираетъ фигуры и положенія, которыми онъ намѣренъ обставить свою идею, тѣмъ стройнѣе и жизненнѣе его картина, тѣмъ скорѣе онъ достигнетъ ею желаннаго дѣйствія“ (т. I, стр. 214).

А объ эстетическомъ образованіи „разрушитель эстетики“ пишетъ и совсѣмъ вразумительно:

„Необходимость эстетическаго образованія сознается всѣми современными педагогами, правильно смотрящими на конечную цѣль воспитанія“ (т. I, стр. 137).

Какое странное „разрушеніе эстетики“!

3.

У Писарева былъ одинъ методъ изслѣдованія—эстетическій.

Въ разное время ему были ближе то, или другое произведеніе, тотъ, или иной авторъ, но расцѣнивалъ онъ и литературу и искусство неизмѣнно съ одной и той же точки зрѣнія: эстетическаго индивидуализма.

Только отсюда и писаревскія противорѣчія.

ДМИТРІЙ ПИСАРЕВЪ.

При исключительной впечатлительности, при жадной воспріимчивости художника и созерцателя, при ясной и порывистой натурѣ мечтателя и иллюзіониста (его отношенія къ женщинамъ), крѣпко вросшихъ традиціяхъ усадебника и единственномъ призваніи—писателя—Писаревъ инымъ не могъ быть и, благодареніе судьбѣ, никогда не былъ.

Вся его писательская манера, его пріемы, его методы—не критическіе, а беллетристическіе.

Вездѣ въ послѣднемъ счетѣ на помощь его разгоряченному возбужденному перу спѣшатъ образы, приходятъ аналогіи, изслѣдователя не видно, говоритъ и даже декламируетъ дрожащимъ голосомъ съ разгорѣвшимися блестящими глазами настоящій художникъ, поэтъ, колеблющійся, взволнованный, забывшій все, весь во власти настроеній, весь подъ вліяніемъ одной страсти, одной ненависти, или любви.

Нигдѣ у Писарева нѣтъ разносторонняго, или даже многосторонняго анализа.

Всюду его глазъ, его чувство, умъ и сердце поражены только одной стороной, единственной чертой, иногда мелочью и пустякомъ.

Концы его статей—лихорадочны,—бьющіеся въ волненіи приподнятой мысли и вздымающагося чувства. Это не заключенія, а какіе-то гордые аккорды благородства, любви и красоты.

4.

И, конечно, это не только въ первомъ томѣ, не только въ пробахъ пера. Эстетическій критикъ въ Писаревѣ говоритъ вездѣ.

И тамъ, гдѣ идетъ осужденіе безграмотства Ключникова („пить здоровье“), и тамъ, гдѣ поется гимнъ великому художественному творцу:

„Поэтъ—или великій боецъ мысли, безстрашный и безукоризненный, „рыцарь духа“, какъ говоритъ Генрихъ Гейне, или же—ничтожный паразитъ, потѣшающій другихъ ничтожныхъ паразитовъ . . . Поэтъ—или титанъ, потрясающій горы вѣкового зла, или же козявка, копающаяся въ цвѣточной пыли“.

И тамъ, гдѣ онъ пишетъ восторженныя строки о „Войнѣ и Мирѣ“, и особенно и чрезвычайно въ статьяхъ „О Тургеневѣ, Писемскомъ и Гончаровѣ“ и объ ихъ „Женскихъ типахъ“.

И тогда, когда Писаревъ не удовлетворенъ остроуміемъ Щедрина, шокированъ его „грамматическими и синтаксическими (а не общественными) „salto mortale“, и когда вспоминаетъ о грустныхъ нотахъ Диккенса и Гейне, Берне и Гоголя.

И тамъ, гдѣ нападаетъ на бездарность, на тусклый, неострый взглядъ, на неуклюжесть рѣчи, воюя со Станицкимъ.

И тамъ, гдѣ восхищается Толстымъ, его „Дѣтствомъ и Отрочествомъ“, и „останавливается на удивительно тонкой отдѣлкѣ мелкихъ подробностей,

ландшафтныхъ, бытовыхъ и преимущественно психологическихъ",—когда, прочитавши повѣсти Толстого, онъ „рѣшилъ, что Толстой—поэтъ" („Промахи незрѣлой мысли").

Когда впослѣдствіи еще и еще разъ признавалъ, что „личность автора и его литературные пріемы составляютъ сами по себѣ очень знаменательный фактъ". („Кукольная трагедія съ букетомъ гражданской скорби").

5.

Сила писаревской убѣдительности заключалось не въ подавляющей и сильной, неопровержимой и непобѣдимой логикѣ, гдѣ начало и первая посылка въ непрерывной цѣпи выводовъ неразрывно сомкнуты съ заключеніемъ.

Дара логической, строгой и устойчивой мысли Михайловскаго у Писарева не было. Послѣ второго, или третьяго чтенія любой гимназистъ средняго возраста теперь безъ труда и запинки легко опрокинетъ всю систему тѣхъ доказательствъ, которыми Писаревъ приводитъ Пушкина къ развѣнчанію.

Но нѣтъ, не было и не будетъ человѣка, который съ перваго раза не поддался бы обаянію яркости, силы, красоты и страстности, съ которыми написана статья „Пушкинъ и Бѣлинскій".

Оружіе Писарева всегда бралось изъ эстетиче-

скаго арсенала, а не изъ идейнаго. Онъ зналъ образъ, но не зналъ довода.

Онъ зналъ сравненіе, картину, слово, но не вѣдался ни съ строгостью силлогизма, ни съ послѣдовательностью статьи, ни съ цѣльностью міросозерцанія, ни даже съ стройностью приговоровъ. Въ Писаревѣ жилъ и горѣлъ эстетикъ, тайно влюбленный въ красоту, знавшій и чувствовавшій ея мощь, ею сильный, въ нее влюбленный, и ею владѣющій.

Чтобъ понять всю Писаревскую подчиненность красотѣ и его эстетизмъ, достаточно сравнить его хотя бы съ Варѳоломеемъ Зайцевымъ, его послѣдователемъ и ученикомъ. Вотъ писатель, лишенный всякаго чутья, отклика, восторга, чуждый картинѣ, не проронившій ни одного неожиданнаго и горящаго слова.

Въ борьбѣ съ эстетикой Варѳоломей Зайцевъ былъ самъ собой. Писаревъ дѣлалъ чужое дѣло. Здѣсь былъ искрененъ одинъ, и совершенно неискрененъ другой.

И все очень просто случилось. Случилось по-русски. Точно такъ-же, какъ и до сихъ поръ у насъ бранятъ не человѣка, а клевещутъ на его святыню, точно такъ же, какъ всегда у насъ ругаютъ не насъ самихъ, а почему-то „поминаютъ родителей“, точно такъ же, какъ въ горячихъ войнахъ поругиваются храмы побѣжденныхъ,—Писаревъ въ своей пламенной ненависти къ „старому барству“ бросился въ бой на поруганіе той красоты, которой,—ему каза-

лось—жило и дышало это барство, развѣнчивалъ „барина“ Пушкина и низвергалъ, „разрушая“, эстетику.

6.

Но въ этой чисто внѣшней борьбѣ съ эстетикой, опрокидывая кумиры и идолы вчерашнихъ людей—тѣхъ людей которыхъ Базаровъ назвалъ „отставными“, Писаревъ въ сущности и глубинѣ велъ борьбу съ симпатіями всего только одного лица, одного человѣка. И этимъ человѣкомъ былъ онъ самъ, Дмитрій Писаревъ, знавшій и чувствовавшей свою болѣзнь тяготѣнія къ красотѣ, къ музыкѣ слова и краскамъ, къ красивому героическому началу, къ жесту, позѣ, фразѣ, напѣву, солнцу и женской любви. Какъ одержимый тяжкой наслѣдственностью помѣшательства, человѣкъ борется съ каждымъ ея признакомъ и симптомомъ, предупреждая, тревожась и страшась, такъ и Писаревъ, вышедшій изъ крѣпостной колыбели Знаменскаго имѣнія, боролся съ преданіями, свившими гнѣздо въ его душѣ, съ унаслѣдованными традиціями, съ пристрастіями и симпатіями, вложенными съ кровью и молокомъ.

Писаревъ боролся съ тѣмъ засильемъ прошлаго, которое опочило на его собственномъ духѣ.

Единственная эстетическая вражда Писарева—была враждой съ самимъ собою.

ЕВГЕНІЙ СОЛОВЬЕВЪ

(АНДРЕЕВИЧЪ).

(1866—1905).

1.

Я пишу о человѣкѣ, который всегда стоялъ въ лагерѣ гнѣвающихся, въ станѣ враждующихъ, среди презирающихъ и бурныхъ людей.

Вотъ почему онъ всегда былъ мыслью съ Горькимъ, съ его ненавистью и враждой къ мѣщанству и пошлости. Вотъ почему его любовь была съ Герценомъ и его презрѣніемъ къ западно-европейской буржуазной толпѣ; его уваженіе и восторгъ были предъ Толстымъ съ его негодованіемъ мудреца на развратъ и разложеніе городской культуры.

Вотъ почему первое вліяніе на Андреевича было вліяніе Писарева съ гнѣвомъ на рутину, съ протестомъ на существующее и признанное, съ революціонной жаждой „Sturm und Drang'a", а свое поклоненіе Соловьевъ отдалъ первому возвѣстнику демократизма—Руссо.

ЕВГЕНІЙ СОЛОВЬЕВЪ.

...Полтора года тому назадъ, въ одинъ изъ тихихъ вечеровъ августа, отъ кровоизліянія въ мозгъ, умеръ Евгеній Соловьевъ *).

Это былъ типичный русскій журналистъ, съ обычной неурядливостью личной жизни, съ гнѣвнымъ сердцемъ, связанными руками, капризной судьбой, необезпеченностью, всегда рвущійся и вѣчно неудовлетворенный. Въ покойномъ писателѣ сошелъ въ могилу горячій боецъ, пылкій публицистъ, смѣлый критикъ, рѣдко живой литературный историкъ.

Жизнь сыграла съ нимъ грустную и тяжелую,— какую-то неуклюжую шутку, въ немъ лишній разъ она посмѣялась надъ судьбой и участью русскаго умницы, по нуждѣ и съ горемъ развѣявшаго силы по вѣтру, горящаго и сгорающаго, какъ свѣча, зажженная съ двухъ концовъ.

Исторія Евгенія Соловьева—характерная исторія лучшаго человѣка, вдругъ становящагося „лишнимъ“, мечущагося въ тискахъ рабства, вкладывающаго свои силы не туда, куда хотѣлось—безъ счета, безъ системы и плана, отдающаго энергію свою на глухіе протесты, быстро изнемогающаго,— съ истерзаннымъ сердцемъ и надорваннымъ, изстрадавшимся умомъ.

Человѣкъ, несомнѣнно, блестящихъ способностей,

*) Статья эта относится къ 1907 году и написана, какъ вступительная къ книгѣ Евг. Соловьева: „Очерки по исторіи русской литературы XIX вѣка“,—изд. Карбасникова.

онъ ждалъ для себя ученой карьеры, но все свернулось такъ, что пришлось на минуту стать даже сибирскимъ учителемъ, повторять скучные зады, скверно себя чувствовать, дышать въ атмосферѣ лжи и педантизма педагогическаго чиновничества, уступать, замирать, мириться и злиться—и рваться на волю.

Работалъ Соловьевъ порывисто, нервно, влюбленно, скачками, запоемъ, всегда съ оттѣнкомъ быстраго постиганія, съ легкой и упорной мыслью, весь кипя, мѣняя темы, мѣняя жанры, но неизмѣнно со страстью, неугасимо горя въ статьяхъ.

Среди современныхъ писателей на литературныя темы,—равнодушныхъ, большею частью тусклыхъ, безъ огня, безъ искръ, безъ вдохновенья, среди тихоголосыхъ кастратовъ „критики“, среди будничныхъ и сѣрыхъ, залежалыхъ статей,—покойный со своими писаньями прошелъ, какъ съ факеломъ бодрости, какъ съ призывной пѣснью, неугомонный, будящій и рвущійся.

Евгеній Соловьевъ умеръ въ той порѣ, которую маленькіе газетные человѣчки обыкновенно называютъ „расцвѣтомъ“, но которая, на самомъ дѣлѣ, является въ большинствѣ случаевъ для писателя періодомъ мукъ, возрастомъ неудовлетворенности, многихъ разочарованій и настоящей тоски.

Это былъ ностоящій литераторъ, считавшій первый меридіанъ не отъ конторы, а отъ направленія, всѣмъ сердцемъ любившій родную литературу, не имѣв-

шій ни одного полуприговора: онъ—о другихъ, другіе о немъ—одинаково неожиданны и одинаково спорны. Спорнаго вообще много оставилъ въ своихъ книгахъ покойный. Пожалуй, не было у него ни одного сужденія, подъ которымъ могли бы подписаться всѣ.

Его мысли приходили къ нему какъ-то иначе, чѣмъ къ другимъ, отливались въ его формулахъ необычно, вездѣ выдавая въ одно и то же время страстность и капризъ мышленія: страстность—отъ исканія, капризъ — отъ жажды новизны, — той святой жажды, которая родится изъ оскомины, набившейся шаблонными, тихими-тихими, шепотливыми строчками, гдѣ все—рутина и старинка, нѣтъ ни одного прямого слова, и самыя слова старыя-старыя, какъ отставныя чиновницы у всенощной.

Въ послѣдніе годы критикѣ стало дурно везти: на ея рынкѣ то и дѣло появлялись книжки о писателяхъ, появлялись часто, то разростаясь, то суживаясь, и всѣ онѣ были какими-то вдовьими домами: порядка много, а жизни нѣтъ, и изъ всѣхъ угловъ тянетъ затхлостью израсходованныхъ, оброшенныхъ существованій.

Въ ихъ ряду спѣшащія книжки и статьи Соловьева были, какъ молодая поросль,—гнущаяся, но цвѣтущая. Во всѣхъ писаньяхъ его красиво волнуется, какъ-то безудержно спѣшитъ молодая мысль, безъ оглядки, безъ оговорокъ.

Спорить съ этой мыслью было можно, не любить ее было нельзя.

2.

Евг. Соловьевъ былъ наканунѣ своего опредѣлѣнія. Еще немного оставалось отмести, еще немногое забыть, сжечь немногое изъ того, чему поклонялся онъ,—и предъ нами была бы законченная фигура цѣльнаго мыслителя, оригинальнѣйшаго философа литературы, историка субъективнаго, писателя съ рѣзко-самостоятельной индивидуальностью. Судьба захотѣла остановить его ходъ на послѣдней ступенькѣ и вырвала изъ жизни тогда, когда вся эта жизнь, какъ лава, перелилась, въ трескѣ тысячи выстрѣловъ, сотнями ручьевъ, чтобы схоронить свое прошлое подъ своимъ же горячимъ потокомъ.

А въ это бурное, стремительное, безъ удержу несущееся время наше такъ нуженъ, такъ дорогъ, такъ умѣстенъ и необходимъ былъ бы этотъ человѣкъ съ собственными формулами и своей программой. Съ своею мыслью!

Конечно, противорѣчія нашлись бы у Соловьева для того, кому захотѣлось ихъ искать. Но и эта „противорѣчивость“ у Соловьева не отъ недостатковъ умственнаго аппарата, не отъ туманности идеаловъ, не отъ спутанности убѣжденій. Эта противорѣчивость—отъ излишней, своеобразной логичности: отъ неудержимой въ своемъ бѣгѣ мысли,

отъ смѣлаго ума, неумѣвшаго останавливаться на полдорогѣ, никогда благоразумно не ставившаго точку тогда, когда за ней открывалась область загадокъ и рискъ афоризма и опасности, когда золотая середина вдругъ становилась красной крайностью. Это былъ человѣкъ, который не умѣлъ молчать изъ страха.

„Личность требуетъ свободнаго броженія общественныхъ силъ и классовыхъ противорѣчій“, и въ историческомъ развитіи личности онъ наблюдательно и точно отмѣчаетъ моментъ, когда наступаетъ „рядъ противорѣчій внутри самой личности“.

Не то, чтобъ эта „противорѣчивость“, а нѣкоторая колючесть мысли, тотъ клинъ, который вбивалъ во всякое міросозерцаніе Соловьевъ своимъ „я“, своими послѣдними выводами, дотягивавшимися до вершинъ и далей, доходившихъ до парадоксовъ и обрывовъ, до безднъ и глубинъ; угловатость рѣзкой и рѣшительной, страстной литературной натуры, какой былъ Соловьевъ, — вотъ, собственно, что даетъ иногда отсвѣтъ нѣкоторой преломленности, нѣкотораго диссонанса, точно неуживчивости его мыслей между собой: эти мысли не только спорили другъ съ другомъ, но—казалось временами—будто ссорились.

И былъ Соловьевъ весь стремительность, неожиданность и горячность. Съ первыхъ же его строкъ ясно обозначилось на немъ основное вліяніе, подъ

знакомъ котораго болѣе, или менѣе до конца своихъ дней Соловьевъ такъ и остался.

Это—вліяніе Писарева.

Отъ него къ покойному перешло многое, начиная съ тона и манеры, даже стиля и разговорнаго языка, кончая сугубой демократичностью вкусовъ, суровостью приговора, афористическимъ блескомъ, склонностью къ формулѣ, къ упрощенію доказательной системы, къ популяризаціи и фельетонизму, отъ которыхъ Соловьевъ не могъ отказаться ни въ своихъ „Очеркахъ изъ исторіи русской литературы", ни въ „Опытѣ ея философіи".

Писаревъ оставилъ на Соловьевѣ несомнѣнный слѣдъ,—печать, стереть которую во многихъ отношеніяхъ Соловьеву,—пожалуй, не удалось до самой смерти.

И все же, за немногими исключеніями, это была только печать, т. е. нѣчто внѣшнее,—скорѣе наружное вліяніе, чѣмъ внутреннее. И не благодарная ли это память о сладкой порѣ первыхъ работъ, о первыхъ писательскихъ увлеченіяхъ, первыхъ цвѣтахъ первой весны популярности, улыбнувшейся Соловьеву за его изящныя и умныя біографическія книжечки Павленковской библіотеки?

Серьезнаго, глубокаго, реформирующаго, перерождающаго воздѣйствія Писаревъ на Соловьева все таки не могъ имѣть; по крайней мѣрѣ, продолжительнаго воздѣйствія. Этому воспротивилась бы и соловьевская эрудиція, этого не могло быть и въ той эво-

люціи, которую Соловьевъ изжилъ, и въ которой гораздо болѣе важное, болѣе серьезное и рѣшающее значеніе имѣлъ, несомнѣнно, Герценъ.

3.

Это былъ настоящій учитель для Соловьева; это было настоящее, кумирное поклоненіе у Соловьева. Герценъ имъ былъ не только усвоенъ, осмысленъ и по своему истолкованъ, не только чтимъ, но и любимъ, но и воспѣтъ со всей соловьевской тревогой самообличающаго писателя, съ радостнымъ и восторженнымъ сознаніемъ общей духовной близости, общаго родства, общихъ симпатій и общей ненависти.

Если Писаревъ имѣлъ значеніе для Соловьева оселка, о который оттачивалъ свой аналитическій ножъ молодой писатель, учась и критикуя вмѣстѣ; если Горькій окрылилъ и осмѣлилъ его, благословилъ и заставилъ послѣдній разъ задуматься, если онъ положилъ послѣднюю краску,—то Герценъ былъ учителемъ Евг. Соловьева въ самомъ настоящемъ, въ самомъ истинномъ смыслѣ слова, углубившимъ его мысль, расширившимъ его міросозерцаніе, подсказавшимъ не одинъ и не два его вывода.

Бываетъ такое ученическое брыканье,—внутренній глухой споръ съ учителемъ, стремленіе свергнуть нѣкогда сладостное иго. Иногда это и кончается только внутреннимъ процессомъ и наружу выступа-

ютъ лишь результаты: новое пониманіе системы учителя, внесенныя въ учительскую теорію поправки. Это—только хорошо.

Но бываетъ иначе, когда глухой, неоконченный, неоформленный споръ внутри, тутъ же, въ самомъ процессѣ своего образованія, выходитъ наружу: и тогда онъ—золъ и ненуженъ уже потому, что золъ. Ни того, ни другого отношенія къ Герцену у Соловьева не было. Онъ Герцена изучалъ, надъ Герценомъ думалъ, Герцена комментировалъ, Герцена дополнялъ, но нигдѣ нѣтъ Герцена свергнутаго, Герцена уловленнаго, Герцена оспореннаго. Да, это была, дѣйствительно, кумирная, воистину алтарная любовь...

О ней, собственно, можно было бы и не говорить, но слишкомъ важно то, изъ чего это чувство выросло. Помилуйте! какъ могъ Соловьевъ не быть влюбленнымъ, не поклоняться и не превозносить Герцена, когда Герценъ „боялся всякаго подчиненія“, когда „онъ мечталъ о человѣческой личности, безусловно свободной, безусловно самостоятельной“, когда идеаломъ Герцена была „анархія въ смыслѣ признанія высшей, верховной санкціи за самимъ человѣкомъ, за его „я“?

Когда личность, ея свобода и самостоятельность было то „все“, что Герценъ хотѣлъ и искалъ въ жизни, когда „это былъ его богъ и кумиръ“, когда для Герцена и, пожалуй, только для него одного „проблемы чести были не книжныя, не вычитан-

ныя, а сопоставленныя съ окружающей обстановкой русскаго рабства и западно-европейскаго мѣщанства", когда онъ самъ, этотъ Герценъ, „былъ такъ ярко выраженной личностью,"—„гордой, самолюбивой и властной",—и такъ прекрасно и восторженно писалъ объ этомъ властолюбіи, когда, наконецъ, онъ такъ рѣшительно возставалъ противъ цѣлей общественныхъ и государственныхъ?

Развѣ можетъ не быть кораномъ для Соловьева книга Герцена, того Герцена, который такъ твердо требовалъ „отдѣленія человѣка отъ оффиціальной жизни своего народа, признанія за личностью ея религіозной, нравственной и даже политической автономіи"?

И Соловьевъ резюмируетъ: „Идея освобожденной личности дошла до анархіи и до атеизма". Именно у Герцена онъ впервые видитъ „тотъ теоретическій анархизмъ", который многими своими положеніями перешелъ затѣмъ и въ рѣчи Бакунина и въ статьи Кропоткина.

Несомнѣнно: именно этими сторонами приблизилъ къ себѣ Соловьева Герценъ, именно этимъ поработилъ его и на этихъ дрожжахъ взошла та любовь къ учителю-другу, съ которой не разставался Евг. Соловьевъ во всю свою жизнь. Эта любовь—вездѣ. Въ сравненіяхъ съ Герценомъ, въ вѣчныхъ возвращеніяхъ къ Герцену, въ цитатахъ изъ Герцена, въ справкахъ—все у Герцена.

Безъ всякаго сомнѣнія, то, на что натолкнулъ

Соловьева Писаревъ, что получило окраску и ширь подъ вліяніемъ образовъ Горькаго,—то нашло свое публицистическое и теоретическое обоснованіе въ книгахъ Герцена. То, что только смутно, больше сердцемъ, подсказывалось Соловьеву, какъ бы только предчувствовалось имъ, то оформилось и окончательно отлилось подъ вліяніемъ Герцена. Въ той многозахватывающей, не вездѣ строгой, и не вездѣ пропорціональной, многокрасочной картинѣ, которая называется „сочиненіями Евг. Соловьева—Андреевича",—въ картинѣ этой грунтъ положенъ Писаревымъ и Герценомъ. Горькій расписалъ только узоры, хотя многое и въ этихъ узорахъ было не положено, а выжжено. Несомнѣнно и то, что именно Горькій заставилъ Соловьева не одинъ разъ вернуться къ Герцену, не одинъ разъ его перечитать и передумать; быть можетъ, именно онъ, Горькій, и сдѣлалъ окончательно Герцена толмачемъ Соловьева. Горькій, впрочемъ, имѣлъ на Андреевича и много иныхъ вліяній.

4.

Восторженное отношеніе къ Горькому привело Соловьева къ идеологіи силы, однако, поддержанной и основанной непремѣнно трудомъ (отъ этого никакъ не могъ бы отказаться старый писаревецъ изъ уваженія къ тріединой формулѣ: „любовь", „знаніе" и „трудъ"). Но идеологія силы отлилась

опредѣлительно, какъ формула: „только сила кристаллизуется въ право, а не безсиліе“. „Каждое право дожно быть заработано: не заработанное право—миѳъ, мечта, прекраснодушіе“.

Вообще формулы расыпаны въ сочиненіяхъ покойнаго изобильно.

Это былъ умъ афористическій, упругій, горячій и стремительный, и языкомъ говорилъ этотъ умъ тоже горячимъ и тоже рвущимся.

Отъ Горькаго же, надъ которымъ много передумалъ покойный, о которомъ написалъ цѣлую „Книгу“, и отъ котораго многое пришло въ его душу—(въ душу, а не въ мысль),—быть можетъ, и индивидуализмъ Соловьева, тоже не остановившійся: индивидуализмъ росшій, роднившійся съ общественной идеологіей, проэволюціонировавшій отъ личности съ ея „хочу“ къ индивидуальному самосознанію пролетаріата, къ индивидуализму классовому.

Соловьевъ вездѣ неустанно и неизмѣнно прославляетъ жажду жизни, желанье счастья, хотѣнье стать и волю бытія. Сила, страсть, рискъ—вотъ чѣмъ кипѣлъ самъ публицистъ. Онъ такъ и писалъ: „безъ риска нельзя“.

Но требовалъ риска безъ надрыва, риска безъ прекраснодушія, риска во имя всѣхъ здоровыхъ элементовъ и началъ общественности,—словомъ, во имя всего, завѣщаннаго намъ лучшей частью нашей прошлой интеллигенціи, и отъ чего мы не можемъ отказаться, не отказавшись отъ самихъ себя.

Презрѣніе къ буржуазному строю жизни, идеологія силы, прославленіе страсти и риска и та личная суровость, съ которой никогда не разставался покойный, должны были неизбѣжно зажечь въ немъ симпатію къ русскому „нежившему“ разночинцу, видѣвшему много обидъ и униженій, который „свирѣпо хочетъ жить“.

И Соловьевъ-Андреевичъ любитъ его за то, что у него нѣтъ „устали бытія“; что въ основѣ его могучая жажда радости, смутное желанье отмщенья и непримиримый духъ.

„Современному герою жизни“ „кое-что суровое запало въ душу“, но „чѣмъ суровѣе онъ, тѣмъ непримиримѣй“.

Этого героя „безъ плаща и безъ свиты“ нищета должна была ожесточить, но никогда не могла ни задушить въ немъ стремленій, ни забить его.

Со дна его души она подняла много злобы, зажгла и вызвала гнѣвъ и раздраженіе, но не обезличила, не затерла, и въ этомъ пролетаріи Соловьевъ видитъ носителя протеста, который такъ нуженъ и такъ дорогъ въ тѣ дни, когда „завтра— огромное неизвѣстное“, гдѣ всегда стерегутъ насъ „непредвидѣнныя неожиданности“.

И герои Горькаго ему дороги именно потому, что они—„продуктъ недоѣданья, а не пресыщенія“, и оттого еще ближе ко всѣмъ алчущимъ и жаждущимъ: „въ нихъ есть презрѣніе ко лжи и услов-

ностямъ обыденнаго существованья", есть гнѣвъ на жизнь и ея уклады, есть недовольство. Но отвращеніе ихъ полно жизни, но гнѣвъ далекъ отъ апатіи, недовольство чуждо равнодушію: они жадны и это ихъ плюсъ, ихъ заслуга и сила.

Отсюда же—безповоротное осужденіе мѣщанской личности и бубновый тузъ на спинѣ такъ называемаго мѣщанскаго индивидуализма: онъ хищникъ съ головы до ногъ, ибо весь онъ въ кастраціи духа, въ порабощеніи и угнетеніи личности, съ одной стороны; въ освобожденіи ея отъ широкой и прогрессивной общественности — съ другой.

Его принципы узки. Его литература—литература завитушекъ. Его человѣкъ—орудіе и средство. Его цѣль—накопленіе. И Соловьевъ проклялъ его огненнымъ проклятьемъ пролетарскаго идеолога, исповѣдника пролетарскаго индивидуализма.

Но этотъ индивидуализмъ священенъ и прекрасенъ; ибо въ немъ человѣкъ—самоцѣль; ибо его принципъ—распредѣленіе, ибо онъ революціоненъ и анархиченъ, силенъ, бодръ и живучъ; ибо за нимъ—будущее, тогда какъ за мѣщанствомъ только—черное прошлое; ибо въ немъ и отъ него ростъ чести, отъ него „расширенная" личность грядущей исторіи, стремленіе къ свободѣ и независимости, къ простору и власти.

Прямой выходъ изъ индивидуалистическихъ дверей—въ храмъ романтизма, потому что въ немъ

личность—все, ибо человѣческое „я“ въ романтизмѣ всегда на первомъ планѣ,—и личность обожествленная, залитая огнями поклоненія и силы,—ибо самозаконность этой личности — самый яркій и самый излюбленный мотивъ романтизма; ибо романтическая красота въ жаждѣ расширенія опять-таки личной жизни.

Здѣсь ищите корни индивидуалистической идеологіи, сросшіеся съ глубокой и крѣпкой любовью къ Горькому. Съ нимъ Соловьева сближало все: общее гордое презрѣніе къ мѣщанству, пламенная сила протеста, ярость бойца, огненная смѣлость, любовь къ жизни, простору и волѣ, непокорность, вражда съ пошлостью, обожествленіе личности, кровавый звѣрь гнѣва,—наконецъ, въ огромной степени общая пролетарская идеологія.

Одинъ изъ любимыхъ „коньковъ“ Соловьева было убѣжденіе, что „въ Горькомъ пролетаріатъ впервые заявилъ о себѣ, о своемъ правѣ на жизнь и счастье, а не только на жалость“,—и вотъ почему появленіе Горькаго—„грань двухъ историческихъ эпохъ“.

То же „я“, имъ чтимое въ себѣ, чтилось имъ въ другихъ, стояло въ центрѣ его міропониманія, отъ него и къ нему шла вся его литературная философія, освобожденное „я“ было цѣлью литературнаго и всего культурнаго прогресса, и, несомнѣнно, оно же стало бъ во главѣ угла его религіи, надъ систематизаціей которой Евг. Соловьевъ явно и серьезно задумывался въ послѣдніе годы.

Идеологія личности, воспѣтое „я“, прекрасная, горячая, какая-то нервная „осанна“ индивидуальности— вотъ становой хребетъ міросозерцанія Соловьева, вотъ основная идея его книгъ и статей, стержень и корень его философіи, его морали, его эстетики и критики, его исторической системы. Какой-то крѣпкій и послѣдовательный катэдръ-анархистъ жилъ въ немъ,— упрямомъ мыслителѣ, страстномъ писателѣ, буйномъ журналистѣ—по странному и неожиданному родня классовую точку зрѣнія съ проповѣдью возстанія личности, протеста силы, мятежа души. И всегда эта проповѣдь вражды и бунтарства была полна преклоненія предъ темнымъ и сѣрымъ, сильнымъ и „суровымъ героемъ въ свитѣ“ и рабочей рубахѣ: косоворотку онъ надѣлилъ гордостью возставшаго раба, мудростью будущаго бога и пропѣлъ отходную мѣщанству. Сѣмена марксизма боролись съ индивидуализмомъ въ Соловьевѣ и индивидуализмъ его собственной сильной личности уже явно и рѣшительно побѣжалъ въ немъ возможнаго соціалъ-демократа.

5.

Евгеній Соловьевъ умеръ до того момента, когда размежевались русскія партіи, и уже въ открытую пошелъ споръ соціалистовъ между собой въ газетныхъ листахъ и журналахъ: какъ сотрудникъ ле-

гальныхъ изданій, участія въ войнѣ онъ тогда принять еще не могъ.

Но если бъ авторъ „Опыта философіи русской литературы“ и „Рабочихъ людей“ даже дожилъ до этой горячки разобщенія, до этой лихорадки спора, онъ все же не вошелъ бы въ эту полемику, какъ партійный членъ, съ партійнымъ голосомъ и словами узаконеннаго и установленнаго „credo“. И въ этомъ сказалась бы, конечно, литературная личность, но главнымъ образомъ, вообще личность: партійная дисциплина была бы едва ли по натурѣ и силамъ тому, для кого сама литература была „борьбой прежде всего за освобожденіе личности и личнаго начала“, кто выдѣлилъ борьбу даже „съ крѣпостнымъ правомъ и всей оффиціальной жизнью“ во имя интересовъ развитія личности,—и это подчеркивалъ упорнымъ курсивомъ.

Характерно—и опять съ этой же точки зрѣнія—отношеніе Евг. Соловьева и къ Толстому, и къ Руссо.

И здѣсь снова и опять Соловьева интересуетъ ихъ борьба за свое „я“.

Толстой ему дорогъ своей критикой, своей борьбой за индивидуальность, своимъ напряженнымъ исканіемъ смысла и правды жизни, непримиримой гордыней своего духа. Но особенно,—главнѣйше, въ своемъ конечномъ выводѣ, въ итогахъ,—Соловьевъ возноситъ Толстого за то, что онъ „и черезъ прошлые грѣхи своего класса, созна-

ніе которыхъ живетъ въ немъ, и черезъ сознаніе грѣховности своей личной привилегированной жизни, и черезъ свою любовь къ природѣ,—которая всегда заставляла его ощущать наибольшую полноту и радость жизни и служила въ его глазахъ воплощеніемъ стихійной правды, молчаливо упрекавшей исполненную лжи, обмановъ и лицемѣрія жизнь людей,—и черезъ идеализацію мужицкой общинной жизни приходитъ къ неотразимо для него привлекательной мечтѣ о нравственномъ коммунизмѣ (курсивъ автора) людского общежитія“ [1]).

Борьба за свободу и самостоятельность своего „я“ у Толстого и у Руссо слилась съ борьбой противъ разврата культуры, культуры вообще.

„Развратъ—это ложь. Развратно все, что лживо, все, что не отвѣчаетъ истиннымъ потребностямъ и влеченіямъ человѣка, все, что ведетъ его совѣсть къ компромиссу, все, что позволяетъ ему жить чужимъ трудомъ и носить чужое лицо.“ (Курсивъ мой. П. П.).

Настойчивая упрямая мысль Толстого—не блестящій фейерверкъ, а какое-то стальное сверло, буравящее гранитъ и его толщину, разъ направившись на борьбу съ развратомъ, стремилась добраться сквозь толщу и пласты всякихъ „такъ принято“, „такъ надо“, такъ всегда „было и будетъ“, такъ „всѣ дѣлаютъ“—до самой сущности, до корней и

[1]) Л. Н. Толстой. Монографія Андреевича ц. 1 р. Изд. А. Е. Бѣляева Спб. 1905, стр. 141—166.

нитей этого понятія. И она добралась. „Изъ темнаго убѣжища, гдѣ за толщей и пластами нашихъ предразсудковъ, красивыхъ оправдывающихъ словъ скрылось чудовище—развратъ, она вытащила его на свѣтъ Божій и, повторяя уже сдѣланное Руссо, прибила его къ позорному столбу. Чужой трудъ, чужое счастье, чужое здоровье и чужія силы — словомъ привилегіи и неравенства—вотъ источникъ разврата, а жизнь за счетъ всего этого чужого, ради удовлетворенія своего тщеславія, похоти—это и есть развратъ.

Отсюда главное правило Толстовскаго индивидуализма: жить своимъ трудомъ, за свой счетъ и страхъ, чтобы сохранить святыню своей личности.

Отсюда же первое и едва ли не единственное основаніе его общественной этики: воздать труду должное, т. е. уничтожить эксплуатацію массъ, все равно подъ какимъ бы знаменемъ — государственности, или капитализма—ни происходила эта эксплуатація".

Такъ у Толстого.

Но стихія Толстого — стихія все-таки русскаго барина, русскаго „кающагося дворянина". И по своей опредѣленности, органичности, по своей цѣльности Руссо счастливѣй Толстого. Великій женевецъ—первая ласточка идеи европейскаго пролетаріата. Для борьбы за свою индивидуальность, для защиты своего „я" у Руссо были еще болѣе внуши-

тельные мотивы, чѣмъ у Толстого. „Онъ—великій плебей и великій пролетарій, попавшій въ общество герцоговъ и принцевъ крови, которые смотрѣли на него, какъ на рѣдкаго звѣря. Его всячески соблазняли, чтобы онъ перешелъ на сторону праздныхъ и сильныхъ. Но Руссо остался вѣренъ себѣ. Несмотря на всѣ соблазны, онъ ни на минуту не прекращалъ войны съ „частными людьми хорошаго тона", съ приличнымъ обществомъ. И тутъ онъ безпощаденъ. Его краснорѣчіе стихійно. Здѣсь ненависть вѣковъ и поколѣній, здѣсь злоба и негодованіе всѣхъ трудящихся и обремененныхъ. Здѣсь гордое могучее „я", выступившее на защиту своего попираемаго достоинства (курсивъ мой. П. П.), ревниво оберегавшее свое одиночество и независимость противъ соблазновъ лести, богатства, славы"...

И если, въ концѣ концовъ, „напуганный великимъ дерзновеніемъ своей мысли и своимъ одиночествомъ, разбитый и искалѣченный духовно и физически, онъ, какъ смертельно раненый левъ, думалъ только о томъ, гдѣ бы ему умереть въ полномъ и гордомъ одиночествѣ, серьезно и тайно отъ безстыдныхъ и торжествующихъ взглядовъ своихъ враговъ", если даже „дерзновенію своей мысли онъ далъ умереть въ общественномъ договорѣ", гдѣ онъ похоронилъ и его, „т. е. лучшее свое я", то онъ похоронилъ, задушивъ, предварительно и своего врага—неравенство...

Страницы, посвященныя Толстому и Руссо—однѣ изъ блестящихъ страницъ Евг. Соловьева. Вообще лучшія строки къ нему приходятъ тогда, когда затронутъ вопросъ о правахъ и гордости личности, объ автономности человѣка, самоцѣльности „я“, объ индивидуализмѣ, ницшеанствѣ,—объ анархическомъ мотивѣ. Въ этомъ смыслѣ, органически-логичнѣй и послѣдовательнѣй Соловьева просто трудно быть.

По отношенію къ идеѣ, онъ былъ всегда однолюбъ,—все и вездѣ, всегда и во всемъ примѣривая и охватывая своей единой мыслью, къ ней сводя, отъ нея отправляясь, черезъ нее фильтруя, съ ней миря.

Концы мыслей его иногда далеки другъ отъ друга. Начала ихъ—сплетены.

Нѣкоторая зараженность философіей Ницше привела его лишь къ болѣе афористической формулировкѣ своихъ взглядовъ на личность, но кореннымъ образомъ не измѣнила ничего, и рядомъ съ авторитетами Герцена, Писарева и Горькаго, въ ряду ихъ вліяній, ницшеанское начало, само по себѣ, какъ-то смеркло и растворилось.

6.

При темпераментѣ стремительномъ, при рвущемся потокѣ силъ, подвижный и загорающійся, Соловьевъ-

Андреевичъ умѣлъ съ головой бросаться въ глубину темъ, какъ-то быстро схватывать сущность вопросовъ, рѣзко и выпукло выдавливать ихъ основной смыслъ, легко и четко ихъ формулировать.

Журнальный боецъ въ немъ слышится изъ каждой строки, изъ каждаго абзаца, нетерпѣливый, спѣшащій и гнѣвный.

Въ нѣкоторыхъ некрологахъ—я помню—мелькнуло сожалѣніе о потерѣ въ лицѣ Соловьева историка литературы.

Это конечно, вздоръ, если не фраза.

Ни по своему темпераменту, ни по ищущему характеру мысли, ни по своей воинственной горячности, ни по острой впечатлительности, собственно историкомъ покойный не былъ, не могъ и не хотѣлъ имъ быть. Для этого ему не хватало объективности, безпристрастія, холода изслѣдователя, спокойствія и выдержки.

„Мы“—онъ не зналъ. Вездѣ и всюду у него было—„я“.

„Я“ говорило. „Я“ осуждало. „Я“ хвалило. „Я“ радовалось, признавало, или отрицало.

Во всѣхъ своихъ статьяхъ, какъ и планахъ, Соловьевъ былъ и остался полемическимъ застрѣльщикомъ, журнальнымъ работникомъ; безпокоющимъ противниковъ, вызывающимъ на схватку фельтонистомъ, жаднымъ до новаго публицистомъ.

Для историка не оставалось мѣста.

Для него Соловьевъ былъ слишкомъ „самъ“, слиш-

комъ индивидуаленъ, слишкомъ споренъ, слишкомъ парадоксаленъ, черезчуръ идеологиченъ. Идеологія же всегда цвѣтна, но всегда и односторонняя и неполна. Изслѣдователь въ немъ неизмѣнно терялся и никъ предъ глашатаемъ, историка убилъ обличитель.

И все, что ни предпринималъ покойный съ цѣлью разобраться шагъ за шагомъ, годъ за годомъ, въ ходѣ развитія, въ эволюціи литературныхъ настроеній и образовъ, формъ и идей, все это было перемѣшано мотивами текущаго момента: „сейчасъ“ клало свою печать всюду, „сегодня“ безжалостно и дерзко вторгалось въ картину,—изъ ровнаго голосъ становился звенящимъ, стальныя ноты злобы звенѣли въ немъ, перо бѣжало не по линейкѣ, — то вверхъ, то внизъ, — летѣли стрѣлы, скрещивалось оружіе, историческая статья завершалась полемическимъ и политическимъ выпадомъ въ сторону современности, прошедшее уступало мѣсто настоящему, а въ этомъ настоящемъ и въ этой современности было, что казнить, и было, отъ чего казниться.

И борцу по натурѣ, Соловьеву приходилось со многимъ бороться противъ многого ополчаться, на многое обрушиваться.

Это было тѣмъ естественнѣй, что самъ онъ никогда не былъ, не чувствовалъ и не считалъ себя конченнымъ, готовымъ, вызрѣвшимъ, установившимся, или остановившимся. Стоять на мѣстѣ онъ не могъ, успокоиться не хотѣлъ, вѣчно рвался,

сомнѣваясь и пересматривая. Сюртукъ идейный на немъ правда, былъ одинъ и тотъ же, но обновлять и передѣлывать его приходилось, и, конечно же, не изъ подчиненія модѣ, а все по той же причинѣ, — вслѣдствіе кипучести натуры, жажды пересмотра, переоцѣнки цѣнностей, новой самокритики, новыхъ сомнѣній, новыхъ проектовъ, неудовлетворенности исканій, умственнаго голода.

Съ „Жизнью“ вошелъ онъ въ лагерь марксистовъ; въ качествѣ постояннаго критика пересмотрѣлъ вновь литературу: отказываться не пришлось почти ни отъ чего, многое дополнить стало необходимымъ,—раскрылись двери, разрослись воззрѣнія, раздольнѣй и шире раскинулась система міра и жизнепониманія, окрѣпли симпатіи, и тверже и непримиримѣй стало отрицаніе.

Его „Опытъ философіи“—уже совершенно самостоятельная система,—длинная и послѣдовательная повѣсть о томъ, какъ литературная личность стремилась къ свободному самоопредѣленію, какія препятствія встрѣчала она на своемъ пути, какъ боролась она съ обезцѣнивающимъ и нивеллирующимъ вліяніемъ государства, защищая свое достоинство, честь, творчество и иниціативу.

7.

...Гаданья требуютъ осмотрительности. Особенно гаданья о покойникахъ: ихъ не провѣритъ даже

самое время, и само будущее не внесетъ въ нихъ поправокъ.

Но, поскольку есть данныя въ прошломъ, позволительно набрасывать рисунокъ будущаго. Евгеній Соловьевъ смотрѣлъ на причины подавленности русской личности чрезвычайно разносторонне и широко. И среди этихъ причинъ (характерно!) ставилъ въ первую главу „всемогущее государство". Понятенъ тотъ выводъ, который просился подъ перо Соловьева.

Но именно разностороннее изученіе причинъ не позволило ему остановиться и ограничиться только этимъ „всемогущимъ государствомъ" и рядомъ съ нимъ онъ выдвигаетъ „слабое развитіе классоваго начала" и почти совершенное и полное отсутствіе „классовой борьбы", все то, о чемъ твердимъ мы теперь ужъ легко и подробно. Цѣлая серія условій:— вмѣстѣ съ государствомъ „охранительная система канцелярій, крѣпостное право", „отсутствіе классовой борьбы", „отсутствіе воспоминаній о борьбѣ вообще за право",—„принижала личность, отдавая ее подъ опеку семьи, общины, климата, государства".

Въ системѣ Соловьева много отъ того, что называется анархизмомъ-индивидуализмомъ, и все же это опредѣленіе его не исчерпываетъ. Отдѣльныя нити его міропониманія протянуты къ слишкомъ многимъ угламъ, дороги его мысли никогда не были проторенными проселками, путь его шелъ не по прямой линіи. Онъ былъ сильно вросшимъ въ почву

общественности, чтобъ дать просторъ индивидуалистическому началу, и наиболѣе близкое опредѣленіе его, быть можетъ, въ его собственныхъ строкахъ и, конечно, опять о литературѣ: „Нашу литературу преслѣдовала мечта о счастьи народа—говорилъ онъ—о сохраненіи коммунистическихъ (курсивъ мой. П. П.) устоевъ его жизни“.

„Возстаніе противъ обычая и закона вскормили личность“. Человѣкъ долженъ „преступать“. Онъ долженъ рваться „изъ-подъ патріархальной власти семьи“, отвергать и отбрасывать „общепринятые догматы вѣры“ [1]), смѣлымъ скептицизмомъ провѣрять и контролировать заповѣдныя области морали и религіи; ростъ личности—ростъ ея потребностей и этимъ потребностямъ нѣтъ и не должно быть никакихъ границъ; въ поступательномъ движеніи ея руководители внутри ея самой: ея эгоизмъ, ея властолюбіе, „ея творческая индивидуальность и жажда безсмертія“. И „личность должна признать во всей полнотѣ своей эгоистическое стремленіе къ свободному творчеству и развитію, должна признать законность своихъ философскихъ, религіозныхъ и правовыхъ запросовъ, не жертвуя ими ничѣмъ и никому. Не въ порядкѣ подчиненія, самопожертвованія, а лишь свободнаго союза и свободнаго сотрудничества (курсивъ мой. П. П.) должны опредѣляться ея отношенія къ обществу.“

---

[1]) „Опытъ философіи русской литературы“ стр. 28—34.

8.

Соловьевъ не писалъ, а горѣлъ.

Главной мишенью его нападокъ, самымъ ненавистнымъ, лютымъ и свирѣпымъ врагомъ его стояло мѣщанство.

Его онъ пробовалъ много разъ формулировать, отмахивался отъ него статьями, вновь возвращался къ нему, ради него прерывалъ на срединѣ мысль отступленіемъ, какимъ нибудь стороннимъ соображеніемъ, нападалъ, громилъ, уловлялъ на западѣ, оплевывалъ, грызъ и терзалъ на части въ родной литературѣ.

Въ этой ненависти мѣстами онъ доходилъ до паѳоса, проклиная мѣщанство, исжившее свою юность безъ пользы и смысла, за его грубость, консервативность и пошлость, за обрѣзанныя крылья, за полумысли и полушаги, за его захваты въ жизни. Однако, та громадная, рѣдкая любовь къ литературѣ, которой былъ полонъ покойный, сказалась даже и здѣсь,—та интимная, нѣжная и хорошая любовь къ милому божеству, которая оправдываетъ и самый грѣхъ, прощаетъ и забываетъ ошибки.

Эта любовь простила и мѣщанскую литературу,и Соловьевъ готовъ былъ признать, что она „по своей проницательности, по своимъ задачамъ и цѣлямъ выше, — и гораздо выше, — того строя, которому она служила отраженіемъ“. Правда, „она не могла не подчиниться господствующему духу, невольно представляла она его, но и въ своемъ подчиненіи сохранила свою гордую неза-

висимость своихъ мечтаній, могучіе порывы къ чему-то не только лучшему, но и безусловно прекрасному". Если даже въ этой литературѣ и „есть мѣщанское въ симпатіяхъ, въ настроеніяхъ, потому что она родное дѣтище мѣщанскаго строя", то нигдѣ, ни разу нѣтъ въ ней „ни слѣда услужливаго заискиванья, ни дозы лакейской предупредительности и лакейскаго забѣганья впередъ".

Любилъ очень литературу покойный!

Самое же мѣщанство—проклято: его сила покоилось на недоразумѣніи; мѣщанство не обособилось въ классъ и, искренно считая себя то за ремесленника, который погибалъ въ его атмосферѣ, то за крестьянина, развращавшагося въ его тискахъ, принимало себя за народъ.

Но тамъ, на западѣ, мѣщанство сумѣло воспользоваться хоть предыдущимъ опытомъ человѣчества, оно выступило на историческую сцену съ грандіознымъ запасомъ силъ, грандіозными идеями; оно пробовало хоть опираться на идею человѣческой свободы,—и здѣсь есть глубина, есть сила, даже величественность есть: здѣсь нервное возбужденіе, вызванное мѣщанскимъ строемъ, не пропало и не прошло даромъ, а литературные памятники западнаго мѣщанства не ниже памятниковъ всѣхъ другихъ эпохъ. Но ничего похожаго, — ни силы, ни raison d'être, ни правъ, ни идей,—не было и нѣтъ въ мѣщанствѣ русскомъ.

„Мнѣ смѣшно смотрѣть", — пишетъ въ одномъ

мѣстѣ Соловьевъ,—„какъ наши доморощенные буржуйчики говорятъ словами европейскаго общества. Просто смѣшно, потому что пока тутъ ничего, кромѣ претензій, и все, что по дружбѣ хочется сказать имъ, это вотъ:„ не надо человѣку малаго роста итти въ глубокое мѣсто: можетъ потонуть“.

Общій характеръ русскаго мѣщанства рисовался покойному писателю въ очень опредѣленныхъ чертахъ: ничего грандіознаго, увлекающаго, возбуждающаго вдохновеніе широкими замыслами, смѣлостью и дерзостью мысли,—ничего такого, что было на Западѣ. „Все очень мелко, и крупны лишь бумажники“.

Кромѣ того, непочатый уголъ традиціоннаго холопства и хамства, аршинничества и самоварничества, настолько очевиднаго и такъ ярко мечущагося въ глаза, что старо-барская литература, расцвѣтъ которой совпадаетъ съ 70-ыми годами, имѣла значительное основаніе презрительно относиться къ этимъ кулакамъ и міроѣдамъ, третировать ихъ, говорить о ихъ силѣ, но совсѣмъ не бояться ихъ“.

И, все равно, какъ въ области „добродѣтели“ мѣщанство можетъ возвышаться до высокой честности и никогда—до справедливости, такъ въ сферѣ жизни вообще оно можетъ охранять всѣ права собственника и никогда достоинство человѣка.

И это потому, что идеи справедливости и человѣческаго достоинства относятся къ принципу рас-

предѣленія, а не накопленія. Задачу же распредѣленія мѣщанство на себя не беретъ, чувствуя, что здѣсь оно встрѣтится съ разными неожиданными препятствіями и сюрпризами.

И оно, естественно, предоставило ее игрѣ стихійныхъ силъ и случайностей, на биржѣ довело эту случайность до высоты вавилонской башни, а это все равно, какъ въ игорномъ домѣ: расплата за проигрышъ можетъ быть скрупулезно честна, но при чемъ тутъ справедливость?

„И я люблю,—пишетъ Соловьевъ,—когда мѣщане говорятъ о промышленной предпріимчивости и ростѣ національнаго богатства: это выходитъ у нихъ хорошо, даже восторженно; и я ничего не имѣю, когда они говорятъ о добродѣтели и честности,—это можетъ быть по ихъ части, но терпѣть не могу, когда они разсуждаютъ о справедливости. Что имъ справедливость и что они ей?“ [1])...

9.

Психологіей и исторіей пролетаріата,—его смысломъ и его будущимъ,—Евг. Соловьевъ интересовался горячо и дѣятельно, живо и возбужденно. Надъ философіей пролетаріата онъ работалъ все послѣднее время, и въ его рукописяхъ, въ значительной своей части ненапечатанныхъ, развита цѣлая теорія,

[1]) См. „Вольница“.

только намеками пока сказавшаяся въ тѣхъ немногихъ страницахъ, которыя успѣли увидать свѣтъ предъ самой его смертью, за нѣсколько дней до могилы, въ тѣхъ немногихъ листахъ, которыя составили его послѣднюю книгу „Рабочіе люди и новыя идеи".

Тайно, въ глубокихъ родникахъ души, психологически, съ пролетаріатомъ Соловьева роднила безпредѣльность будущаго, громадность масштабовъ, новизна путей и все та же сила и страсть.

У темпераментныхъ людей сила всегда была въ почетѣ. Только сильные умѣютъ любить мощь. Только страстные не боятся страсти. Только смѣлые вѣрятъ въ рискъ.

Вопросъ о пролетаріатѣ, рабочее движеніе для Соловьева, однако, никогда не имѣло экономическаго значенія, во всякомъ случаѣ только экономическая сторона не играла для него рѣшающей роли. Едва ли больше важности придавалъ онъ и собственно политической сторонѣ.

Въ пролетаріатѣ его интересовало иное и другое, волновали скрытыя глубины, влекла къ себѣ философія вопроса, его психологія, религія пролетаріата, его культъ. „Ограничивать рабочій вопросъ его политико-экономическими рамками значитъ—умалять его". Здѣсь „экономика и политика играютъ свою значительную, но не первенствующую роль".

Онѣ—только тѣло вопроса, но не духъ его: ими онъ входитъ всего только „въ группу рядовыхъ вопро-

совъ государственнаго и общественнаго благоустройства", тогда какъ „своей идеей и философіей" рабочій вопросъ весь—въ группѣ міровыхъ, общечеловѣческихъ ученій и религій.

И Соловьевъ вноситъ поправки въ лассалевское ученіе.

Лассаль ошибся. Онъ слишкомъ снисходительно отнесся къ государству. Слишкомъ повѣрилъ ему, считая его способнымъ превратиться въ разсадникъ, питомникъ и царство добродѣтели. И „одинаково не правъ онъ, связавъ любовь съ идеей пролетаріата", тогда какъ эта идея „предполагаетъ и требуетъ развитія, торжества и господства забытаго нами чувства товарищества".

Вникая глубже, расширяя вопросъ до его историческихъ краевъ, до его психологическихъ глубинъ, Соловьевъ находитъ, что тутъ, именно въ этомъ вопросѣ,

„мы не только передъ возрожденіемъ христіанства въ духѣ его, но и передъ одной изъ величайшихъ загадокъ арійскаго человѣчества, его цивилизаціи".

И эту „загадку" Соловьевъ формулируетъ такъ.

„Готовясь къ какому-нибудь важному дѣлу, стихійно предчувствуя приближеніе роковой минуты пересмотра и обновленія всей жизни, растерявшись среди разбитыхъ кумировъ, несбывшихся надеждъ, обломковъ разныхъ устоевъ, утомленное своей безпощадной борьбой за жизнь, за славу, за чувственныя наслажденія, напуганное малокровіемъ, малодушіемъ и развратомъ подростающаго поколѣнія—общество стихійно и необходимо обращается къ массѣ, къ нищетѣ, идеѣ пролетаріата за помощью и обновленіемъ... Еще

вчера эта оборванная, презираемая, униженная масса, этотъ высшій классъ рабочаго скота внезапно обращается въ свѣточъ, послѣднее пристанище. Дружный кликъ къ народу, въ народъ вырывается изъ груди растерянныхъ. Пойдемъ къ нищему, голодному и холодному! Спросимъ его, въ немъ поищемъ опоры! Онъ—чистый, онъ новый... Онъ внѣ нашего политиканства интригъ, нашего разврата! Въ немъ могучія, нетронутыя силы.

Такъ говорила римская цивилизація, встрѣтившись съ религіей рабовъ—христіанствомъ; такъ говоритъ и наша цивилизація, встрѣтившись съ идеей пролетаріата.

Что же, нищій, голодный, масса—не обманывали никогда. Не обманутъ они и теперь, если, отдышавшись, не обманемъ мы ихъ.

Но, повторяю, это обращеніе къ нищетѣ, къ голоду и рабству за новыми силами, за новыми путями—одна изъ величайшихъ загадокъ нашей цивилизаціи и нашего духа.

Что говоритъ она намъ? [1])

„ . . . . . “

На этихъ точкахъ оборвалась не статья о пролетаріатѣ, а жизнь Соловьева.

То, что осталось въ его бумагахъ по этому вопросу, пока не подлежитъ опубликованію,—если вообще допустимо обнародовать сырыя мысли, которыя могли измѣниться въ обработкѣ и передѣлкѣ, и для которыхъ владыкой должна бы навсегда быть лишь рука самого автора.

Но и то, что успѣло выйти въ болѣе, или менѣе законченномъ видѣ изъ подъ его пера, указываетъ на огромный интересъ, на большія раздумья, на серьезную пристальность, съ которыми авторъ

[1]) Евгеній Соловьевъ (Андреевичъ). Рабочіе люди и новыя идеи. (Послѣдніе труды). Съ портретомъ автора. Ц. 80 коп. Спб. 1906. стр. 185—201..

„Рабочихъ людей и новыхъ идей“ отнесся къ новому вопросу обновляющейся русской жизни.

Стремленіе къ обобщенію, неумѣнье ограничиваться лишь внѣшнимъ, вѣчная неудовлетворенность узостью рамокъ изслѣдованія, захваты въ ширь и въ глубь—сказались и здѣсь.

Въ пролетаріатѣ онъ усмотрѣлъ и почувствовалъ носителя новой религіи будущаго, и еще неформулированно, но уже близко подходилъ къ психологіи интеллигентскаго отношенія къ пролетаріату.

Въ корнѣ своемъ это поклоненіе интеллигента, конечно, лишь новая форма все того же дворянскаго покаянства, которое шло на смѣну дворянскому окаянству.

Несомнѣнно, что почтительное отношеніе къ пролетаріату въ интеллигентской массѣ есть всего только новый молебенъ предъ тѣнью великаго сапога.

Внезапность проявленія огромной вулканической силы, весь тотъ взрывъ, который произошелъ въ своемъ первомъ ударѣ еще при жизни Соловьева, въ своемъ второмъ — чрезъ нѣсколько дней послѣ его смерти, — смутилъ ту интеллигенцію, которая готова была еще такъ недавно благосклонно подарить свое милосердіе и сочувствіе рабочему классу, и которая теперь въ тайномъ изумленіи и уваженіи уже протягивала ему свою руку „товарища“.

Интеллигенція, чья вся идеологія, казалось, была

индивидуалистической, которая выдавала себя за самую настоящую ницшеанку, вчера еще презирала толпу и массу,—эта интеллигенція сегодня же спѣшила стряхнуть пыльной тряпкой своего страха вчерашній анархизмъ настроеній и пойти каяться, чего не просилъ у нея и чего не требовалъ отъ нея пролетаріатъ ни одной минуты.

Для Соловьева—публициста это была бы тема. И хотя очень отдаленно, она уже нащупывается кое-гдѣ въ его сочиненіяхъ. Почти навѣрно: онъ, бывшій товарищъ,—по „Жизни“,—Горькаго, вмѣстѣ съ нимъ пришелъ бы къ отрицательному взгляду на интеллигенцію, къ ея осмѣянію и обличенію, и именно имъ должна была написаться та карательная противъ массовой интеллигенціи статья, которая теперь такъ и осталась ненаписанной. Противъ той интеллигенціи, которая умѣла весело и побѣдоносно-вызывающе жестикулировать подъ яркимъ солнцемъ всходившаго новаго дня. Но безъ солнца, — какъ только зашло оно,—эта же интеллигенція побѣжала домой, чтобы суетливо и торопливо смѣнить свою нелегальную косоворотку на корректный чиновничій мундиръ.

10.

Евгеній Соловьевъ умѣлъ любить и не бояться, привѣтствовалъ и зажигался радостью. Его не пугало новшество, непривычное не отталкивало его;

не мучило рѣзкое. Вѣра въ будущее глубокой волной выступаетъ въ его сочиненіяхъ, молодое всегда ему было близко и дорого,—пессимизмъ далекъ, и, весь искренній и ищущій, покойный критикъ умѣлъ находить новаторовъ, ободрять молодость, а для этого стоило жить. „Я лично напримѣръ“,—писалъ онъ,—„склоненъ сдѣлать ту ошибку, чтобы предоставить имъ полный просторъ, чѣмъ наложить на на нихъ какія бы то ни было стѣсненія правилъ, теоріи догмы, тенденціи, даже красоты и пользы“. (Жизнь, 1900).

Молодые причетники умирающей критики считаютъ, конечно, ниже себя и опаснымъ для литературы привѣтствовать какое-нибудь красивое salto-mortale изнемогающаго въ избыткѣ силъ и страсти таланта, боятся юности и закрываютъ свои ослѣплые глаза кротовъ. Евг. Соловьевъ—не изъ нихъ и не имъ чета.

Онъ могъ смѣяться добрымъ смѣхомъ надъ ультрафіолетовыми людьми будущаго, но и тогда, когда смѣялся, вѣрилъ въ судьбу новаторовъ русской литературы, искусства и жизни, и это будущее,—убѣжденный демократъ,—онъ опять-таки ставилъ въ связь съ повышеніемъ и съ пробужденіемъ индивидуальнаго классоваго сознанья. „Должна настать пора“, —замѣчаетъ онъ, — „новаго блеска въ нашей литературѣ, но не раньше, чѣмъ прояснится сознаніе массъ“.

Знамя свободы творчества Соловьевъ никогда не

выпускалъ изъ рукъ, освобожденіе мысли было его девизомъ, ея независимость—закономъ. Она должна быть не этической, какъ у Толстого, какъ у литературы 70-хъ годовъ, какъ христіанская мысль вообще, а свободной и творческой.

Чуждый метафизики, неизмѣнно въ прямой послѣдовательности съ лучшими завѣтами прошлаго, индивидуальнѣйшій индивидуалистъ, пламенный идеологъ правъ на жизнь и независимость творчества, весь въ мечтахъ о лучшей и великой будущности пролетаріата, онъ былъ далекъ отъ теоретиковъ неоидеализма, не забрелъ въ лагерь доктринеровъ и, отрѣшившись отъ культа народничества, лишь на время остался во власти марксизма, и то дорожа имъ только въ видахъ пролетарскаго индивидуализма,—въ его глазахъ марксизмъ былъ „религіей все того же пролетаріата“.

Критики Соловьева съ особеннымъ чувствомъ любили подчеркивать неряшливость его писаній, спѣхъ его книгъ, небрежность его мысли. И принимали за неряшливость—нервность, за спѣшность—темпераментъ, въ легкости и быстротѣ обобщеній видѣли небрежность, типографскія ошибки выписывали на счетъ незнаній, неловкую корректуру принимали за развязное отношеніе къ именамъ и

цитатамъ. А это былъ удивительный по усидчивости работникъ, рѣдкій по многосторонней начитанности писатель, ясный, въ прозрачности своей мысли, философъ, кропотливо учившійся, тихо и много читавшій, о всемъ передумавшій, во всемъ разобравшійся, съ острымъ литературнымъ чутьемъ, съ хорошей, скупой памятью, — изъ тѣхъ, что берутъ жадно и ничего не отдаютъ времени, памятью-копильщицей, памятью - Плюшкинымъ, памятью - ростовщикомъ, умѣвшимъ наживать, и съ умомъ—мотомъ, любившимъ разбрасывать золото идей направо и налѣво, транжирившимъ свое богатство одинаково въ книгахъ, какъ въ мелкихъ журналахъ, въ серьезныхъ статьяхъ, какъ въ газетныхъ строкахъ. Все же это—только одна сторона Соловьева, правда, болѣе извѣстная, правда, болѣе бросавшаяся въ глаза,— все-таки только одна.

То, что дѣлалось днями и вечерами, ночами и утрами, наединѣ съ зеленымъ абажуромъ рабочей лампы, съ бѣлымъ листомъ бумаги, съ своей записной книжкой и томами философіи, соціологіи, экономики и литературы,—эта тихая, эта закулисная, сладкая и тяжелая работа писателя оставалась въ тѣни тѣхъ видимыхъ строкъ, которыя публика (и—увы! — и критика!) только и умѣли видѣть на столбцахъ газетъ, или журнала. Его постоянная фраза была одна: „Надо учиться“. Онъ и умеръ съ этимъ,—съ книгою въ рукахъ, и этой книгой былъ Ж. Ж. Руссо.

ПЕТРЪ ПИЛЬСКІЙ.

Въ сущности, ни одна изъ книгъ Соловьева не написана сразу. Всѣ они—плодъ годовъ, выношенныя дѣти, результаты многолѣтняго утробнаго питанія, сумма тысячъ его тетрадныхъ, тайныхъ, скрытыхъ записей,—этого, по натурѣ, тоже тайнаго и тоже скрытнаго человѣка.

Его „Очерки по исторіи литературы“ вынашивались, вызрѣвали, писались и передѣлывались больше, чѣмъ въ теченіе трехъ лѣтъ. Громаду труда взялъ для себя „Опытъ философіи русской литературы“. Его созданіе было періодомъ нужды и всякихъ лишеній. Ради него были брошены всѣ работы, въ теченіе цѣлыхъ девяти послѣднихъ мѣсяцевъ не была написана ни одна строка ни въ одинъ журналъ, ни въ одну газету: это—трудъ-баловень, трудъ-любимецъ, трудъ-синтезъ и исповѣдь. Онъ и написанъ съ какой-то интимной и радостной, простой и искренней любовью, совсѣмъ простымъ, на рѣдкость точнымъ языкомъ; въ немъ почти ни одного образа, ни одного сравненія. Здѣсь мысль писателя достигла своей высшей точности, той хрустальной прозрачности, какая пріобрѣтается у тѣхъ, кто выяснилъ и опредѣлилъ себѣ все до мелочей и деталей и также точно, и также ясно,—съ какой-то особенной учительской и вмѣстѣ любовной осторожностью, ровнымъ голосомъ,—объ этомъ разсказываетъ другимъ.

Начиная съ первыхъ строкъ Скрибы (псевдонимъ Евг. Соловьева), проникая его біографическія кни-

жечки, писанныя имъ для библіотеки Павленкова, его статьи и въ „Жизни“ (за подписью Андреевичъ), въ „Научномъ Обозрѣніи“, въ „Журналѣ для всѣхъ“ (псевдонимъ: Мірскій), его „Очерки изъ исторіи русской литературы XIX вѣка“, по своему написанные, ни на кого непохожіе, согрѣтые особенной любовью, связанные единой ищущей мыслью; его серьезный и оригинальный „Опытъ философіи русской литературы“, наконецъ, даже его газетные фельетоны въ „Руси“ (псевдонимъ: Анд. и Ан.) и „Одесскихъ Новостяхъ“ (Скриба)—черезъ всѣ эти сотни печатныхъ листовъ проходитъ одна и та же идея,—она одна волнуетъ, мучитъ, зажигаетъ и окрыляетъ покойнаго. Это — идея освобожденія личности, идея автономнаго существованія на землѣ человѣка, его независимости, красоты, и доблести, и силы. Въ вѣкъ замурованныхъ сердецъ, въ тусклую эпоху 80-хъ годовъ, въ сипягинское и плевенское время голосъ Андреевича-Соловьева раздавался, какъ звонъ предчувствія утра.

Но на зарѣ его умеръ звонарь,—„на рубежѣ земли обѣтованной“. Судьба надъ русскимъ писателемъ шутитъ злыя шутки, заставляя умирать не во время, жить безъ радости, работать случайно, мало смѣть и мало мочь, сотрудничать не тамъ, гдѣ хочется, „историку литературы“ помѣщаться на газетныхъ листахъ.

II.

Конечно, не все въ писаніяхъ Евг. Соловьева цѣльно и стройно. Но въ нихъ много нужнаго, много яркаго, выпуклаго и вѣрнаго,—и это заслуга большая для человѣка и писателя той политической и общественной ночи, тѣхъ мглистыхъ сумерекъ,—когда всѣ кошки сѣры,—въ которыя пришлось ему жить, учиться, работать и учить. А самъ Евг. Соловьевъ навсегда останется характерной, любопытной и въ высшей степени интересной иллюстраціей тѣхъ горестей и печали мысли, которыя пришлось вынести на своихъ плечахъ ему и его сверстникамъ.

Но онъ же—лучшее и живое доказательство того, что наиболѣе чуткіе изъ этихъ сверстниковъ, наиболѣе честные и пламенные, наиболѣе сильные и бодрые шли и тяготѣли къ пролетарской идеологіи, къ заботамъ и тревогамъ о пролетарской судьбѣ, къ мечтаньямъ о лучшемъ будущемъ все того же пролетаріата, къ пролетарскому индивидуализму, къ „осаннѣ“ и хвалѣ освобождающейся личности.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Евг. Соловьевъ останется для всѣхъ, его читавшихъ, дорогимъ воспоминаніемъ о бодрыхъ впечатлѣніяхъ, которыя всегда выносились изъ его книгъ, изъ его статей и даже замѣтокъ. Чѣмъ-то молодымъ, чѣмъ-то отважнымъ, юнымъ и радостнымъ вѣетъ отъ всей его литературной дѣятельности, отъ его безстрашныхъ нападокъ, пря-

мой и рѣзкой полемики, бурнаго паѳоса, нѣжной лирики, открытой защиты, упорнаго заступничества, глубокой любви и свирѣпой ненависти къ пошлости.

Въ его писаньяхъ много благородства, гордости и силы.

Если этого мало для патента на талантливость, то мы не забудемъ еще его рѣдкаго языка, его четкихъ формулъ, неожиданныхъ мыслей, прекраснаго стиля. Мало этого?—Мы вспомнимъ его умъ, его блескъ, его свѣтъ и тѣ радости, которыя онъ несъ къ намъ съ собой, въ своемъ гнѣвномъ сердцѣ, въ своей умѣвшей пѣть и чувствовать, страдать и плакать, будить и окрылять душѣ. А этого достаточно для человѣка вообще, для писателя въ особенности, для русскаго писателя—тѣмъ болѣе, для русскаго писателя эпохи сломившихся силъ и отчаявшихся душъ—вдвойнѣ.

Но, можетъ быть, это былъ писатель безъ выдержки, мыслитель безъ новой системы, литераторъ безъ стилистическаго новаторства, историкъ безъ архивныхъ знаній, филологъ безъ оффиціальной учености.

Зато это былъ публицистъ съ дальнозоркостью, литературный философъ съ оригинальнымъ міровоззрѣніемъ, полемистъ съ огнемъ и бунтарскимъ темпераментомъ, журналистъ съ дерзкимъ паѳосомъ, критикъ съ острымъ слухомъ и настоящимъ чутьемъ, стилистъ съ красотой и точностью,

умница съ большой наблюдательностью и мощью широкихъ обобщеній, человѣкъ съ крылатой душой, рвущейся мыслью, неугомоннымъ безпокойствомъ и горячимъ пылающимъ сердцемъ бойца.

И что-жъ удивительнаго, что это сердце повстанца и бунтаря, горѣвшее и терзавшееся, такъ скоро перестало биться?

МАРКСИСТСКАЯ КРИТИКА.

1.

Среди пишущихъ по-русски людей есть много способныхъ, легко схватывающихъ, недурно разсуждающихъ, ловко наблюдающихъ, много неглупо умничающихъ и это, должно быть, оттого, что среди пишущихъ по-русски людей очень мало дѣйствительно умныхъ,—умныхъ умнымъ умомъ. И жаль, что до сихъ поръ никому не пришла въ голову счастливая мысль съ этой точки зрѣнія переоцѣнить наши литературныя цѣнности. Въ одной изъ своихъ статей, странно названной „Асфодели и ромашка“, Д. Мережковскій припоминаетъ свои встрѣчи съ покойнымъ Чеховымъ.

Въ ту пору авторъ „Антихриста“ „былъ молодъ, и ему все хотѣлось поскорѣе разрѣшить вопросы о смыслѣ бытья, о Богѣ, о вѣчности“. „И я предлагалъ ихъ Чехову, какъ учителю жизни. А онъ сводилъ на анекдоты, да на шутки“.

„Говорю ему, бывало, о „слезинкѣ замученаго ребенка“, которой нельзя простить, а онъ вдругъ

обернется ко мнѣ, посмотритъ на меня своими ясными, не насмѣшливыми, но немного холодными, „докторскими“ глазами и промолвитъ:

— А, кстати, голубчикъ, что я вамъ хотѣлъ сказать: какъ будете въ Москвѣ, ступайте-ка къ Тѣстову, закажите селянку — превосходно готовятъ,—да не забудьте, что къ ней большая водка нужна.

„Мнѣ было досадно, почти обидно: я ему о вѣчности, а онъ мнѣ о селянкѣ. Раздражало это равнодушіе, даже какъ будто презрѣніе къ міровымъ вопросамъ; я начиналъ подозрѣвать Чехова въ „отсутствіи общихъ идей“.

Но потомъ Д. Мережковскій примирился съ отвѣтной селянкой, ибо понялъ, что „святость — молчать о святомъ“.

А я думаю, что Мережковскій не совсѣмъ понялъ, потому что тутъ была встрѣча не свято молчащаго со свято говорящимъ, а человѣка просто умнаго—съ человѣкомъ, иногда склоннымъ поумничать.

2.

Въ то время, какъ умъ ясенъ, точенъ и порывистъ,—умничанье всегда расплывчато, неясно, несоразмѣрно.

Умъ достовѣренъ и убѣдителенъ, умничанье туманно, тягуче и тускло.

Умъ дѣйствуетъ на все существо, покоряетъ всего человѣка, ломаетъ жизни и души, но умничанье нестрашно, ибо его власть всегда была основана на нашемъ непрочномъ довѣріи къ внѣшнимъ построеніямъ формальной логики. Умничанье искусственно, всегда тепловато, всегда равнодушно, его сила коротка, и, если оно когда-нибудь кого-нибудь пугало, то только, какъ мертвая маска всегда живого, всегда подвижнаго,—ибо всегда искренняго,—ума.

И Толстой—уменъ, уменъ Пушкинъ, уменъ былъ Чеховъ, а умничали и много — Тургеневъ и Надсонъ, какъ сейчасъ много умничаетъ Философовъ, какъ умничаетъ, напримѣръ, нѣкто Эллисъ въ „Вѣсахъ“ рядомъ съ просто умнымъ Брюсовымъ, какъ сугубо и холодно умничаютъ въ „Литературномъ распадѣ“ *) „участники, стоящіе на почвѣ пролетарскаго міровоззрѣнія въ его единственно-научной формѣ—марксизма“, рѣшившіеся сообща доказать, что „цѣнности литературнаго модерна созданы расколотымъ міромъ, чующимъ надвигающуюся гибель“.

Но, повидимому, „чуя“ и свою собственную, гораздо худшую „расколотость“, они, скрѣпя сердце, должны были заранѣе сдѣлать балетный жестъ: и у нихъ самихъ нѣтъ, видите ли, „единообразія въ оцѣнкѣ отдѣльныхъ явленій современной литературы“.

*) Литературный распадъ. Кн—во „Зерно“, Спб., 1908.

И собствено уже послѣ этого заявленія мы могли бы имъ сказать „до свиданья“, чтобъ встрѣтиться съ ними въ ту пору прекрасную, когда они заштопаютъ дыры на своемъ легкомъ и ненадежномъ плащѣ. И въ самомъ дѣлѣ, постоянный читатель этихъ авторовъ, стоящихъ на единственно научной почвѣ“, слѣдившій за своими руководителями и пробовавшій систематизировать ихъ идеи, долженъ былъ растеряться и въ своемъ отрицаніи и въ своихъ симпатіяхъ.

Не говорю о мелочахъ и пустякахъ, — излюбленныхъ предметахъ вниманія г.г. „участниковъ“— но, вотъ, большой и сложный, быть можетъ, центральный вопросъ: объ отношеніяхъ къ натурализму. Вѣдь рѣчь идетъ не больше не меньше, какъ о будущихъ судьбахъ искусства, о грядущей новой эстетикѣ, объ отживающей литературѣ буржуазіи!

3.

Я очень хорошо помню, какъ предтеча сборника, — тоже сборникъ: „Очерки реалистическаго міровоззрѣнія“, — безповоротно и рѣшительно осудилъ натурализмъ, признавъ его убогимъ и трусливымъ наслѣдіемъ умирающей буржуазіи, характеризующимъ застой и самодовольство. Помнится, Луначарскій посвятилъ тамъ этому вопросу немало горячихъ строкъ, и мы ихъ вспомнимъ здѣсь, чтобы сравнить благожелательное и мирволящее отношеніе

къ натурализму первосвященника новаго сборника, г. Ю. Стеклова: „Въ натурализмѣ заключалось здоровое и чреватое художественными результатами зерно: объективное изученіе дѣйствительности и безбоязненная критика, составляющая основной импульсъ прогресса“.

Ну, чего же больше?

Но этого мало:

„Этими сторонами онъ примыкалъ къ тому широкому и плодотворному реалистическому движенію, которое со второй половины XIX столѣтія начало проявляться во всѣхъ областяхъ жизни цивилизованныхъ народовъ: философскимъ его выраженіемъ былъ матеріализмъ, соотвѣтствующій настроенію здороваго и прогрессивнаго общественнаго класса, предъ которымъ открывается широкое будущее, и который чувствуетъ въ себѣ огромный запасъ творческихъ силъ“.

Такъ выходитъ по Ю. Стеклову и по сборнику № 2. А вотъ по Луначарскому, помѣстившемуся рядомъ съ нимъ, и по сборнику № 1 выходитъ такъ, что и самъ реализмъ въ основѣ имѣетъ только типичность, что назначеніе его лишь познавательное, и что онъ безъ романтическаго взрыва и романтическихъ вздоховъ консервативенъ, узокъ и свойственъ исключительно ограниченнымъ классамъ *)!

*) „Очерки реалистич. міровоззрѣнія“. Статья А. Луначарскаго: „Основы позитивной эстетики“.

Поймите послѣ этого такихъ объединенныхъ участниковъ, стоящихъ на единственно-научной почвѣ, обличающихъ „литературный распадъ“, объявляющихъ свой „принципіальный разрывъ“, гордо указующихъ на „расколотость міросозерцанія“ современниковъ, лѣпящихъ глиняное будущее русскихъ литературныхъ цѣнностей!

„Мелочь!“

Нѣтъ, это не мелочь, это далеко не мелочь. Это—не пустякъ вообще—то или иное наше отношеніе къ цѣлымъ теченіямъ, и это просто центральный вопросъ тогда, когда надъ живыми всходами настоящаго самозванные попы кадятъ могильнымъ ладаномъ изъ своихъ недодѣланныхъ кадилъ, когда во имя туманнаго словеснаго журавля въ невидимомъ бутафорскомъ небѣ пустыхъ фразъ—у насъ отнимаютъ то единственное, чѣмъ мы горды и богаты сейчасъ, то единственно революціонное, что есть русская литература,—и бунтъ ея сердецъ, и пламя, и гнѣвъ ея душъ и умовъ. Ибо надо знать, по крайней мѣрѣ, чего не любишь, если не знаешь, во имя чего ростишь свою ненависть.

4.

„Марксизмъ“, „Марксъ“. Да, это, конечно, дубъ зеленый у вашего бѣднаго и убогаго лукоморья,—„златая цѣпь на дубѣ томъ“.

Но у Чехова герою, рѣшившемуся стать пролетаріемъ, между прочимъ заявляютъ:

— И говорю съ вами только изъ уваженія къ вашему почтенному батюшкѣ, а то бы вы у меня давно полетѣли.

На что неудавшійся пролетарій отвѣчаетъ со справедливой скромностью:

— Вы слишкомъ льстите мнѣ, полагая, что я умѣю летать.

Но и самъ вашъ, дѣйствительно, „почтенный батюшка“ однажды вынужденъ былъ замѣтить:

— Если это—марксисты, то не марксистъ я!

Не о васъ, „распадчикахъ“, конечно,—но о подобныхъ вамъ, схожихъ, близкихъ, и такъ же, вотъ, какъ вы, не умѣющихъ летать,—ползучихъ и безкрылыхъ, и, въ сущности, едва ли очень грамотныхъ, потому что нельзя говорить:

„Возмутиться грубому (ымъ?) насилію (емъ?), безсознательному (ымъ?) издѣвательству (омъ?)“ и т. д., и т. д., и т. д.

И мнѣ смѣшно видѣть, какъ скучной ночью вашъ „коллективный“ „котъ ученый все ходитъ по цѣпи кругомъ“, ни разу не переставивъ даже края ноги за черту этого заколдованнаго круга, ничего не придумавъ, кромѣ этого безцѣльнаго самоохаживанья на прочной кордѣ своего безсилія и своей слѣпоты. Мнѣ смѣшны, вы вдругъ-эстетики, съ вашими самоувѣренными жестами, съ вашими установившимися ликами мумій, толкующіе

на непонятномъ вамъ самимъ языкѣ о непонятныхъ и чуждыхъ вещахъ, разводящіе холодными руками мертвецовъ чужую вамъ бѣду и не умѣющіе приложить вашего окандаленнаго ума къ своей—несравненно и неисчислимо большей.

Конечно, г. Плехановъ — умница, а А. Луначарскій и Ю. Стекловъ умничаютъ, и это еще все-таки терпимо, потому что ихъ сосѣди по „сборнику“, всѣ эти г.г. Ивановичи и Войтоловскіе не умѣютъ даже и этого.

Но и Плехановъ—развѣ онъ, все время опираясь на „единственно-научное“ міросозерцаніе, не сталъ втупикъ предъ исполинской фигурой Ибсена *), развѣ онъ не развелъ руками предъ вопросомъ какъ такъ „мастеромъ драмы въ современной всемірной литературѣ могъ сдѣлаться (!!) представитель одной изъ самыхъ неразвитыхъ европейскихъ странъ“, развѣ не онъ, не Плехановъ, истолковалъ „наивность доктора Стокмана“ тѣмъ, что онъ обращался не къ тому „классовому самосознанію“, къ которому слѣдовало, и, процитировавъ знаменитый монологъ Бранда („Юныя, бодрыя души, за мной!“) развѣ не онъ искалъ врага, на котораго надо „ударить всей силой“, недоумѣвалъ, „за что именно нужно биться“, и въ чемъ состоитъ „все“, которому въ горячей проповѣди Бранда противостоитъ „ни-

*) Г. Плехановъ. Генрихъ Ибсенъ. Изд. „Библіотеки для всѣхъ“.

чего",—и такъ и не понялъ, какъ можно дорожить „бунтомъ ради бунта"?!

А, вѣдь, рѣчь шла о критикѣ искусства, ужъ конечно, совсѣмъ не о критикѣ тактики с.-д.-ской, или другой политической партіи въ „освободительномъ движеніи".

И кстати объ этомъ терминѣ. Г. Стекловъ грозно и рѣшительно заявляетъ, что надо разъ на всегда не допустить эротомановъ „присосѣдиться къ великому освободительному движенію трудящихся", и употребляетъ этотъ терминъ въ очень серьезномъ и, конечно, положительномъ смыслѣ. (Литературн. Распадъ, стр. 55).

А, вотъ, черезъ нѣсколько страницъ г. Троцкій, упоминая „освободительное движеніе", обязательно ставитъ его въ ковычки и тотчасъ же отъ него отмахивается: „говоря отвратительнымъ жаргономъ либеральной прессы" (ibid. 219).

Милостивые государи, договоритесь!

5.

Но, еще разъ: это кстати, ибо договариваться „участникамъ" нужно начинать, конечно, не съ такихъ вещей („мелочь"?), ибо они не рѣшили гораздо болѣе важныхъ, болѣе серьезныхъ, дѣйствительно, коренныхъ вопросовъ.

Оставаясь послѣдовательными до конца и разсматривая литературныя явленія съ этой (плеха-

новской) точки зрѣнія, примѣняя методъ и дальше, гг. участникамъ слѣдовало безповоротно осудить Корделію: помилуйте,—дочь короля, наслѣдіе власти, отпрыскъ самодержавнаго правительства! Идеализація Корделіи — лишь признакъ глубоко буржуазнаго міросозерцанія! Но если еще можно простить это—ну, хоть ради того, что Керделія—все таки женщина, то что сказать о Гамлетѣ, этомъ „датскомъ принцѣ“? Развѣ всѣ его трусливыя, колеблющіяся слова, это позорное „быть или не быть“, развѣ все его малодушіе и этотъ совѣтъ Офеліи идти въ монастырь (въ монастырь!)—развѣ все это не признаки, не явные симптомы буржуазной дряблости, разваливающейся власти, гніющаго ядра души?

Воображаю такого рода переоцѣнку „Войны и Мира“, самого Пушкина, гетевскаго „Фауста“?

При большей послѣдовательности трезвымъ участникамъ сборника, въ ихъ полемикѣ съ метафизикой, слѣдовало бы начать именно съ того доктора, который „и богословіе съ правами, и медицину изучилъ“.

Вы только подумайте: богословіе!—Вспомнимъ, затѣмъ, что Фаустъ въ жаждѣ познанія „тайниковъ мірозданія“ прибѣгъ даже (легко сказать!) къ магіи!

Нѣтъ! если объединенные „участники“ „Литературнаго Распада“ и правы, то они—непослѣдовательны, если имъ радостны ихъ выводы первые,

имъ страшны ихъ послѣдніе выводы, и это—важно.

Но дальше.

6.

Г. Стекловъ категорически заявляетъ о Ѳедорѣ Сологубѣ: „читатель былъ бы вправѣ посмѣяться надъ страннымъ авторомъ и брезгливо пройти мимо его эротомано-мистическаго бреда“ („Лит. Распадъ“, стр. 54).

А вотъ, Михаилъ Морозовъ,—совсѣмъ наоборотъ,—въ томъ же самомъ сборникѣ поетъ „о прелестномъ разсказѣ Ѳ. Сологуба“ (стр. 280).

И если г. Стекловъ именно по поводу Ѳ. Сологуба говоритъ о „недопущеніи этихъ господъ и дамъ“ къ „освободительному движенію“, то его collega заявляетъ опредѣленно, что „революція отразилась на мрачныхъ разсказахъ Ѳ. Сологуба“ (стр. 281).

Если г. Стекловъ удивляется, какъ это въ „Шиповникѣ“ рядомъ съ Андреевымъ, Буниным и Куприным „чернымъ по бѣлому“ можетъ быть печатаемъ Ѳ. Сологубъ, то авторъ статьи „Предъ лицомъ смерти“ тоже чернымъ и тоже по бѣлому пишетъ про сологубовскій „блестящій талантъ„ (стр. 283).

И если сосѣдство Ѳ. Сологуба, по г. Стеклову, компрометируетъ Леонида Андреева, то, по Луначарскому, и самъ Андреевъ немногаго стоитъ, превращая отрицаніе въ пошлость (стр. 176).

клевеща на рабочій классъ (стр. 176),

представляя собою „мѣщанина“ (стр. 178), понимая революцію ниже и хуже „любого гимназиста“ (стр. 177).

Милостивые государи, договоритесь! Милостивые государи, гдѣ же „распадъ“?

И если въ статьѣ г. Каменева Брюсовъ величается „молотобойцомъ и ювелиромъ“ (стр. 73),

„не побоявшимся и успѣвшимъ пройти по всѣмъ путямъ борьбы со старой жизнью“ (стр. 72),

„десять лѣтъ боровшимся за право дать „скульптуру“ и признается „величайшимъ изъ поэтовъ современности въ Россіи“ (стр. 93),

то немногими страницами раньше Ю. Стеклову, какъ всегда, это не мѣшаетъ презрительно отозваться о „г-нѣ Брюсовѣ“, какъ о „декадентѣ“ (стр. 23).

И, вотъ, надо просто сказать: или вы, господа, не знаете, о чемъ и о комъ говорите, или вы завѣдомо подмѣниваете термины для вящшей убѣдительности своихъ рѣчей.

Словомъ, или вы другихъ путаете, или путаетесь сами, ибо никакого декадентства давнымъ давно уже нѣтъ (не г. Рукавишникова же брать въ счетъ!), и ужъ, конечно, давно не декадентъ самъ В. Брюсовъ. Декадентство давно исчезло и безъ васъ, и было бъ грустно, если это разрушеніе приписали бъ своей чести вы, пришедшіе сюда къ разбору шапокъ.

...Со страницы 299 начинается статья М. Горькаго и называется она „О цинизмѣ“, а на стр. 28

нельзя не узнать, что „декаденты“ „на мѣсто психологіи трезвеннаго мѣщанства пытаются подставить психологію пьяныхъ феодаловъ, гвардейскихъ офицеровъ и босяковъ“, и „отъ проповѣдуемой ими любви разитъ конюшней и низкопробнымъ лупанаромъ“.

Такъ вотъ: что, еслибъ на мѣста этихъ неизвѣстныхъ подставить точныя имена и опредѣленныя заглавія, что, если вмѣсто „поэтъ босячества“, мы просто скажемъ „Максимъ Горькій“, вмѣсто туманныхъ общихъ фразъ назовемъ „Вареньку Олесову“, что если на встрѣчу негодованію на то, что современные авторы такъ близко знаютъ бытъ и жизнь пансіоновъ безъ древнихъ языковъ, въ нашей памяти встанетъ „Васька Красный“?

Что тогда?

Наконецъ, если мы просто заявимъ, что Валерія Брюсова и Бальмонта однимъ изъ первыхъ авторитетныхъ голосовъ призналъ одиннадцать лѣтъ тому назадъ... тотъ же Максимъ Горькій въ „Нижегородскомъ Листкѣ“?

Развѣ это не „объединенный разбродъ“, не „распадъ“, не разладъ умовъ и душъ, не разломъ міросозерцаній, не расколъ головъ?

Гдѣ же „цинизмъ?“

И опять: какой туманъ долженъ стоять въ головѣ наиболѣе внимательнаго читателя этихъ „объединенныхъ“ „единственно-научной“ формой авторовъ?

7.

По г. Стеклову, Метерлинкъ—примѣръ „настоящаго безумія“, „намѣреннаго шутовства и кривлянья“, надъ чьими произведеніями „властно носится тлѣніе всепобѣждающей смерти“. А по г. Луначарскому, въ Метерлинкѣ надо „привѣтствовать новаго борца за реальное счастье людей на землѣ“ *), „чудесное соединеніе философскаго глубокомыслія, горячаго чувства и поэтическаго дарованія“ **): „Метерлинкъ призываетъ звѣзды въ небѣ, необъятность вселенной, прошлое и будущее“ ***).

Что же это такое, наконецъ? „Распадъ“ или издѣвательство?

Охотно допущу, однако, что вы сумѣли бы, если не примирить и объяснить свои противорѣчія, то, по крайней мѣрѣ, оправдать ихъ сложностью вопросовъ, „трудностью эпохи“, склонностью вѣрующихъ къ увлеченью и преувеличенью. Но мы сами, на которыхъ ваши Ивановичи нападаютъ съ пѣной у рта, — сами мы не хотимъ и оправдываться, а лично я, пишущій эти строки, уже объяснялъ и мое разочарованіе, и его причины, и всю внутреннюю его тягость для меня и больше не хочу не разсказывать себя, ни себя оправдывать. Но пусть запомните и вы, стоящіе на „единственно-научной“ почвѣ, что отъ противорѣчій и взаимныхъ внутреннихъ

*) А. Луначарскій. Этюды критическіе и полемическіе, стр. 153.
**) ibid. стр. 152.
***) ib. стр. 125.

столкновеній васъ не спасла и эта „почва“, и потому бросьте подбочениваться и вмѣсто „руки въ боки“ возьмитесь ими за голову и просто, спокойно подумайте надъ всѣмъ тѣмъ, на что вы хотѣли наступить, и что своей огромной тяжестью теперь—увы!—легло на васъ.

Пока что, искусству вы были далеки и чужды, съ русской литературой и съ лучшими преданіями ея критики вы никакъ и ничѣмъ не связаны, и ни для той, ни для другой пока вы не ударили палецъ о палецъ.

И „въ мірѣ есть много вещей, которыя надо совершить, и очень мало такихъ, которыя надо было бы знать“, но убѣждать васъ, милостивые государи, въ этомъ просто не хочется. И для той задачи, которую вы захотѣли, по странной прихоти, взвалить на свои плечи, вамъ не хватаетъ силъ, ибо еще можно читать гг. Каменева и Троцкаго, пожалуй, не соглашаться съ Луначарскимъ, но съ гг. Ивановичами даже просто не разговариваютъ,—по исключительной смѣси въ нихъ наглости и непониманія *).

8.

Я не знаю, взяли ли сами участники на себя трудъ пересмотрѣть ихъ сборникъ,—явный плодъ

*) Справедливость требуетъ замѣтить, что во второмъ сборникѣ „Распада“ Ст. Ивановича уже не оказалось.

любви несчастной, — а слѣдовало бы: пересмотрѣвъ,—можетъ быть, устыдились бы и они.

Въ самомъ дѣлѣ, облить презрѣніемъ и назвать собирательнымъ именемъ Терсита „Достоевскаго, Л. Толстого и В. Соловьева“ (стр. 41),

облить общими помоями Л. Андреева и Гиппіусъ, Бердяева и Брюсова, Каменскаго и Мережковскаго, Вячеслава Иванова и Арцыбашева, Блока и Зайцева, Сергѣя Городецкаго и Зиновьеву-Аннибалъ, Струве и Розанова,—безстыже провозгласить: „похабщина—вотъ лозунгъ момента“ (стр. 50),

ничего не оставить, все оплевать, принять гордую позу, ничего не разъяснивъ, укорять въ противорѣчіяхъ и создать такую нарочито густую паутину пустяковъ и такую хитрую сѣть литературной лжи и невѣжества, охаять всѣ журналы, излаять всѣ газеты, сшить какое-то безвкусное и пестрое лоскутное одѣяло, ничего не дать и съ громкой и наглой праздничной гармоникой пройти мимо честного люда,—продѣлать всю эту блинную вакханію именинаго настроенія — такъ вотъ что значитъ „стать на почву пролетарскаго міровоззрѣнія въ его единственно-научной формѣ — марксизма?!!“ Но чего же достойны уши, потерявшія способность слышать стыдъ собственныхъ словъ?

ОБЪ АНТОНѢ КРАЙНЕМЪ (З. ГИППІУСЪ) И О НАШЕМЪ ВРЕМЕНИ.

1.

Воздушный поэтъ Сергѣй Городецкій въ „Золотомъ Рунѣ“ какъ-то открылъ, что наше время „глухое“. Я думаю, что оно не глухое, а просто глупое.

Хорошо „глухое“ время, если у всѣхъ теперь такъ развитъ слухъ, что не отличишь чужого отъ своего, и живого отъ мертваго! Стала ужасно легкой переимчивость, и наши литературныя мартышки всѣ ходятъ сейчасъ въ чужихъ очкахъ, совершенно напрасно прижимая ихъ къ своему темени.

Въ самомъ дѣлѣ, никогда еще не было общества, столь довѣрчиваго и такъ легко убѣждаемаго, какъ нынѣшнее. Вѣрятъ всѣмъ и всему. Какъ-то жалко разучились противорѣчить. Вездѣ какое-то неврастеническое безсиліе и истерическая подчиняемость.

Только этимъ объясняется жидкая, но все же широкая извѣстность, завоеванная холопами слова, пухлыми ничтожествами и отпѣтыми мальчиками.

ПЕТРЪ ПИЛЬСКІЙ.

Литература послѣднихъ пяти—десяти лѣтъ навсегда останется любопытнѣйшимъ временемъ, эпохой-маседуанъ, собравшей свои мысли, какъ шишки, съ бору и съ сосенки.

Будущему романисту, бытописателю, историку эти годы дадутъ неисчерпаемый матеріалъ.

У Ницше въ его „Антихристѣ“ есть интересная и колкая, острая мысль.

„Тотъ странный и больной міръ, — говоритъ онъ,—въ который вводятъ насъ евангелія,—міръ, словно изъ русскаго романа... Происходитъ rendez-vous отбросовъ общества, нервныхъ страданій и дѣтскаго идіотизма“.

Развѣ это не про наше „сегодня“? Развѣ это не формула нашего горькаго и горьковскаго пятилѣтія? Сплелись какіе-то концы безъ началъ; слѣдствія безъ причинъ, пришли смерти еще нерожденныхъ.

Бердяевъ въ одной изъ своихъ статей печалуется на нашъ нигилизмъ и на подростающее „хулиганское поколѣніе“, построившее свою жизнь и будущее на единственномъ принципѣ эгоистическаго самоутвержденія. Но то, что происходитъ въ литературѣ, хуже во сто кратъ.

2.

Развѣ не смѣшны и не жалки всѣ эти вызовы въ стихахъ и въ прозѣ, посылаемые богу въ тонѣ грубящаго директору письмоводителя?

Развѣ не смѣшны всѣ эти юродивые выкрики идіотскихъ „пророчествъ“ и безграмотныхъ „запо-

вѣдей“ на дикую тему о томъ, что я „сынъ вселенной и вѣковъ“? А это упрямое воровство стилей, этотъ постоянный бѣгъ къ какому-то призовому столбу глупости?

Это щегольство пустыми риѳмами, это коверканье андреевскаго языка, брюсовскихъ стиховъ, упрямое самоослѣпленіе, ничѣмъ непобѣдимая рабья привычка идти въ шорахъ, это торжество грубости, лакейства и бездарности?

Неужели это человѣческій языкъ у—даровитаго въ общемъ—Сергѣева-Ценскаго, когда онъ описываетъ свои „колѣна Огромнаго“?

„Колѣна Огромнаго; на рукахъ свѣтятся жилы. Тьма кругомъ и потому такъ ярки огненныя колѣна. И словно изъ огня,—брызжутъ ракеты словъ; міръ протискивается въ игольныя уши и возмущенный и тѣнистый мѣняетъ краски. Сѣрое, смятое, мутное... Треплется, какъ вечерніе паруса надъ водою, а на водѣ стая воздушныхъ, чуть видныхъ, нижетъ янтарныя четки на черные шнуры“.

Что это такое, какъ не конвульсія истерики, не надрывъ обмана и не ложь?

Неужели, затѣмъ, кому-нибудь можетъ быть пріятно и понятно фразерство г. Гусева-Оренбургскаго о томъ, какъ

„...съ воплемъ счастья слились въ поцѣлуѣ два угасшихъ міра. Серебряно-льдистыя планеты полопались, какъ спѣлыя почки на днѣ бездны, гдѣ два тусклыхъ солнца слились въ порывѣ страсти, какъ два усталыхъ сердца. И страсть зажгла ихъ снова. Въ черный мракъ вселенной безшумно (!) метнулись бушующіе (?) вихри распавшихся атомовъ (!!). И несъ эѳиръ въ безконечность ихъ содроганье, какъ блескъ свободныхъ свѣчей. Въ буйномъ веселіи они наслаждались свободой, кипя, носились, не сталкиваясь, въ

бѣшеномъ танцѣ, долго-долго,—пока радостное чувство распада не смѣнилось жаждой общенія... Изъ кипящаго хаоса возникъ новый міръ".

Не слишкомъ ли странны эти цѣлующіеся міры, лопающіяся планеты, распадающіеся атомы, кипящіе хаосы?

И только подумать, что эта quasi-мистическая, quasi-символическая, а на самомъ дѣлѣ просто риторическая ерунда написана, какъ вступленіе къ обыкновеннѣйшей реалистической повѣстушкѣ изъ зауряднѣйшаго духовнаго быта...

— О, другъ Аркадій, не говори такъ красиво!

Но главное въ томъ, что эта чепуха,—самая настоящая, неумѣлая, непростительная, абсолютно недопустимая въ искусствѣ по своей великой путанности и сугубой умышленной неясности! Но „глухоты" тутъ все таки нѣтъ, ибо все это плохой сколокъ съ г. Сергѣева-Ценскаго, который въ свою очередь во многомъ подчиненъ Леониду Андрееву. Нѣтъ, это не глухота, а нѣчто другое, хотя, быть можетъ, и очень близкое къ ней.

3.

Но Сергѣй Городецкій не правъ, обвиняя сейчасъ всю современную критику въ повальной глухотѣ.

Онъ пишетъ:

„Глухое время! Въ глухія времена всего нужнѣй критика. Но тщетно было бы аукаться съ этой не-

уловимой птицей въ дебряхъ современной литературы".

Ну, зачѣмъ же такъ печально?

Есть еще порохъ въ критическихъ пороховницахъ, есть еще люди. Чѣмъ, напримѣръ, не критикъ г. Ст. Ивановичъ?

Правда, онъ пишетъ рѣдко, едва ли знаетъ то, о чемъ пишетъ, но кто рѣшится отказать ему въ нѣкоторой оригинальности хотя бы языка?

Вѣдь, это именно онъ изобрѣлъ „тараканную (ь-ю?) рать", это именно онъ нашелъ излишнимъ согласовывать опредѣленія съ опредѣляемыми.

Правда одна ласточка не дѣлаетъ весны, но развѣ одинъ Ивановичъ? Развѣ нѣтъ въ Москвѣ г. Александровича, а въ Санктъ-Петербургѣ — г. Абрамовича?

Какъ, вы не знаете господина Абрамовича?

Напрасно!

Вотъ, не хотите ли изъ его „статьи", ну, хоть объ Арцыбашевѣ.

„Мнѣ,—пишетъ г. Абрамовичъ,—явственно (?) рисуется (!) разсказъ работы Арцыбашева въ слѣдующемм образѣ (sic!); кажется, будто бы въ рыхлый и мягкій матеріалъ тяжело втискивается (??) печать художника и послѣ примѣриванья (!!) и обдуманнаго (?!) выбора положеній и пріемовъ оставляетъ точный отпечатокъ идейнаго замысла автора,

Арцыбашевъ также (!) занятъ не самимъ мастерствомъ рисунка, не самовладѣющимъ искусствомъ художника, а замысломъ идейнымъ. Не просто нарисовать хочетъ онъ, а, нарисовавъ то или другое, сказать этимъ то то и то то. Но идейность его не горящая расплавленнымъ металломъ, какъ у Андреева"...

Вы, конечно, скажете, что это безграмотно и не по-русски, что ничья печать, хотя бы въ качествѣ предмета неодушевленнаго, прежде чѣмъ „втискиваться“, ничего не „обдумывала“ и ничего не „примѣривала“, и что вообще такъ писать нельзя.

Насчетъ нельзя, это—кому „нельзя“, а кому и можно. Но, отбросивъ въ сторону обдумывающую печать, развѣ не оригинальна, не нова, не глубока и не интересна основная мысль?

Будто-бы ужъ такъ легко замѣтить, что „Арцыбашевъ не только нарисовать хочетъ“, а, нарисовавъ „то или другое“, хочетъ сказать „то-то и то-то“?

Это „то-то и то-то“ даже трогательно!

Здѣсь и убѣдительность и краснорѣчіе, а Сергѣю Городецкому грѣшно пѣть отходную русской критикѣ и, тѣмъ болѣе, русскому искусству.

4.

Однако,—если шутки въ сторону,—то нашъ воздушный поэтъ правъ. Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, не Абрамовичи, Ивановичи и Александровичи (имя же имъ легіонъ!) представляютъ собою современную критику, и если они даже просто влачатъ въ ней свое незамѣтное существованіе, то въ такомъ случаѣ все-таки—„хороша же, значитъ, современная критика“.

Ахъ, конечно, нехороша.

Но тутъ то и начинается полоса ошибокъ Городецкаго.

Что, въ самомъ дѣлѣ, если его, этого недовольно-капризничающаго „вдругъ—критика“ самого спроситъ:

— Милостивый государь, а когда же было лучше?

Что тогда? Что скажетъ въ отвѣтъ г. Городецкій?

Вонъ онъ сердится, что „понаторѣвшіе въ критикѣ Краны, Горны и Фельды, какъ слѣпые, ворочаются въ современности“. Ну, а развѣ раньше не оставался долгое время въ критическомъ остракизмѣ Тургеневъ? Развѣ тотъ же умница Михайловскій не махнулъ въ „Отечественныхъ Записках“ конца семидесятыхъ годовъ на него рукой? Или Скабичевскій разгадалъ Чехова, не посулилъ ему чорта и смерть подъ заборомъ въ пьяномъ видѣ, а когда задумался надъ вопросомъ: „Есть ли идеалы у г. Чехова“? — то какъ задалъ этотъ вопросъ, такъ и остался съ этимъ вопросомъ? Наконецъ, были ли сразу признаны, или опредѣлены Горькій и Гаршинъ, Мережковскій и Лѣсковъ, Фофановъ и Брюсовъ? Не оставляли ли въ долгомъ забвеніи и непримѣтности Ѳеодора Сологуба, и развѣ до самаго недавняго времени не смѣялись надъ Бальмонтомъ?

Дѣло, однако, не въ этомъ, а въ томъ, что у насъ именно послѣдніе годы выдвинули критику и дали ея голосу и новое вліяніе и новые тона, и, чтобы не ходить далеко за примѣрами, позвольте остановить ваше серьезное вниманіе на Антонѣ Крайнемъ.

5.

Я назвалъ бы Антона Крайняго историкомъ литературнаго мига.

Подъ его перомъ „мигъ“ умираетъ, чтобы войти тотчасъ въ историческую цѣпь: если хотите, А. Крайній накалываетъ „мигъ“ на булавку.

Надо ему прежде всего отдать справедливость: онъ уменъ, Антонъ Крайній,—качество, обладаніе которымъ большинство изъ нынѣ критикующихъ, какъ будто, не вмѣняетъ себѣ въ прямую обязанность, очевидно, полагая, что умъ для нихъ—сверхсмѣтное ассигнованіе.

Быть можетъ, именно потому, что онъ уменъ и еще оттого, что А. Крайній—большой скептикъ (по крайней мѣрѣ, по отношенію къ нашему литературному настоящему), онъ всегда въ своихъ статьяхъ стоитъ не рядомъ съ критикуемымъ, и даже не вдали отъ него, а надъ нимъ.

Впрочемъ, въ одной изъ своихъ статей онъ самъ сознается, что любитъ говорить „не о литераторахъ, а о литературѣ“, которая, замѣчу отъ себя, дѣлается все-таки литераторами. Но А. Крайній бесѣдуетъ „объ общемъ уровнѣ духа и мысли, объ общемъ движеніи впередъ, о ростѣ,—о культурѣ“.

Культуру подчеркнулъ въ данномъ случаѣ я, но самъ А. Крайній ее подчеркиваетъ вездѣ, не курсивомъ, конечно, а всѣмъ, что онъ пишетъ. Когда-то Амфитеатровъ-Аббадонна упрекнулъ его

въ томъ, что онъ вѣритъ въ прошлое и не вѣритъ въ будущее. Я не слѣжу за всѣми нападками на А. Крайнаго, но, вѣроятно, многіе упрекали его гораздо опредѣленнѣй—именно въ приверженности къ культурѣ буржуазной, — что было одно время модно и всегда вздорно, но вѣрно то, что А. Крайняго не разорвать съ историзмомъ.

Онъ и свой „Литературный Дневникъ“ выпустилъ также, — въ послѣдовательной исторической преемственности статей и по этому поводу рѣшительно заявилъ, „что исторія—вездѣ и все въ исторіи,—въ движеніи, и даже послѣдняя мелочь — и она въ исторіи“, ибо и „она можетъ кому нибудь пригодиться“. И свою книгу онъ тоже считаетъ „историчной“.

Собственно, для каждаго автора, его книга, писанная даже въ теченіе одного года—уже исторія, а „Дневникъ“ Крайняго велся цѣлыхъ восемь лѣтъ, — и, значитъ, въ самомъ дѣлѣ, какъ же онъ не „историченъ“?

Это понятно.

Но ни для кого такъ не характерно это слово и это опредѣленіе („исторично“=культурно), какъ для А. Крайняго.

Говоритъ ли онъ о „хлѣбѣ жизни“, онъ считаетъ необходимымъ напомнить, что „исторія—разсказъ о человѣческомъ голодѣ“.

Пишетъ ли объ исканіи бога, упрекая въ холодности къ нему даже Мережковскаго, и тутъ подъ

его перо просится напоминаніе о томъ, что „помимо исторіи міра — есть и у каждаго изъ насъ своя исторія“.

Вспоминаетъ ли о декадентахъ, онъ и тутъ не можетъ не замѣтить, что „чужая культура къ намъ не прививается“, и если смѣется надъ интеллигентомъ россійскимъ, то только за то, что тотъ воображаетъ себя „культурнымъ любителемъ искусства“. Какъ же надъ нимъ послѣ этого не смѣяться?

Съ точки зрѣнія интересовъ культуры онъ нападаетъ и на „новѣйшихъ индивидуалистовъ“, и на „субъективистовъ“, и на „оргіастовъ“, на имитаторовъ, и стилизаторовъ, на Кузмина, и на „мистическій анархизмъ“.

6.

Тонъ писаній А. Крайняго матовый,—не холодный и не горячій, а такъ, съ пренебреженіемъ и лѣнцой, будто ему все время приходится объяснять надоѣдливую таблицу умноженія. Ну, кому еще придетъ въ голову спорить, что дважды два не четыре, а пять, или стеариновая свѣчка, и кто еще можетъ сомнѣваться въ томъ, что „надъ всѣми этими (читай: современными) литературными произведеніями, революціонными и пустяковыми, надъ авторами и полуграмотными — стоитъ общій чадъ русской некультурности“.

Въ этомъ вся штука.

„Культурная среда“, „работа духа“ и, какъ ихъ слѣдствіе (или, быть можетъ, ихъ непремѣнное условіе), „религія“ и „религіозная совѣсть“. Такъ это или не такъ, но отказать въ цѣльности и прочности такому міросозерцанію нельзя никакъ, хотя сейчасъ оно уже звучитъ знакомымъ мотивомъ, ибо мы еще хорошо помнимъ и „Новый Путь“ и „Вопросы Жизни“.

Все-таки только при такой широтѣ мысли А. Крайній могъ всегда съ такой легкой ясностью нападать на два фронта—одинаково на своихъ, какъ и на чужихъ. Только при своей критической чуткости онъ могъ дать рядъ тѣхъ мѣткихъ литературныхъ характеристикъ, которыя потомъ оказались безстыдно разворованными иными лекторами и иными критическими фельетонистами.

Для примѣра взять хотя бы того же Зайцева.

А. Крайній очень зорко подмѣтилъ, что въ его разсказахъ „нѣтъ человѣка“ (впослѣдствіи это было переведено гг. Чуковскими какъ „крушеніе индивидуализма“), что у него есть послѣдовательно: „хаосъ стихіи, земля, тварь и толпа“,—„духъ безликій“, и читатель вспомнитъ, какъ потомъ эту золотую мысль также, вотъ, размѣняли на фельетонные пятаки и разбазарили на шумной ярмаркѣ критическаго воровского невѣжества подъ именемъ „воблы“.

Четыре года тому назадъ А. Крайній остроумно замѣтилъ, что „у лицъ Горькаго нѣтъ лицъ“, а „все одинъ и тотъ же Челкашъ, или Ѳома, или

Илья,—Челкашо—Ѳомо—Илья, онъ же супругъ Орловъ".

И снова вы помните, какъ эта мысль по сходной, цѣнѣ пошла на тѣхъ же критическихъ газетныхъ аукціонахъ и стала слыть тоже за мысль гг. Чуковскихъ.

И т. д., и т. д., и т. д.

Но, конечно, и тутъ, и въ этихъ нападкахъ и на Горькаго и, особенно, на его „босяковъ" А. Крайній былъ правъ именно потому, что исходилъ отъ своей единой и огромной любви къ „историзму", отъ своей мечты о „культурѣ", а тѣ, которые запѣли съ его голоса, едва ли и до сихъ поръ знаютъ, почему они запѣли.

Для А. Крайняго это логично. Еще бы, если онъ убѣжденъ, вотъ, даже въ томъ, что совсѣмъ „нѣтъ настоящаго момента" и притомъ „никогда нѣтъ" и даже „въ природѣ нѣтъ", ибо „настоящее—точка, гдѣ соприкасаются и мгновенно узломъ сплетаются прошлое и будущее".

Но, конечно, его перепѣваламъ всё это было неожиданно для нихъ же самихъ.

Вотъ, вамъ и „глухое время"!

7.

Нѣтъ, повторяю, оно не глухое, а именно глупое, хотя, все-таки, критика не пустынна и не вяла. Вѣдь, и въ самомъ дѣлѣ, А. Крайній не одинъ сейчасъ, а если кому нибудь вздумается и его корить

въ томъ, что сначала онъ Андреева хвалилъ и возлагалъ на него надежды, а потомъ охладѣлъ къ нему и разбранилъ, то...

То, во-первыхъ, я недавно прочиталъ у Антона Крайняго признаніе, что ему „надоѣло браниться и все отвергать“ а, во-вторыхъ, припоминаю отрывокъ изъ моей юношеской бесѣды съ Львомъ Толстымъ.

Онъ спросилъ меня:

— Кто вашъ любимый апостолъ?

— Петръ,—отвѣтилъ я.

Толстой не далъ мнѣ досказать:

— Да: вѣдь, это настоящій современный интеллигентъ,—съ его сомнѣніями и постоянными колебаніями.

Въ самомъ дѣлѣ, я не поздравилъ бы ни русскую интеллигенцію, ни русскую критику съ неподвижностью и мумичностью, съ самоувѣренностью и успокоенностью.

Пусть тревожимся и ищемъ мы, измѣняемъ и мѣняемъ сужденья наши. Вѣдь, и всѣ эти тревоги, эти исканья, признанья и отреченья—все это особенно симптоматично для насъ, и для нашего времени, и для того періода Sturm'a und Drang'a, который пронесся вихремъ надъ нашими головами. А сейчасъ русской критикѣ даже въ лицѣ ея наиболѣе безпокойныхъ и безпокоящихъ представителей, думаю я, каяться не въ чемъ, и не за что краснѣть.

Такъ не хулите-жъ такъ сердито нашу критику. Разбродъ въ ней есть, нѣтъ согласія и согласован-

ности, но, вѣдь, не объ этомъ же грустить въ серьезъ!

Сейчасъ у насъ любопытное критическое время, интересная борьба, впереди большія радости, потому что большія находки.

Правда, мы всѣ въ разныхъ углахъ сидимъ, мало вѣримъ въ наше настоящее и, возможно, въ свои собственныя,—наши силы, много сердимся, немного лицемѣримъ и въ большинствѣ мало любимъ наше дѣло и ту русскую литературу, на служеніе которой слѣдовало бы отдать всѣ силы безъ остатка.

Все же у насъ критика есть, хорошая, умная, пылкая и вѣрующая, связаная корнями съ прошлымъ, глядящая свѣтлыми глазами въ будущее. Правда, она очень немногочисленна, ибо большинство ея все же тускло и едва ли не ничтожно, но когда же была в с я критика и хороша и зорка, и умна! А что въ ея рядахъ теперь объявился новый типъ критическаго хвастуна, благера, или карьериста, то, повѣрьте, русской критикѣ бояться его нечего, потому что она просто переживетъ его.

И было время, когда Сергѣю Городецкому существованіе критики было только пріятно и не такъ ужъ безнадежно было его ауканье съ ней.

В. БУРЕНИНЪ.

1.

Исторія русской критики написана не золотомъ по мрамору. Она знаетъ больше посредственностей, чѣмъ талантовъ, больше деревянности, чѣмъ геніальности, въ ея пассивѣ есть несмываемые и незабываемые грѣхи, — поруганіе Пушкина, топоръ занесенный надъ головой Лермонтова, долгое и злостное непониманіе Грибоѣдова, неосторожные совѣты—заняться популяризаціей естественныхъ наукъ —Щедрину, неразгаданный Чеховъ, замолчанные поэты, осужденный Тургеневъ, долгое время неизученные Лѣсковъ и Писемскій, втеченіе десятилѣтій травимый Достоевскій, пренебреженные и загнанные въ литературное подполье молодые таланты съ Валеріемъ Брюсовымъ во главѣ.

Словомъ, если нуженъ обвинительный актъ, недостатка въ матеріалахъ не будетъ. Но у всѣхъ нихъ, этихъ прежнихъ, большей частью угасшихъ и уже забывающихся критиковъ была одна черта, которой нельзя не поклониться, и которую нельзя

не благословить. Черта эта—добросовѣстность. Талантъ—отъ бога, добросовѣстность—отъ самого себя. Талантъ-даръ. Его можно получить, какъ хорошее наслѣдство и сюрпризъ судьбы, но его нельзя нажить, и потому нельзя его требовать. Но можно, но надо, но должно требовать доброй совѣсти, и правды, и, въ мѣрѣ силъ, обдуманности.

О, конечно, г. Скабичевскій далъ не слишкомъ много яркихъ опредѣленій, чудесныхъ разгадокъ, красивыхъ и неожиданныхъ выдумокъ. Но никто не отниметъ у него ни пристальнаго изученія, ни осторожности, ни той щепетильности по отношенію и къ самому себѣ, и къ книгѣ, и къ автору, которая, одна, уже даетъ права на забвеніе темнаго и неудачнаго, вялаго и безжизненнаго, ошибочнаго и близорукаго. Нельзя забыть ни его „Исторіи цензуры“, ни его «Исторіи русской новѣйшей литературы“.—Можно спорить о достоинствахъ и недостаткахъ М. Протопопова, пенять на его грубость и фельетонизмъ, но нельзя и въ немъ не признать большой скрытой любви къ литературѣ, серьезнаго уважительнаго благоговѣнія къ печатной строкѣ, строгаго и стойкаго исповѣданія той вѣры, которой жилъ Бѣлинскій. Можно указать недостатки и промахи у Евг. Соловьева, съ нимъ слѣдуетъ во многомъ спорить, необходимо и надо учитывать его стремительный темпераментъ, рвущійся потокъ его силъ, его подвижную горячность, страстное бунтарство, кипучую пылкость, умѣнье зарываться, но

что бы и какъ бы ни было, его яркая и нѣжная, почтительно-влюбленная радость о литературѣ внѣ сомнѣнія и внѣ споровъ. Есть ошибки у Михайловскаго, непростительно его отношенію къ Чехову и Горькому, отчасти къ Тургеневу (его „Нови“) и Достоевскому, но и тутъ громадная и умная уважительность къ русской литературѣ, къ русскому писателю, къ авторскимъ тревогамъ и сомнѣньямъ, къ книгѣ и мысли. О Бѣлинскомъ нечего и говорить. Бѣлинскій наша прекрасная, наша волшебная сказка, слышанная нами съ дѣтства, и съ тѣхъ поръ насъ не покидающая и незабываемыя нами, какъ чистый свѣтъ, какъ молитвенный напѣвъ; Бѣлинскій для насъ уже давно не человѣкъ и не писатель, ибо онъ восхитительная и неповторимая легенда русской литературы и русской критической мысли. Объ его любви къ этой литературѣ стыдно распространяться, какъ не нужно упоминать о томъ же у Добролюбова, у Аполона Григорьева, у Страхова, у Чернышевскаго.

И худо ли, хорошо ли, съ нашей точки зрѣнія, думали и писали эти люди, имъ не за что кинуть упрекъ—и нашихъ укоровъ они не заслужили. Въ нихъ и у нихъ сидѣло и было то громадной цѣнности качество, которое Чеховъ назвалъ „Богомъ живого человѣка“, и которое, примѣнительно къ критикѣ, можно было бы окрестить Богомъ самоотверженнаго литературнаго сердца, влюбленнаго въ чужіе образы, живущаго съ чужими книгами, тревожащагося за ту дорогую судьбу, которая име-

нуется судьбою русскаго литературнаго слова. И въ этомъ отношеніи къ родной литературѣ было настоящее величіе, настоящая красота, истинное рыцарство, воистину цѣльный дѣятельный культъ.

Но потомъ, какъ-то, вдругъ что-то оборвалось, надолго расклеилось, потерялись дороги, что-то умерло безъ надеждъ и вздоховъ, порвалась какая-то нить. Уже начиная съ г. Волынскаго, это кадильное и алтарное отношеніе къ русской литературѣ куда-то исчезаетъ, будто по сердцамъ критическимъ пронесся смерчъ и вывѣтрилъ живую душу живой любви. И г. Волынскій очень обстоятельно и съ большимъ уваженіемъ писалъ о заграничной литературѣ, иностранной философіи, прельщая запредѣльной поэзіей, а о русской литературѣ умѣлъ говорить только снисходительно, только свысока, ничѣмъ не выдавая своей любви къ ней, въ суматошливомъ бѣгѣ за новыми новостями и новыми именами запада наступая на святыни мысли и красоты, отзываясь о Великихъ Русской литературы почти всегда полупрезрительно.

Судьба г. Волынскаго—интересная и поучительная судьба. Его безмѣстность и, пожалуй, неумѣстность—символъ. Русская литература, которой не любилъ г. Волынскій, не взлюбила г. Волынскаго. Искренно, или неискренно г. Волынскій кокетничалъ. А кокетство, по вѣрному слову Сенкевича, ростовщикъ. Оно даетъ мало и требуетъ огромныхъ процентовъ. Справедливость заключалась

въ томъ, чтобъ дающій мало не получилъ ничего. И потому г. Волынскій, имѣющій за собой несомнѣнныя права на вниманіе, поднявшій цѣну „разрушенной эстетики“, первымъ сказавшій въ русской критикѣ послѣднихъ годовъ слово: „идеализмъ“,— этотъ г. Волынскій, какъ въ знаменитой сказкѣ, остался у разбитаго корыта.

И приблизительно къ этому же времени, расцвѣло махровымъ цвѣтомъ критическое хулиганство В. Буренина, и если въ 1891 году Н. К. Михайловскій въ „Русской Мысли“ еще могъ упрекнуть г. Скабичевскаго за пропущенное въ его „Исторіи новѣйшей литературы“ имя нововременскаго критика, то этотъ упрекъ уже не могъ бы быть повторенъ Михайловскимъ даже пять лѣтъ спустя.

А потомъ пошло̀ и пошло̀, пока не дошло до настоящихъ прелестей.

И если прежде мы знали развеселаго комаринскаго мужика („Ахъ ты“... и т. д.), то теперь мы имѣемъ мало волнующее удовольствіе знать уже комаринскую критику.

И этого типа „критикъ“, также вотъ, бѣжитъ, заголя, по улицѣ, и также его повертываетъ слѣва направо, и также подергиваетъ.

Эта „критика“ давно уже никого не комментируетъ, ничего не творитъ, никого не радуетъ и не восхищаетъ. Она чужда выдумкѣ и фантазму, восторгу, чуду и колдовству. Она никого

не гипнотизируетъ и не увлекаетъ, никому ничего не даетъ. Это—и не ученый, и не творецъ, и не толмачъ. Это крючкотворъ, или шутъ; сутяга, или литературный смутьянъ, и, что хуже всего, смутьянъ холодный, съ разсчетомъ, хитрецой, безжизненный и равнодушный. Эта „критика", какъ репейникъ: она пристаетъ легко, но отдирается трудно.

Все же и при этихъ условіяхъ Буренинъ въ ней уникумъ,—такъ велико его равнодушіе къ судьбамъ и смыслу русской литературы, такъ глубоко вросло въ него убѣжденное пренебреженіе ко всему, что съ перваго бѣглаго взгляда ему покажется непонятнымъ. И если разъ прочитанная книга—непрочитанная книга, то изъ новой русской литературы Буренинъ не только ничего не читалъ, но и ничего не видалъ и не слыхалъ: такъ поверхностны и неосторожны всѣ его мнѣнія о писателяхъ послѣднихъ пятнадцати лѣтъ, такъ неглубоки его оцѣнки вообще.

2.

Есть анекдотъ,—если не ошибаюсь,—о Забѣлинѣ. Одинъ молодой ученый представилъ изслѣдованіе, въ которомъ, между прочимъ писалъ:

В. БУРЕНИНЪ.

„Если бы былъ живъ Забѣлинъ, онъ сказалъ бы“...

Молодого ученаго остановили:

— Позвольте, но Забѣлинъ живъ и сейчасъ.

Это случилось много лѣтъ тому назадъ, а Забѣлинъ, въ самомъ дѣлѣ, и до сихъ поръ живетъ и здравствуетъ.

Такой же точно анекдотъ случился съ Буренинымъ, только наоборотъ. И сейчасъ еще многіе говорятъ о немъ, какъ о живущемъ и здравствующемъ критикѣ, а это, я думаю, больше недоразумѣніе, потому что никакого Буренина давнымъ давно уже нѣтъ на свѣтѣ *).

Въ этомъ году исполняется 45-лѣтіе съ того момента, какъ въ № 46 журнала „Искры“ (1862 г.) появился его первый литературный опытъ, и недалекъ моментъ, когда благодарная Россія будетъ имѣть счастье праздновать полвѣка его критической дѣятельности, и собственно,—будь живъ Буренинъ,—о немъ можно было бы написать юбилейную статью. Но приходится писать о немъ запоздалый некрологъ, воспользовавшись случайно круглой цифрой „45“.

Буренинъ умеръ давно,—уже много лѣтъ онъ мирно спитъ въ глубокомъ фамильномъ склепѣ „Новаго Времени“, и его костямъ въ гробу не отъ чего даже переворачиваться: все, что оставилъ онъ въ этой литературной юдоли печали и горя, для

*) Писано въ 1907 г.

него совершенно чуждо и слишкомъ далеко. Но и при жизни (это была скучная и неинтересная жизнь) Буренинъ всегда стоялъ одной ногой въ могилѣ.

Старость—вотъ лучшая формула В. Буренина. О, конечно, я говорю не о годахъ. Но на его самыхъ раннихъ, юныхъ,—такъ же, какъ и на его зрѣлыхъ, статьяхъ,—вездѣ лежитъ эта ужасающая и темная печать злой старости. И тогда, какъ и теперь, онъ такой же брюзжащій, недовольный, косой и хмурый.

Горбъ за плечами Буренина чувствовался и двадцать и тридцать лѣтъ назадъ. Старческая слѣпота была уже тогда, въ этотъ первый періодъ его критическихъ работъ. По всему складу своего міроотношенія, по всѣмъ своимъ настроенімъ онъ всегда былъ старше своихъ лѣтъ.

Будто выходецъ съ того свѣта, съ пергаментнымъ лицомъ литературнаго покойника, онъ несъ на себѣ и на всѣхъ дѣлахъ своихъ неизгладимо-скорбную печать старости. Его умъ былъ лѣнивъ—и это было отъ старости. Его злоба была тоже старческой, и то равнодушіе къ молодой жизни и молодымъ начинаніямъ, ко всему юному и смѣлому, которымъ онъ былъ полонъ, происходило опять-таки только отъ душевной дряхлости и немощности, и его пессимизмъ былъ не пессимизмомъ міросозерцанія, а лишь пессимизмомъ больной и раздраженной старческой печени.

Н. К. Михайловскій когда-то назвалъ Буренина

мимистомъ за его любовь къ пародіи и подражанію. Но, вѣдь, и это опять признакъ лѣниваго, малокровнаго, старческаго мозга, ибо самое пассивное изъ всѣхъ чувствъ—слухъ, а имъ Буренинъ только и держался.

Тамъ, гдѣ нужно было видѣть и проникать, Буренина не было никогда.

Съ лѣниво безпламенной, мертвой головой и притупившейся всей нервной системой онъ умѣлъ только дразниться пародіями, но никогда не умѣлъ ни разгадывать, ни пророчествовать, ни опредѣлять. Во всѣхъ его писаніяхъ — ни одной формулы. Ни въ одной изъ его статей не сыщется ни одного афоризма, ни одной собственной мысли.

Если онъ и хвалилъ, то только признанное, повторяя другихъ, покорно слѣдуя по протореннымъ и широкимъ путямъ уже состоявшагося признанія.

3.

И даже, когда нападалъ и бранился, не былъ ни оригинальнымъ, ни мѣткимъ. Буренинымъ не изобрѣтено ни одного счастливаго эпитета, ни разу не брошено яркаго и навѣкъ горящаго ярлыка. Надо знать, что лексиконъ отрицательной критики всегда былъ полнѣй и шире всякаго другого лексикона и, конечно, особенно на русскомъ языкѣ.

Но даже и этотъ лексиконъ у Буренина бѣденъ и тощъ. Все же слухъ былъ его настоящимъ слугой,

и Буренинъ всего сильнѣе тамъ, гдѣ дразнитъ и пародируетъ, и онъ настоящимъ образомъ, воистину жалокъ, когда начинаетъ хвалить. Строки его одобренія—сплошная банальность, трафаретъ, общія мѣста, какія-то засиженныя старыя клише.

Нельзя безъ улыбки читать о Глѣбѣ Успенскомъ, что онъ „обладаетъ способностью художественно воспроизводить языкъ дѣйствующихъ лицъ его разсказовъ“,—будто Успенскій могъ „воспроизводить языкъ дѣйствующихъ лицъ“ чужихъ разсказовъ!—и что Глѣбъ Успенскій „умѣлъ выдерживать вѣрно тонъ“. Такъ уже не пишутъ хорошіе ученики своихъ классныхъ сочиненій, ибо кинуть эти пустыя, подержанныя слова—значитъ ничего не выяснить и, въ сущности, ничего не сказать.

Подходитъ-ли Буренинъ къ Лермонтову, его пера хватаетъ лишь на ученически-наивную защиту великаго поэта отъ какихъ-то маленькихъ нападокъ: будто все значеніе Лермонтова и вся глубина его сложной, неспокойной души разгадывается ея неподчиненностью вліяніямъ „высшаго свѣта“!

Оказывается, что „разные шелопаи изъ аристократовъ, точно такъ же, какъ и изъ плебеевъ, въ такъ называемой разсѣянной жизни находятъ только одно: пошлое удовлетвореніе своихъ животныхъ влеченій и мелкихъ самолюбій“. „Но благородные умы и души высокихъ дарованій и въ своихъ мелкихъ заблужденіяхъ отыскиваютъ цѣнный матеріалъ для своего творчества“...

Это называется критикой Лермонтова! Для этихъ старчески-дѣдовскихъ сентенцій стоило писать цѣлый печатный листъ объ интереснѣйшемъ и загадочнѣйшемъ поэтѣ, которому уже тогда критика посвятила цѣлые томы. Этихъ банальностей такъ не хватало о Лермонтовѣ послѣ статей Бѣлинскаго и Дудышкина, Добролюбова и Шашкова, послѣ Чернышевскаго, послѣ Шѳлгунова и Ап. Григорьева!

4.

И чѣмъ выше автора бралъ Буренинъ, чѣмъ сложнѣй и глубже была душа тѣхъ, къ кому онъ подходилъ со своей старческой близорукостью, тѣмъ наивнѣй, тривіальнѣй и безпомощнѣй становился его критическій языкъ, тѣмъ зауряднѣй слетали съ него опредѣленія.

Надо удивляться изумительной глубинѣ пошлости общихъ мѣстъ и стертыхъ пятачковыхъ фразъ, которыми тщился Буренинъ объять необъятнаго Пушкина.

Во-первыхъ, это „вѣщій чародѣй, который какъ будто прикоснулся волшебнымъ жезломъ своего творчества къ русской жизни“...

Во-вторыхъ, Пушкинъ все „оживилъ дивнымъ поэтическимъ блескомъ, всему далъ силу и выразительность, краски и гармонію“.

Въ-третьихъ, „смыслъ этого глубокаго созданія

(Евг. Онѣгина) заключается въ любовномъ поэтическомъ превознесеніи русской природы и жизни".

Но лучшимъ доказательствомъ геніальности Пушкина (въ-четвертыхъ) „служитъ та мѣдная хвала", которая воздвигнута на одной изъ площадей „русской столицы". И т. д., и т. д., и т. д.

Вѣдь, это же классное сочиненіе!

Избитыя, вывѣтрившіяся старческія слова, общія уличныя восхищенія, безъ настоящаго восторга, безъ волненія, безъ глубины. Во всемъ этомъ нѣтъ даже простого ума,—о вкусѣ къ слову, о любви къ разгадкѣ не можетъ быть и рѣчи.

Статья о Гончаровѣ — гимназическое изложеніе содержанія.

Статья о Достоевскомъ — плохая полемика съ Арсеньевымъ, Постороннимъ и Михайловскимъ и блѣдный некомментированный, необобщенный пересказъ... Ор. Миллера!

И это—„Критическіе Этюды", цѣлая книжка, принадлежащая человѣку, чье имя такъ долго связывалось съ русской критикой!

Всю ненужность и всю блѣдность этихъ ученическихъ опытовъ понималъ, очевидно, и самъ Буренинъ, когда,—будто оправдываясь,—но снова по-дѣтски, невнятно и просительно развивалъ ту новую мысль, что „полезно оглядываться на крупные, мощные и плодотворные (!) таланты прошлаго" и убѣждалъ вѣрить, что и такая „ретроспективная работа нужна".

Кому? Зачѣмъ?

Его положительныя критическія статьи—„повтореніе пройденнаго“, какъ пишутъ педагоги въ ученическихъ дневникахъ. Въ этихъ статьяхъ все—казенно и все знакомо, все старо, тривіально и блѣдно.

И если здѣсь есть даже все — т.-е., и доля злобы, и доля хвалы, и доля нѣкоторой посильной разсудительности,—то нигдѣ въ этихъ писаніяхъ нѣтъ одного самаго главнаго и самаго цѣннаго для каждаго автора: въ нихъ нѣтъ автора,—въ этихъ писаніяхъ Буренина нѣтъ самого г. Буренина.

Лишенный самаго дорогого таланта, — таланта радоваться и восторгаться, таланта любить красоту и ею мучиться, В. Буренинъ самой судьбой былъ обреченъ на жестокую однобокость, и, какъ хромой на одну ногу, онъ перенесъ всю тяжесть на другую.

5.

И вотъ почему его злобность такъ многосложна въ своихъ корняхъ и источникахъ.

Какъ симптомъ, она знаменуетъ старость духа и дряхлость сердца.

Какъ орудіе, она—маска, прикрывающая критическое безсиліе.

Какъ настроеніе, она—сознаніе этого двуликаго ужаса, и еще сознаніе того, что ни одна строка автора не переживетъ человѣка даже на одинъ день.

ПЕТРЪ ПИЛЬСКІЙ.

Прожить такую длинную жизнь и не оставить ничего, что напомнило бъ о ней, написать сотни тысячъ строкъ, изъ которыхъ ни одна ни кого ни разу не окрылила и ни съ кѣмъ не сжилась; писать съ роковымъ сознаніемъ неизбѣжныхъ ошибокъ и потому дѣлать ихъ преднамѣренно, не имѣть ни одной книги, — вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, это ужасъ, которому нѣтъ равнаго, — трагедія фигляра, — или паяца, бездна безнадежности и тьмы, какое-то длинное крученіе веревки для собственнаго завтрашняго самоубійства!

Страшная, непоправимая ошибка Буренина состояла именно въ томъ, что онъ, никогда отъ природы не будучи человѣкомъ искусства, другомъ красоты и солнца, литературнымъ дѣятелемъ съ душой свѣтлой и открытой, какъ у ребенка,—несмотря на все это, будто кому-то на зло, — наперекоръ судьбѣ, себѣ, людямъ и литературѣ,—во что бы то ни стало, захотѣлъ стать и сталъ писателемъ на литературныя темы.

И потому, совершенно чужой литературѣ, онъ, какъ пріемышъ въ этой семьѣ, не любилъ никого, съ одинаковой легкостью и одинаковой яростью нападалъ изъ-за угла на всѣхъ, браня и ненавидя съ однимъ и тѣмъ же азартомъ Боборыкина, какъ и Брюсова, Ив. Иванова, какъ Евг. Соловьева, Михайловскаго, какъ и Волынскаго, „Вѣсы“, какъ „Жизнь“, Гиппіусъ, какъ Леонида Андреева, Мережковскаго и Минскаго, какъ и Горькаго.

Что общаго между этими людьми?

Но Буренинъ боролся со всѣмъ, потому что не любилъ ничего, ему нужно было что-то отрицать, ибо онъ серьезно ничего не защищалъ.

Когда-то полемизируя съ господиномъ Авсѣенко (критическія статьи когда-то писалъ и г. Авсѣенко!), Буренинъ оскорблялся его нападками на Гл. Успенскаго и готовъ былъ отстаивать право художника заниматься „прощалыгами, пробившимися подтибриваніемъ гривенъ и булокъ", представляющими „скверный продуктъ нищенства и невѣжества".

Читатель, которому попадались статьи Буренина о Горькомъ, благоволитъ улыбнуться, кстати и буренинской послѣдовательности, о которой въ серьезъ, конечно, говорить нельзя. Послѣдовательности не можетъ быть тамъ, гдѣ все диктовано настроеніемъ балующей старческой печени, гдѣ все разсчитано на успѣхъ у массы. А у Буренина это было всегда.

Не умѣя побѣдить лучшихъ, онъ пошелъ на угоду худшимъ; не имѣя силъ и данныхъ для завоеванія интеллигенціи, непроницательный, нечуткій, не слишкомъ умный и неглубокій, Буренинъ избралъ себѣ удѣломъ плѣненіе толпы, завоеваніе улицы, которой нужна была не истина, а хлесткость, не зоркость, а злобность.

И если буренинская злоба, какъ симптомъ, символизируетъ старость духа, то буренинская безшабашность являлась сознательнымъ средствомъ угод-

ничества мелкимъ вкусамъ и легкимъ требованіямъ скучающей и шумливой, безтолковой улицы.

И эта улица украла у своего слуги послѣднее: попытки — пусть банальныя и неудачныя — взглянуть на литературу сколько-нибудь серьезно, отнестись сколько-нибудь добросовѣстно къ книгѣ и автору.

6.

Вся длинная журнальная дорога Буренина, всѣ многотысячныя строки, имъ написанныя, — исторія сплошного и горькаго неудачничества. Немного беллетристъ, чуть-чуть поэтъ („Темнымъ сводомъ сомкнувшись надъ нами"), слегка беллетристъ, полукритикъ и полупублицистъ, посредственный передѣлыватель романовъ въ пьесы — вездѣ не на первомъ мѣстѣ, а гдѣ-то затеряваясь въ толпѣ такихъ же „немного беллетристовъ" и „чуть-чуть поэтовъ", полукритиковъ и полудраматурговъ, Буренинъ долженъ былъ почувствовать разлитіе желчи, переболѣть жгучей болью безсилія.

И безсиліе стало сердитымъ.

Тотъ крикъ неистовства, съ которымъ неизмѣнно выступалъ Буренинъ на своихъ подмосткахъ, — вопль раздавленнаго неудовлетвореннаго честолюбія. Рьяная свирѣпость, съ которой онъ бросался на людей, — месть за собственное неудачничество. То развѣнчаніе талантовъ, которому онъ отдался съ

такимъ постоянствомъ,—тоска Буренина по собственной книгѣ, которая навсегда осталась ненаписанной.

И отъ этого фигура Буренина не только жалка, но и, дѣйствительно, трагична.

Какъ неудачникъ, Буренинъ долженъ былъ желать, жаждать и искать неудачъ у другихъ.

Какъ слуга толпы, онъ долженъ былъ стать тривіальнымъ, хвалить лишь то, что нравится толпѣ, возносить гг. Коринфскихъ (какъ это сдѣлалъ онъ тринадцать лѣтъ тому назадъ), и поносить Андреева и Бальмонта, Брюсова и Мережковскаго, восхищаться пустяками, проклинать великое, ибо пустяки, какъ и самъ Буренинъ, не имѣли будущаго.

Какъ человѣкъ съ лѣнивымъ мозгомъ, онъ легче всего сталъ пародистомъ, подражателемъ и передѣлывателемъ.

Какъ чуждый литературѣ и въ ней случайный, онъ не былъ ничѣмъ съ ней связанъ, кромѣ общей арены и общаго зрительнаго зала, передъ которымъ всегда было выгоднѣе жонглировать, чѣмъ думать,—фиглярствовать, а не признаваться.

Какъ старикъ духомъ, Буренинъ долженъ былъ злобствовать на молодость, стать ретроградомъ, чтить только вчерашнее, не вѣрить и не позволять себѣ вѣрить въ будущее.

Надо удивляться, какъ, будучи всегда только несчастнымъ, этотъ человѣкъ могъ хоть на минуту казаться грознымъ, какъ вмѣсто естественной жалости онъ могъ внушать страхъ.

ПЕТРЪ ПИЛЬСКІЙ.

В. Дорошевичъ его назвалъ палачемъ. „Вѣсы“— убійцей лебедей.

О, еслибъ онъ могъ быть убійцей! О, еслибъ онъ умѣлъ распинать и умерщвлять! Но всегда онъ былъ только сердитымъ и не опаснымъ, мелкимъ передергивателемъ, а не разбойникомъ, тихимъ прихлебателемъ насмѣшки, а не сатирикомъ, свирѣпымъ палачемъ, но безъ гильотины.

Полемистъ безъ мѣткости, критикъ безъ эстетической системы, писатель безъ литературы, — онъ въ свою длинную сѣрую жизнь никого не окрылилъ, но, конечно, никого не погубилъ, и о немъ теперь можно и слѣдуетъ говорить съ сожалѣніемъ, но безъ ненависти, безъ раздраженія, хоть и безъ всякой радости.

Викторъ Буренинъ — давно покойникъ, а о мертвыхъ, если не всегда хорошо, то всегда справедливо.

III.

М. МЕНЬШИКОВЪ.

1.

Я читаю Меньшикова и мнѣ—страшно. Ни у кого больше я никогда не чувствовалъ такой боязни жизни, дрожи за себя и ненужной бережности къ своему ничтожному личному покою, какъ у него.

Нѣсколько разъ я мѣнялъ о немъ мнѣніе.

Отъ толстовца - непротивленца, чрезъ человѣка, влюбленнаго въ аристократизмъ угасшей древности, къ подвижному и измѣнчивому въ своихъ сужденіяхъ, въ своихъ убѣжденіяхъ, въ страстяхъ и пристрастіяхъ фельетонисту онъ, будто, шелъ къ какому-то краю, за которымъ открывалась бездна, такъ стоялъ онъ надъ ней до 1905 года и въ этомъ году упалъ въ нее. И когда я теперь пробѣгаю его безчисленныя строки, мнѣ—страшно.

Не въ томъ дѣло, что ех-непротивленецъ зоветъ сейчасъ къ жестокости, что вмѣсто прежняго пассивнаго примиренія со зломъ онъ сталъ проповѣдникомъ мести и вражды, вмѣсто теократическаго идеала безвластія воздвигъ угрюмый каменный идолъ силы. Кто не мѣнялся и не измѣнялся?

Но почему все время изъ-за этихъ безчисленныхъ строкъ предо мной встаетъ ужасный, темный ликъ Каина?

Почему кажется, что этотъ маленькій, узкоплечій, таящійся и, должно быть, очень трусливый человѣкъ — самая трагическая фигура современности?

Но если мнѣ страшно отъ строкъ Меньшикова, то его самого временами мнѣ вдругъ становится нестерпимо, невыносимо жаль.

2.

По темнымъ позднимъ вечерамъ, среди тягостной тишины осеннихъ ночей я вижу его тамъ, въ затихшемъ Царскомъ Селѣ, прислонившимся къ стѣнѣ своего кабинета,—одного въ цѣломъ мірѣ, одного съ своимъ великимъ грѣхомъ всенародной измѣны, мучащагося неискупимымъ преступленіемъ предательства своего родного, своего младшаго брата, Авеля.

Богохульствуя цѣлый день, перемучившись часть ужасной и черной безсонной ночи, онъ ложится въ кровать, укрывается съ головой и долго боязливо и медленно творитъ подъ одѣяломъ крестное знаменіе.

Одно...другое... третье... десятое. Крестное знаменіе убійцы и предателя: ему нѣтъ прощенія, и нѣтъ надеждъ на него.

Ночь не проходитъ, все время стоитъ за окномъ,

глядитъ одинокимъ зловѣщимъ взглядомъ,—и тогда Меньшиковъ встаетъ, опускается на колѣни и —почему мнѣ кажется это?—начинаетъ долго, скорбно и горько плакать слезами, смѣшанными съ полынью. Когда спитъ весь міръ, онъ одинъ кается и молится и клянется; но наступаетъ день—и за эти покаянныя слезы онъ начинаетъ мстить вдвойнѣ, изрекая хулу на Духа Господня, предавая снова и снова убивая,—и день ото дня растетъ это все увеличивающееся ночное самомучительство и повышается мучительство другихъ,—дневное.

Такъ ходитъ онъ, какъ бѣлка въ колесѣ, отъ покаянства къ окаянству и обратно, не находя покоя, вѣчно ища его, всѣми забытый и одинокій въ этомъ огромномъ мірѣ праведныхъ и тоскливыхъ слезъ.

3.

Послѣ 17-го октября Меньшиковъ написалъ статью—полную благородства, тономъ почтительнымъ и влюбленнымъ, исполненную величавыхъ жестовъ—о тѣхъ, кто своей смертью, годами заточенья, своимъ изгнаньемъ и пытками принесли намъ новую жизнь, новую свободу и счастье.

Всѣ были въ восторгѣ. Статью цитировали. Я прочиталъ ее, и мнѣ стало страшно.

„Какая боль совѣсти,—подумалъ я, — какая несказанная тоска должна въ этотъ мигъ глодать

душу человѣка, писавшаго эти строки въ „Новомъ Времени“! Какъ велико, должно быть, сожалѣніе о свѣтлыхъ дняхъ той юности, которая прошла на чистыхъ страницахъ «Недѣли»!“

И снова мнѣ представился Меньшиковъ молящимся предъ лучезарнымъ ликомъ Того, Кто пришелъ въ этотъ міръ спасти, а не губить, и тотъ стыдъ предъ собой, который наполнялъ въ тѣ великія минуты сердце Меньшикова, и какъ многое, должно быть, хотѣлось ему забыть и вычеркнуть изъ черныхъ дней и черныхъ строкъ своей жизни.

Но ни забыть, ни вычеркнуть уже было нельзя.

Можно было только каяться и ожесточаться, идти дальше по тому-же кремнистому пути Окаяннаго, по которому Меньшиковъ давно уже шелъ.

Вслухъ каяться было и горько, и поздно, и безполезно.

Горько, потому что стыдно; потому что на великое всенародное покаяніе способны только великіе, а Меньшикову всегда мѣшало жить его маленькое, его крохотное, безпокойное самолюбіе.

Поздно, потому что этому покаянію было-бъ отдано слишкомъ мало вѣры. Безполезно потому, что не господину, а рабу все того-же маленькаго и суетливаго самолюбія, Меньшикову, никогда не дано знать, куда и какъ оно заведетъ его.

И я отчаялся въ моихъ надеждахъ услышать вслухъ, и яснымъ днемъ, тѣ слова покаянія и сму-

щенія, слова горечи и ужаса, которыя шепчетъ предъ иконой по ночамъ его старѣющій ротъ.

И ошибся.

4.

Этимъ лѣтомъ умеръ десятистепенный, незамѣтный и неважный полубеллетристъ Дѣдловъ (Кигнъ). Онъ не былъ даже русскимъ,—обстоятельство, которому Меньшиковъ въ послѣдніе годы придаетъ такое огромное и, какъ ему кажется, такое красивое значеніе.

По всему,—и по незначительности литературнаго таланта покойнаго, и потому, что Дѣдловъ въ послѣднее время почти совершенно сошелъ со сцены,—для поминальной статьи было-бы достаточно десятка-другого строкъ.

Меньшиковъ написалъ огромный воскресный фельетонъ. Не критикъ по призванію, столь рѣдко мѣняющій общественныя и политическія темы на ему чуждыя литературныя, онъ удивилъ меня. И только тогда, когда я дочиталъ статью до конца, я понялъ, что это некрологъ не Дѣдлову, а себѣ. Дѣдловъ работалъ въ „Недѣлѣ“, былъ сотрудникомъ Меньшикова, едва-ли не его сверстникомъ и ровесникомъ.

И Меньшиковъ, кадя дрожащимъ кадиломъ надъ трупомъ товарища своей литературной юности, пѣлъ отходную своей собственной юности, такой теплой

и простой, такъ много обѣщавшей и такъ странно обманувшей и его самого, Меньшикова, и насъ,— тогда совсѣмъ юныхъ, такъ вѣрившихъ ему читателей, такъ много ждавшихъ и, вотъ, теперь вынужденныхъ писать некрологи о немъ, какъ лѣтомъ онъ писалъ некрологъ забытому Дѣдлову и своей, никогда незабываемой, молодости.

Одна фраза поразила меня въ этомъ памятномъ фельетонѣ. Приблизительно она говорила: „...А мы должны нести свой ужасный горбъ до могилы“...

И снова я читалъ эту строку и другія, и—мнѣ становилось страшно.

5.

Исполнилось восьмидесятилѣтіе Льва Толстого, и Меньшиковъ—у всѣхъ на памяти—посвятилъ великому писателю и, быть можетъ, нашему единственному праведнику во Идеѣ цѣлый рядъ оскорбительныхъ, незаслуженно несправедливыхъ строкъ. Бывшій толстовецъ, горячій поклонникъ и пера, и ученія Толстого, на апостольствѣ чьихъ идей онъ стяжалъ себѣ аудиторію, заработалъ имя и славу— тотъ самый Меньшиковъ, который робко пріѣзжалъ когда-то въ Ясную Поляну за благословеніемъ великаго человѣка на сотрудничество въ суворинской газетѣ,—этотъ Меньшиковъ вдругъ обрушился въ самый день рожденія на своего руководителя и духовнаго отца, именемъ котораго горда та Россія,

въ любви къ которой Меньшиковъ клянется такъ настойчиво и такъ страстно!.. Что за безмыслица и что за странность!

Но развѣ это такъ загадочно, или непонятно?

Причина все та же.

Все тотъ-же ужасный стыдъ за себя и за свое стыдное существованіе, страхъ предъ великими и глубокими, всевидящими, зоркими глазами, все то-же чувство отверженности отъ людей и срамъ за свое собственное прошлое, за мелкое, пугающееся и суетливое самолюбіе, боящееся открыто сознаться, и не умѣющее плакать не только на людяхъ, но и, вотъ, предъ этимъ лицомъ великаго совѣстливца.

И когда, не такъ давно, Меньшиковъ, обращаясь взоромъ къ древнему благочестію, писалъ о святой Руси, вспоминая свою статью о картинѣ Нестерова „Святая Русь“, и о томъ, какъ Левъ Толстой за эту статью его поцѣловалъ, мнѣ опять и опять стало страшно.

Я представилъ себѣ того и другого,—гиганта и карлика,—и мнѣ вдругъ показалось, что отъ одного воспоминанія объ этомъ поцѣлуѣ Меньшиковъ долженъ былъ вздрогнуть, присѣсть и съежиться: какимъ холодомъ и новой тоской отозвалась во всемъ человѣкѣ эта ласка, упавшая откуда то сверху и будто звавшая куда-то назадъ, къ чистотѣ и правдѣ.

И такъ—всегда.

6.

Всегда мнѣ чудится за этими безконечными, однообразными строками,—написанными съ упорствомъ, но безъ взрыва, съ ожесточенностью, но безъ красоты,—тяжкая и ужасная трагедія человѣка, навѣки потерявшаго самого себя, отчаявшагося въ исканіи, замерзшаго на холодѣ отчаянія и безнадежности.

Недавно его упрекнули чуть-ли не въ томъ, что ему „даютъ“, а онъ „беретъ“.

Но чего не далъ-бы самъ онъ за то, чтобъ нашелся кто-нибудь, Всемогущій, связалъ-бы концы съ концами его мысли, чтобъ свершилось чудо исцѣленія отъ могильнаго мрака его затемненной, запутавшейся совѣсти, чтобъ самого его осѣнило людское прощеніе и благословеніе Благословляющаго?

Въ этой погонѣ за тѣмъ, чтобъ стать цѣльнымъ и сильнымъ прошли его лучшіе годы, когда отъ толстовца онъ кидался къ культу древности, отсюда—къ ницшеанству, проповѣдуя и, будто, исповѣдуя двуликую мораль господъ и рабовъ, но находя въ ней оправданіе лишь своему безвольному и лѣнивому презрѣнію ко вторымъ, своему вольному тяготѣнію и рабскому поклоненію первымъ.

Отчаявшись стать большимъ чековѣкомъ, Меньшиковъ пытался стать сверхъ-имъ, но, идя отъ безвластія къ власти, народнаго начала къ государствен-

ности, отъ сочувствія борцамъ къ защитѣ „сильныхъ міра“,—вѣчно безъ почвы и, главное, безъ любви къ чему-бы то ни было,—Меньшиковъ всю свою жизнь зналъ истину внѣшнюю, пришедшую, случайно и откуда-то снаружи, ибо внутренней, своей, личной истины у него не было никогда. Въ лучшіе годы его единственный крикъ и единственная мольба были:

— Научи и помоги!

Теперь онъ не знаетъ и этого, ибо знаетъ другое,—иной лозунгъ и другую трепетную радость: не учить, а мучительствовать,—издѣваясь надъ всѣми истинами, надъ всѣми правдами, надъ всѣми законами и, главное, величіемъ любви, будто кѣмъ-то, или чѣмъ-то навсегда непрощаемо обманутый.

... Такъ живетъ онъ среди людей, отчаяваясь и мстя, ища спасенія и не находя, скитаясь по темамъ зла, въ мечтѣ отмщенья, проклиная міръ и жизнь, свободу и будущее, и все время не забывая чьей-то огромной обиды, страшный въ строкахъ, но жалкій въ дняхъ своей, Кѣмъ-то проклятой, жизни.

Вотъ почему я никогда его не бранилъ, никогда на него не нападалъ, всегда считалъ его самой трагической фигурой нашей современности. Но даже тогда, когда я жалѣлъ его и сострадалъ ему, отъ его писаній, безцвѣтныхъ и мстительныхъ, всегда мнѣ становилось жутко...

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I.

Стр.

Леонидъ Андреевъ 1
Валерій Брюсовъ 41
Н. Минскій. 61
Ѳедоръ Сологубъ. 78
А. Купринъ 91
М. Арцыбашевъ 106

II.

О критикѣ (мечты и парадоксы) 143
Дмитрій Писаревъ 168
Евгеній Соловьевъ 176
Марксистская критика. 219
Объ Антонѣ Крайнемъ (З. Гиппіусъ). 235
В. Буренинъ 249

III.

М. Меньшиковъ 265

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

ПЕТРЪ ПИЛЬСКІЙ.

Разсказы. Т. I. Изд. «Прометей». Ц. 1 руб.

ПЕТРЪ ПИЛЬСКІЙ.

Евгеній Соловьевъ. (Вступительная статья къ «Очеркамъ по исторіи русской литературы XIX вѣка»).

ПЕТРЪ ПИЛЬСКІЙ.

Проблема пола, половые авторы и половой герой. Изд. «Освобожденіе». Спб. 1909 г. Ц. 80 к.

Петръ Пильскій.

Охранный шпіонатъ. Спб., 1906 г. Ц. 50 к.

ПРИГОТОВЛЕНЫ КЪ ПЕЧАТИ:

Петръ Пильскій.

О Бальмонтѣ, Дм. Крачковскомъ, Анатоліи Каменскомъ, О. Дымовѣ, В. Муйжелѣ, А. Ремизовѣ, А. Блокѣ, С. Кречетовѣ, А. Бѣломъ, Н. Гумилевѣ, А. Рославлевѣ; В. Розановѣ, З. Венгеровой; о судьбѣ писателей, нашемъ одиночествѣ. Памяти ушедшихъ (о М. Свободинѣ, А. Богдановичѣ, Л. Зиновьевой-Аннибалъ, Л. Медвѣдевѣ и друг.).

Цѣна 1 руб.

ЦѢНА

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
00005161399